

ДЭН ЮЛИН

ПРОЕКТ "2012"

@ЭЛИТА

18+

Дэн Юлин
Проект 2012

Электронное издательство "Аэлита"

2014

Юлин Д.

Проект 2012 / Д. Юлин — Электронное издательство "Аэлита",
2014

Прогнозы глобального потепления подтвердились. Прошло триста лет. Привычный мир уничтожен. Дороги, города, страны, люди... выжили не многие. А те, кто выжил – нашел спасение за бетонными стенами последних крепостей, расплачиваясь знаниями, свободой и человечностью... Мало? На смену «Полю чудес» пришло нечто новое. Игра с большой буквы... где на кону твои руки и жизнь... «переработка»... почти как в Кинговском «Бегущем человеке». Играй и радуйся, не замечая подкрадывающийся к человечеству неизвестный Разум. Не хочешь? Ты не из тех, кто прячется за спинами друзей? Ты готов найти в себе силы, честь и отвагу – последнее оружие в борьбе с новым Злом? Уже? Тогда вперед, в неравный бой с Системой!

© Юлин Д., 2014

© Электронное издательство
"Аэлита", 2014

Содержание

Часть 1	7
Глава 1	7
Глава 2	21
Глава 3	34
Глава 4	40
Глава 5	46
Глава 6	51
Глава 7	64
Часть 2	77
Глава 1	80
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Дэн Юлин

Проект 2012

© ЭИ «@элита» 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

На игре...

Костёр никогда не видел у людей *такого* выражения лица. Враньё – видел – по телевизору, где смерть кажется фальшивой, выдуманной, неспособной коснуться. Здесь же всё по-другому, хоть и телешоу.

А как он упирался, как выгнулась его спина и вздулись вены на шее. Костёр мог поклясться, что при других обстоятельствах приз за перетягивание каната достался парнишке бы с лёгкостью.

Тело пробрала дрожь: теперь не достанется ничего.

Жаль... Раньше надо было думать. Когда решился всё изменить. Захотел жить по-взрослому: есть, спать, веселиться... в богатом районе, где живут избранные.

Избранные – слово застряло в зубах горечью.

Быть ему овощем, как метко прозвали горожан мелькавшие на экранах знаменитости. «Говорящие головы», Дмитрию захотелось сплунуть, но вокруг толпились игроки, а за ограждением бесновалась толпа. Нельзя... Если заметят – штраф, а денег нет, и вся надежда на реакцию. Если постараться – шанс у него есть – *возможность*, грубо отнятая у только что проигравшего, парень даже место своё не занял, потому что кто-то, кому он доверял, не внёс залог.

Сволочь...

Кажется, была такая сказка, о девочке, или про кролика, Дмитрий точно не помнил, где кто-то кричал: «голову с плеч!». Как похоже. Сказка... Костёр вспомнил маму, её реакцию на *его решение* участвовать в Игре. Не плакала, не пыталась остановить. Он видел, как она побледнела, как выцветшие обои в спальней, и всё.

Может, и к лучшему? Если проиграет, семья получит пенсию.

Тысячу рублей...

Толчок в плечо заставил очнуться.

– Смотри, смотри, сейчас... – послышались горячие от дыхания слова. – Нет... – Прошептал Михаил – друг, с которым решили выиграть, вопреки всему.

Дмитрий дёрнулся – чёрт! – но головы не отвёл. Плевать ему на другови шепталки, на слюни, да на всё! Ему не язык хотят в ухо засунуть. Херня. Ему хотят сообщить. Ин-фор-ми-ро-вать. Смотрите! Сейчас! Прямо на глазах у замерших зрителей – ублюдков, жующих очередную дрянь и запивающих эту дрянь пивом – обычный парень станет *короче*. На руки. Только и всего. И не виноват Аспирин – ему не до уха – товарищу просто страшно. Как всем. Даже Костру.

Мороз по коже.

Ведь все только притворяются, Костёр хотел в это верить, что зрителям весело, и они не знают, как это больно. Брехня... Всё они знают, вот и радуются, занимая места в зале, а не за игровым столом.

Люди ли они? Разве так можно? Смотреть, ставить деньги, играть... а когда очередной неудачник проиграет – кричать и материться, будто мало несчастному отправиться на переработку.

И этот проклятый скрип...

Дмитрий с трудом разжал челюсти – скрипели его зубы.

Зверьё чёртово... публика, так, кажется, помощник режиссёра просил обращаться к зрителям.

Ни за что...

Шум в студии достиг пика и оборвался. Тишина... Рука Михаила намертво вцепилась в Димкин локоть, и парень вздрогнул: в зале воцарилось *это*. Воздух словно загустел, превращаясь в клей, застывая, свился со временем, образуя сверхъестественную субстанцию: слиплись мысли, дыхание...

Наверное, то же самое творилось двести лет назад, когда немецкие войска рвались к Москве, и на панфиловцев (Дмитрий вспомнил забытый памятник) надвигалась армада танков. Танки... Сейчас армады не было – люди... тысячи зрителей, с чьих губ готовы сорваться слова: «Жми! Давай! Отрежь мудаку руки. Отрежь Ему, а не мне, и я буду счастлив. Буду жить, радоваться, приду домой и засуну жене, потому что даже порнуха не возбуждает больше, чем вид отрезанной плоти и вопящего до ломоты зубов человека».

Ты-джих... с глухим металлическим лязгом массивное – стальной кусок гранита – лезвие гильотинных ножниц рванулось вниз.

Часть 1

Глава 1

Ветер с пылом гонял по асфальту пластиковые бутылки, выцветшие пачки сигарет и обрывки газет. Мышиное небо собирало тучи – замышляло дождь. Сыро, хмуро, тоскливо, привычно пахнет гарью и пылью, поздний летний вечер – тепло.

На земле три полосы – фосфоресцирующие ленты: зелёная, оранжевая и красная. Холодно отсвечивают в лучах прожектора, точно светофор: «Внимание, осторожно, стой» – предупреждение, за которым в темноте ночи теряется стена. С колючей проволокой, датчиками, вышками. На стене надпись: «Запретная зона, проход запрещён». А за стеной... никто из горожан не знал таящегося по другую сторону бетонных плит.

С другой стороны...

Жалея, что залез отлить в самые заросли – повыше колена расплзлось мокрое пятно – Дмитрий Костров удручённо вздохнул и повернулся к другу:

– Нарваться хочешь? Знаешь, что будет?

Михаил пнул мятую жестянку пивной банки, глаза проследили кувырок, равнодушно брякнул:

– Пятнадцать суток.

Дмитрий криво улыбнулся. Прекрасно зная ответ, он или заразился занудством у Спирина, или становился таким же брюзгой, взрослея, но каждый раз, оказываясь у стены, начинал до друга докапываться. К тому же Аспирин до сих пор не мог (или не хотел) объяснить, зачем они сюда мотались.

– И всё?

– Ну, с работы вылечу, оштрафуют... Отец, наверняка, убьёт.

– А со мной? – не без злорадства поинтересовался Костров. Заметил недовольный взгляд друга и подумал, что когда-нибудь доиграется. – Обо мне ты подумал?

Ответа не дождался.

Тема была неприятной (Дмитрий знал, в каких условиях живёт Михаил) и раздражение, как всегда оставляя на душе неприятный осадок, быстро сменилось грустью.

– Я, между прочим, могу на переработку загреметь... – нахмурившись, решил оправдаться он. – Или тебе плевать?

– Да знаю. – Болезненного вида невысокий молодой человек прислонился к неровной кирпичной кладке полуразрушенного дома. – Чего прицепился? Тянет меня сюда.

– Неужели?

– Отвали. Сам ничего не знаю. – Взбрыкнул Аспирин, и не солгал. Только спустя несколько недель он поймёт причину странных снов, и ещё более странное желание видеть Стену.

Диман устал стоять и опустился на корточки, глаза выхватили в грязи что-то мерзкое, безразлично поморщившись, снова поднялся:

– Отсюда туда не попасть. – Поёжился от налетевшего ветра. – Ты же знаешь.

– Чувствуешь запах? – Проигнорировал замечание Спирина, в красивых серых глазах отразились цветные полосы. – С той стороны?

– Не-а. – Крепкий жилистый парень взъерошил русые волосы, бездонной смолью блеснули в темноте глаза. – Воняет везде одинаково.

– Неправда...

Дмитрий сплюнул: спорить он не хотел, да и не умел.

Снова влажный шум ветра и бумажный шорох мусора, далёкий одинокий стук не запертой двери. Знакомые звуки, но если прислушаться... можно услышать тревожный гул запрятанного в два оголённых провода смертельно-высокого напряжения. Исчезая слева и справа, провода темнели на светлом фоне бетона, придавая ему сходство с тетрадным листом. Только если линии в тетради ещё можно пересечь, эти – никто и не пытался.

Бросив на друга виноватый взгляд, Михаил как загипнотизированный устался на яркий прожектор, осветивший близлежащие дома, заросшую площадку и снова нащупавший парней. Поёжился. Теперь по ним запросто могли открыть огонь, но Спирина, похоже, было наплевать.

Костру, по-видимому, тоже...

Сколько раз они приходили на этот колодец-пустырь, зажатый между одноэтажными кирпичными коробками, по непонятной прихоти древних строителей упиравшихся прямо в Стену. Сколько раз стояли на чудом сохранившемся пяточке апельсиновой корки асфальта: старом и рыхлом, потрескавшемся, заросшем травой и кустарником. И сколько раз, чувствуя на себе внимательные до дрожи взгляды, гадали, что находится с другой стороны.

Мечтали...

Когда-то давно здания были складами, теперь – превратились в развалины, памятники прошлой жизни, в полуразвалившиеся склепы с темнеющими провалами окон. С одной стороны грязная и отравленная промышленная зона, с другой... никто толком не знал о скрытом за «краем», как называли бетонную стену, возведённую больше двухсот лет назад и отделившую старые пятиэтажки и такие же заводы от внешнего мира. По слухам, там всё было по-другому: красивые города, чистые улицы, богатые и воспитанные горожане. Примерно как в изолированном районе родной крепости, где проживали разбогатевшие владельцы предприятий, удачливые коммерсанты и чиновники.

Не веришь слухам – смотри телевизор с ежедневными передачами о победивших в *Игре* счастливых, правдивыми картинками и прочей чепухой.

Телевизор – это серьёзно. Если верить, конечно...

Отец Дмитрия не верил. В те редкие минуты, когда находил время для разговора с сыном, бывший начальник производства твердил, что картинки можно подделать, и за Стеной ничего нет.

Ничегошеньки...

А Дмитрий не верил отцу. Незачем тогда ходить на работу, копить деньги и мечтать о свободе. Надежда, как известно, умирает последней. Как бесплатные психологи, расплодившиеся в последнее время подобно тараканам.

Костров-старший, рискуя загреметь на переработку, психиатров избегал, и запрещал посещать сыну, но мозгоправы так правдиво рассказывали о «другой» жизни, что ради этого стоило их слушать. Нет, он отцу не верил, а если и пробовал – не признавался даже себе.

Трусил...

А вот Мишка не верил точно. Не пропускал ни одной передачи и зачем-то таскал сюда. Чуть ли не каждый выходной. По вечерам, когда остальные шли в кино или на дискотеку, или, напившись до безобразия, тискали по подъездам девчонок. Не верил и надеялся когда-нибудь из города выбраться. Работал сразу на двух работах, учился и играл во всевозможные лотереи. Зарабатывал горб, как говорил Костров-старший, правда, тоже где-то с утра до вечера пропадавший, но не ради «счастливого билета», а чтобы прокормить семью: Димку, младшую сестру и прикованную к постели после ранения супругу.

Взгляд упал на едва различимые на закопчённой стене слова, кажется, детское стихотворение. Интересно, откуда? Люди возле «края» не жили, а если появлялись, то лишь бандиты или отморозки. Они постарались? Вряд ли. Писать не умеют, и небезопасно: подстрелить могли

запросто. По-видимому, стихи остались с тех времён, когда рядом располагалось общежитие, и мир не делился на части.

Заставляя зажмуриться, грязную стену ожёг луч прожектора.

Интересно, если прийти сюда днём, на асфальте тоже можно надписи разглядеть? Какие-нибудь рисунки?

Глаза заслезились. Костёр понадеялся – от ветра.

Какие, к чёрту, надписи? Какие рисунки? Их давно смыло дождём, сдуло ветром и стёрло градом. Единственным богатством запретной зоны были большие неприятности: кроме возможности загреметь в кутузку, по пути к дому требовалось пересечь контролируемый враждебными группировками квартал; попадутся местным – «обезьянник» станет мечтой.

Если выживут...

– Про шоу слышал? – Вопрос друга отвлек от мыслей и заставил нахмуриться: про шоу слышали все.

– Игру?

– Как думаешь – шанс есть?

– У тебя? – Диман от удивления повысил голос, до этого они говорили полупрошепотом. – Железякой решил стать?

Молодые люди встретились взглядами.

– Не могу больше...

– Да ну? – Михаил капризно поджал губы, и Дмитрий быстро поправился. – Забудь, вырвалось... у тебя и так получится.

Но Спириу уже завёлся:

– Думаешь, если в семье один, и мать не болеет, легче?

Началось...

– Да ничего я не думаю. Не то хотел сказать. Остынь...

– Остынь? Иди знаешь куда?

Диман пожал плечами:

– Как скажешь. – Раздражённо сплюнул в густую траву и повернулся, собираясь уйти. И замер: вдалеке прыгал луч фонарика.

– Ладно, проехали... – стал успокаиваться Михаил, и увидел, как напрягся друг. – Ты чего?

Диман предостерегающе поднял руку:

– Заткнись. Доигрались, мать твою, идёт кто-то.

– Сюда?

– Угадай.

– Менты?

Костров поморщился:

– Я знаю? – И быстро оглядел пустырь.

Валить нужно...

Сердце забилось сильнее, под рубашкой стало жарко.

– Что делать? – в голосе Спирина больше не было злости, скорее испуг.

– На склад нужно, спрячемся там. – Диман торопливо двинулся к темнеющему прямоугольнику двери.

Сзади раздался испуганный вздох...

Пробираясь сквозь заросли крапивы и лопухов, Костёр старался не думать о заброшенном доме. Говорили всякое. И чаще о разной нечисти, обитавшей вдоль «края». Разумеется, он в эти рассказы не верил, всё-таки взрослый детина, но всё равно при одном взгляде на колодцы окон, куда не мог пробиться мощный луч прожектора, становилось не по себе, не говоря уже о Мишке с его богатым воображением.

Пятно фонарика приблизилось.

– Чёрт, – прошипел Диман, белея зубами. – Шевелись.

Сзади послышалось торопливое шуршание: худенький товарищ вышел из ступора.

Хорошо, теперь главное... Дмитрий остановился в метре от покосившегося крыльца. Замер. Предчувствие беды ледяным ветром перехватило дыхание: спасительная дверь могла оказаться закрытой. Вдоль позвоночника скатились зябкие металлические шарики пота.

Влипли...

С трудом подавив болезненную судорогу, Костёр попытался оценить обстановку. Не получилось – мысли тонули в адреналине. Хотя нет, одна чудом выплыла. Он вдруг на полном серьёзе подумал, что если попытается спрятаться в траве, навсегда испачкает новые джинсы.

Зубы до боли впились в губу.

О чём он думает? А если им до кучи два чёртовых нароста оторвут? Головы их безмозглые! Если пожаловала одна из уличных банд, или охрана?

Джинсы...

Молодой человек одним прыжком преодолел расстояние до двери, руки ухватили приваренную вместо ручки скобу, и со всей силы рванул. НИЧЕГО! Лишь живот закрутило и в панике зашлось сердце. Уже не думая, что выдаст себя шумом, плевать, Костёр с остервенением дёрнул сильнее. Давай же! Ну! Есть... Немного, совсем чуть-чуть, ржавая створка сдвинулась и отошла, открывая узкую щель. Потянуло плесенью, кисловатым запахом истлевшего дерева и какой-то тухлятиной. Но думать некогда... время кончилось. Или он сейчас сдвинет этот сраный, точно язвами покрытый ржавыми наростами лист железа, или кончиться всё остальное.

Навсегда...

Сзади послышалось учащённое дыхание, и Диман вздрогнул, резко развернулся, привыкшие к «груше» кулаки в защитном движении застыли на уровне груди.

– Ты... – выдохнул Костёр, замечая перед собой бледное луноподобное Мишкино лицо. – Ё...

Михаил его испуга не заметил, сам трясся от страха.

– Их много. – Глаза друга, и так большие, теперь казались просто огромными. – Человек десять... не меньше.

Десять, не меньше...

Костёр отвечать не стал. Язык не слушался. Лучше несколько секунд постоять в тишине. Подождать. У него всегда так, даже отец соглашался: стоило перенервничать, как та фигня, от которой мысли путаются, исчезала по-быстрому. Вместо неё нарисовывались холодная собранность и граничившая с пофигизмом решимость. А следом – спасительное решение. Вот и сейчас, взглянув в испуганное лицо Аспирина, Костёр словно вышел из тела, другими глазами разглядывая пустырь, не обращая внимание на приближающиеся шаги и обрывки фраз.

Искал выход.

У них полминуты. Всего тридцать секунд... Бежать к другим дверям поздно, услышат или увидят, и неизвестно насколько другие подъезды заросли *травой*.

Есть!

Снова, более внимательно изучив крыльцо, Костёр убедился в отсутствии запоров и замков. Дверь просто крепко заросла лопухами и нужно лишь сильнее дёрнуть за ручку. Резче, не нервничая, и в правильном направлении.

– Хватайся. – Дмитрий посмотрел на друга. – Тяни вверх и на себя.

Друзья изо всех сил напряглись и осторожно потянули. Дверь медленно, с противным скрипом и сочным хрустом рвущихся сорняков, начала уверенно открываться. Прошло несколько секунд, и чёрный зев прохода оказался способен проглотить двух ненормальных (раз решились на такое) молодых людей.

Хорошая мысль, насчёт «проглотить». Насчёт «ненормальных» – тоже.

Вперёд...

Недолго думая, чего уж теперь, Диман решительно шагнул в темноту. Повернулся, не глядя, схватил друга за рубашку и потянул за собой. Вскрикнув от неожиданности, Спирин подался вперёд, его дрожащие ноги заплелись и парень споткнулся. Костёр представил, как товарищ, пытаясь сохранить равновесие, пропеллером машет руками, как в камень свело мышцы живота.

Плюх!

Громкий плеск и влажное шевеленье.

Чёрт...

Дмитрий машинально присел, сдерживая вскрик, вытянутые перед собой руки нащупали друга:

– Живой? – Вздрогнул, касаясь льда мокрых пальцев товарища. – Какого...

– Я...

Диман зажал парню рот:

– Тихо.

За дверью послышались шаги, и в проём проскочил жиденький лучик света.

Не могли фонарик лучше найти. – Возникла дурацкая мысль, и следом. – *Ничего, тебя заметит хватит.*

– Вставай, придурок. – Митяй рванул Аспирина так, что затрещали швы. – Клянусь, это последний раз, когда тебя послушал.

Михаил попытался ответить, но губы не слушались, и получилось какое-то мычание, но поднялся, жить-то хочется, и следом за Дмитрием сделал несколько неуверенных шагов. Глаза немного привыкли, и очертания комнаты стали видны лучше. По крайней мере, достаточно, чтобы завернуть за угол и спрятаться. Вот только прятки совсем не та игра, в какую хотелось сейчас играть. Ночью, возле Стены, когда бухающее сердце заглушает шум собственных шагов, уши пытаются уловить малейший шорох, а живот сводит от каждого шага. С прятками у него всегда были нелады... с того самого раза, когда в шестилетнем возрасте спрятался в школе.

– Помнишь? – Он даже представить не мог, что друг думает о том же. – Тогда...

– Помню. – Диман вытянул перед собой руки. – Видишь меня?

– Вроде... – В спину ткнулись ледышки грабок.

– Ой...

Теперь, как всегда, всё зависело от него, на Михаила надежды мало.

Десять шагов вперёд... осторожно... ещё три шага... стоп... кажется, впереди дверь. Костёр остановился, тронул матовый блеск, провёл пальцами по ржавому металлу. Ногти коснулись шершавой поверхности, бр-р... парень вздрогнул, вспоминая...

Пятнадцать лет назад они с Мишкой играли в прятки. В старой школе. Почему – уже не вспомнить, то ли дежурили, то ли ждали отлучившегося по делам отца. Но количество раздолбаев (пятеро), и среди них одну оторву – помнил прекрасно. Машка – безлунная ночь волос, курносый нос и два огромных небосвода хитрющих глаз...

– Чего встал? – Хрип Аспирина грубо выдернул из воспоминаний. – Не слышишь?

Отвали... слышит он всё, не глухой. Вспомнил просто. Кое-что странное, на что раньше не обращал внимание. Фразу, подслушанную в подвале школы, когда по глупости решил спрятаться «так, чтобы никто не нашёл».

– Они у двери... – Конец фразы Костёр не услышал, а додумал. – Иди же... – Михаил вцепился ему в плечо, словно хотел сломать ключицу.

Иди... вот сам и иди. Дмитрий нащупал ручку и с силой зло дёрнул. Возмущённо лязгнув, дверь плавно открылась. Слишком плавно...

Стало ещё светлее, похоже, в потолке и крыше находился пролом, через него и проник свет с улицы. Сзади слышались удивлённые голоса преследователей и знакомый скрип входной двери.

– Я тебе говорю, открыта, – тихо сказал мужчина.

– Дай посвечу, – басом огрызнулись в ответ. – Отодвинься, придурок.

Костёр нырнул в проём. Следом метнулся Мишка: в этот раз тащить его не пришлось. Друзья прикрыли межкомнатную дверь, и, не чувствуя острых углов отвалившейся штукатурки, прижались мокрыми спинами к прохладной стене. Наступила тишина: похоже, незваные гости сомневались, стоит ли заходить внутрь.

В темноте зашуршало.

Диман вжался в стену, словно хотел в ней раствориться.

– Ты слышал?

Почему-то Дмитрию захотелось другу врезать.

– Заткнись, – едва слышно прошептал он. – Ради Бога, заткнись...

Шорох приблизился. Шорох? Не шорох, шаги... Дмитрий понял, на что это похоже. Так ходил сосед, древний старикан по прозвищу Борода. Шаркал по подъезду, не поднимая ног и оставляя в пыли смазанные следы. Они играли в следопытов и легко обнаруживали, где прошёл немощный дед.

Они любили играть в разные игры, например – прятки...

В подвале было темно. Наверное, как здесь, но скорее всего, светлее, в детстве всё кажется иначе. Но то, что они два маленьких придурка, Костёр не сомневался даже тогда. После того, как дверь с издевательским щелчком захлопнулась перед носом, и он убедился: изнутри её не открыть...

Ему показалось, или вонь стала сильнее?

В подвале школы так не пахло. Пахло ванной, вернее, паром, или сыростью, как говорил Костров-старший. Раньше он говорил, в ванной пахло мылом и туалетной водой (странно, Димка всегда думал, воняет мочой). Но после того, как мыло осталось только «хозяйственное», а туалетной воды не стало вовсе (парень не знал, что это такое, иногда смеялся: вода из бачка унитаза), в ванной стало пахнуть мочой, или, как говорил отец – паром, или сыростью.

Что это за звук?

Стучали Мишкины зубы, мерзкий костяной стук бильярдных шаров или перебираемых пальцами чётков.

В другой ситуации Костров рассмеялся бы: надо же, Спирин от страха трясётся, не хватало ещё обделаться (*хорошо, что приятель упал в лужу – не заметно... в отличие от него*), а теперь только удивился, почему не стучат у него. А разве должны? А разве нет? Разве он не уверен, что из темноты кто-то смотрит? И не просто смотрит, а разглядывает. Видит, несмотря на темноту, а возможно – благодаря ей.

Костёр мог поклясться: в комнате кто-то был.

И убедиться в этом легко. Достаточно протянуть руку и коснуться. Дотронуться до того, кто стоял напротив. Стоял, разглядывал, *дышал в лицо*. Парень буквально чувствовал мерзкое дыхание, яд, сочащийся из прищельца. И видел! ВИДЕЛ очертания твари... лишь отдалённо похожей на человека.

– Как мы выберемся?

Это Мишка спросил сейчас, или когда застряли в подвале школы?

– Как мы выберемся?! – Закричал он.

Значит, тогда.

– Не надо... – А это уже сейчас.

Действительно, не надо, отстань, прочь...

К горлу подкатил ужин, и Диман согнулся, сблёвывая не переваренные до конца макароны.

– Не-ет. – Содержимое желудка с омерзительным хлюпаньем выплеснулось на пол, в нос ударило кислотой. – Господи... – Парень вытер губы тыльной стороной ладони, и с дрожью сплюнул попавшие на язык скользкие кусочки.

– Ушёл... – прошептал товарищ. – Ушёл.

– Это...

– Кто здесь?! – Голос из-за двери заставил подпрыгнуть. – Выходите, милиция!

Дмитрий начал дрожать. Может, от страха, а может, от нервного возбуждения, хотя какая к чёрту разница?

– Скорее, – с трудом проговорил он, понимая, что существо, находящееся в комнате, нападать не собирается. – Туда. – И вытянул перед собой руку, не думая, что Мишка не видит. Быстро пересёк комнату и нырнул в ближайшее ответвление.

Коридор...

В школе они тоже шли по коридору. На свет, думали, там люди. И не ошиблись. Только сначала услышали странный разговор, навсегда врезавшийся в память. И что они услышали? Что сказал незнакомый мужчина в тёмных (в подвале!) очках и с капюшоном на голове, обращаясь к директору школы? И что ответил директор?

– Помогите мне... – прошептал Михаил, хватая Дмитрия за плечо. – Ноги не идут. – Правда, сказал, проглатывая окончания слов и почти без остановки. Вроде: «Меногидут», но Дмитрий понял, пока затаскивал друга в коридор.

Вовремя.

Дверь в комнату резко открылась, и в сумрачный зал с шумом ввалились преследователи. Топот тяжёлых тел и шарканье споткнувшихся ног, мат сквозь зубы и нервные смешки. И снова тишина, затем – щелчок взводимого курка: по крайней мере у одного из незнакомцев имелся «ствол».

«И это всё»? – Голос мужчины в капюшоне казался знакомым. – «Больше ничего»?

«Ничего». – Голос директора школы дрожал.

«Значит, бесполезно».

«Бесполезно»... – Услышали затаившиеся ребяташки. – «Никто не выживет».

Вот, что он ответил.

«Бесполезно» и «Никто не выживет». Никто.

Это тогда, в подвале школы.

Диман начал боком, упираясь спиной в стену, осторожно красться вдоль коридора.

– Посвети туда.

А это сейчас.

Под ноги попала какая-то дрянь и с каменным шорохом откатилось. Парень сделал ещё два шага, прежде чем штука перестала катиться и остановилась. Затем задел снова. Опять что-то покатило, звонко стукнулось, и гулко (дых, дых) застучало, скатываясь по ступенькам. Ступеньки? Дмитрий не стал останавливаться, продолжая идти, и одной рукой направляя семенящего следом друга.

Интересно со стороны взглянуть, – снова некстати подумал Костёр, – посмотреть через прибор ночного видения – ПНВ...

Он видел один в музее.

Как они, словно балерины или танцоры недоделанные, одновременно вытягивают в сторону левую ногу и замирают. Переносят не её вес тела и приставляют правую. Снова выставляют, наклоняются, приставляют... как в танце, только танцуешь с липкой тьмой и своими нервами.

Плечо упёрлось в стену: танцы кончились. Глаза уловили очередную дверь, вернее, её остатки, и молодой человек смело шагнул вперёд.

Исчезновение Дмитрия заставило Михаила растеряться. На секунду. А затем он очумело метнулся следом, промахнулся и с размаха врезался в стоящий возле дверного косяка холодильник. Его корпус проржавел и стал почти чёрным.

Послышался оглушающий звон и грохот – древний агрегат впечатало в стену. Вызывающий мурашки стальной визг – металлические ножки поехали по бетону. И затравленный человеческий крик – Мишка больно ударился и испугался.

Неуклюжий...

Хотя Диман, кажется, тоже не сдержался. Но через мгновение заорал во всё горло, когда от грохота в коридоре заложило уши и скрутило живот. Глаза ослепила белая вспышка, что-то горячее (*пуля?*) вжикнуло рядом и с искрами врезалось в стену. В воздухе запахло дымом, а на зубах закрипела цементная крошка. В носу запершило.

Пора делать ноги...

Как бы Костёр ни испугался, сумел сообразить, что после выстрела, а прогремел именно выстрел, никто ничего не видит и не слышит. И если надо бежать – момент настал.

* * *

Кощея считали сильным.

Несмотря на свои тридцать восемь лет, он легко отжимался пятьдесят раз и двадцать подтягивался. Правда, всегда забывал упомянуть, что никогда не приседал со штангой, и когда раздевался, смотрелся комично: развитый торс на бросающихся в глаза рахитичных ножках.

«Приседания – для слабаков» – говаривал он, и приходилось соглашаться: – «Главное – руки».

Никому не хотелось спорить с правой рукой местного мафиози. Не хочет шеф ноги качать – не надо, Бог ему судья, или Босс, как называли того самого мафиози. К тому же, если требовалось, Кощей мог очень хорошо вдарить, после чего не каждый оставался на ногах (даже у кого они были сильными), а некоторые и вовсе вырубались.

А ещё Кощей был не глуп. Не настолько, конечно, чтобы в университете учиться, или помощником директора на заводе работать, но достаточно для превращения из простой торпеды в уважаемого вора в законе. И когда один из его архаровцев выхватил пистолет и начал палить, тут же догадался: пора делать ноги. Сначала, правда, возникло сильное желание накачать кретина, но быстро исчезло. Не из-за охраны (ментам ещё надо сюда добраться), и не потому, что пришли совершить кражу. Нет... Просто громкий шум мог разбудить местных обитателей. И не мог, а точно разбудил, Кощей готов был руку дать на отсечение, или даже голову. Вот и не стал тратить время на выяснение отношений, всё равно шмальнувшего не видел, а ловко повернулся (кто теперь скажет, будто ноги слабые?) и метнулся к выходу.

Но ноги всё-таки подвели... А может, зрение.

В момент, когда до спасительной двери остался шаг, левая нога наступила на что-то твёрдое и круглое. Воображение тут же нарисовало ухмыляющийся человеческий череп, и... почти сразу забило в панике, когда мафиози вскрикнул от боли и споткнулся.

Кощей подвернул ногу, стараясь не упасть, отклонился от намеченного курса и смаху врубился в стену. Послышался тихий, знакомый по «работе» костяной хруст, и мужчина заорал: в плече что-то сломалось. А когда упал на пол, сразу вспомнил о плохом предчувствии и желании идти на «дело».

А вот Ганса, кретина, заметившего Мишку, подобные мысли не занимали. Мыслительный процесс требовал усилий, и двадцатилетний преступник старался использовать серое

вещество как можно реже, насколько позволяла ситуация, разумеется. И ведь, правда? Зачем думать, если руки делают всё сами? Бьют, куда надо, выхватывают пистолет и жмут на спусковой крючок. Всё очень быстро и точно, спросите у тех, кого собственноручно на свалке закопал. И дурного предчувствия у Ганса не было, потому что знал Ганс: дело прибыльное, не каждый день в Город атомные генераторы притаскивают, пускай старые и излучающие радиацию, цена от этого не уменьшалась, скорее наоборот.

Надо было видеть лицо бандюка. Улыбка осветила узкий лоб и пороссячьи глазки, делая физиономию осмысленной и доброй, тьфу... но действительно, улыбка всех делает краше. Знал преступник, и что шуметь в помещении, тем более стрелять, категорически запрещено, прекрасно знал, но ничего не мог поделаться с руками. Хорошие были руки, быстрые, да и зрение не плохое, сумел же Мишку углядеть. Правда, кое-что не увидел даже он, например, ещё одну фигуру в конце коридора...

Кощей попробовал подняться. Чёрта с два... И чуть не взвыл от отчаянья. Всё! Амбец... втихаря не смоемся. А если позовёт – его, наверняка, в панике бросят.

Рука скользнула к кобуре.

Был у Кощей и ещё вопрос. И тоже не очень сложный. Кого он заметил слева, когда падал? Одного из своих головорезов...

С той стороны твоих людей нет.

...или стражей?

Шершавая рукоятка с самодельными углублениями под пальцы удобно легла в ладонь.

Ганс успел выстрелить три раза, прежде чем сообразил: происходит странное. Во-первых, стало темнее, кто-то из ребят с фонариком перестал светить; во-вторых – почувствовал в темноте подозрительное шевеленье; ну и, в-третьих, вспомнил наконец, что шуметь в доме нельзя.

Не думая, Кощей выхватил «Беретту» и открыл огонь, одновременно начиная кричать, когда в жёлтых всполохах увидел, в кого стреляет. А затем, уцепившись свободной рукой за дверную коробку, попытался подползти к выходу. Ну же! В следующий миг кто-то с лёгкостью (не помогли бы мощные ноги) оторвал мафиози от пола и швырнул в темноту.

– Не-ет!!! – заорал Кощей, и темнота пришла в движение.

Яростными вспышками стробоскопа в темноте разразилась беспорядочная пальба. Бандиты поняли, что случилось, и стали вырываться из западни.

Западня не пускала...

Ганс развернулся, лицо приятеля белело в темноте, с удивлением увидел в глазах напарника слёзы. Ничего не понимая, заметил на стене прыгающий луч фонарика (рука парня ходила ходуном), нахмурившись, удивлённо поинтересовался:

– Ты чего, а...?

В ответ напарник нечленораздельно промычал, словно ему что-то мешало. Затем это что-то высунулось, и Ганс подумал, будто приятель показывает язык (*какого хрена?*), но быстро сообразил: для языка штука слишком длинная, и... наверное, гибкая, словно язык превратился в огромного червя и зажил собственной жизнью. Ганс, наверняка, сильно удивился, хотя ничего и не понял, если бы узнал, что мыслил верно.

– Х-х-х, кх-ха-а-а... – вырвалось из раззявленного рта, а затем лицо разлетелось на куски.

Ганс глаза закрыть не успел, тем более испугаться. А когда в лицо полетели горячие ошмётки, тупо облизал губы, чувствуя мягкие, приятные на вкус сладковатые кусочки. Потому и жив остался. Его не очень мощный мозг (совсем не мощный) сумел родить единственную, но необходимую в тот момент мысль: «Это не язык, чёрт возьми, совсем не язык».

То, что напарник умер (а главное, как), в голову отморозку не пришло.

И, наверное, будет не честно, если спасение Ганса зачтётся мозгу, руки бандита тоже не подвели. Вот бы удивилась подружка, на каждом углу трубившая, что уже месяц имитирует оргазм, так как у недоумка маленький член, а руками он может только махать.

Ганс выстрелил ещё два раза, и тот, кто подкрался к приятелю сзади и разорвал несчастному голову, с утробным воем отлетел в темноту.

Сломаны нога, плечо, рука, рёбра, выплывая из обморока, дотошно и с привкусом мазохизма, перечислял Кощей свои потери, *короче, изломался весь*.

И болело тоже – всё.

Начиная с ногтей на пальцах ног и кончая макушкой. И, пожалуй, макушка болела больше всего – именно ею он врезался в стену. Ну да чёрт с ней, с макушкой, главное руки (не ноги же?) целы, и можно ползти. Хорошо, что можно. Другие, Кощей видел (и слышал!), как летали по комнате его ребята, превращаясь во что-то бесформенное, но уверенно мёртвое, не могли даже ползать. Уже не могли. И всё из-за одного единственного уroda.

Кощей осторожно зазмеил к двери, горячо надеясь, что виновника сожрали.

В комнате творилось невообразимое. Ухали и лопались выстрелы. Заставляя вскрикивать и жмуриться, высекали всполохи рикошета, и с неслышным чавканьем влипали в людей. В глаза и нос набивались невидимый в темноте дым и поднятая в воздух пыль. Скрипел на зубах превращённый в крошку цемент. Гудело в ушах. Но весь шум не мог заглушить человеческие вопли. Здоровые мужики шатали ором стены. Наверное, кого разрывали на кусочки. Кому везло – умирали тихо и быстро. А ещё... несчастные метались. Бежали по комнатам, надеясь найти укрытие. И не могли. Лишь налетали на углы, полуистлевшую мебель, валились с рёвом на пол, пытались судорожно подняться. Чувствовали, как сзади приближается смерть, хватает и тянет, и изо всех сил пытались вырваться. Хрипели и брызгали слюной, когда «стальной трос» Ледяного и Прочного опутывал тело, сипели, когда сдавливал горло, и дёргались, когда ломал рёбра.

Умирали...

И если бы не стрельба и дикие крики, можно было услышать, как сочно трещат рёбра и звонко ломается позвоночник. Как с чавкающим звуком сворачиваются шеи и отрываются конечности... Если бы не темнота, увидеть фонтаном хлещущую кровь, забрызгивающую стены, пропитывающую превратившиеся в труху доски пола. Почувствовать, как комната наполняется запахом крови, оружейной смазки и дыма. И как к запахам примешивается вонь человеческих испражнений.

Главное, чтобы не заметили, главное, чтобы не заметили. – Птицей в клетке билась в голове единственная мысль, и заканчивалась: – *За что мне это?*

Кощей до ломоты сжал зубы, по лицу градом катился пот, стараясь не закричать, перекатился на середину комнаты. Огляделся, на миг глаза застила пелена, и, холодея, заметил наступившую вокруг тишину. Хотел облегчённо выдохнуть, мышцы на миг расслабились, когда сообразил, что на самом деле это плохо, если не сказать хуже. Потому что не осталось больше живых, вкусно пахнущих людей, и некому отвлекать от него чудовищ. Из чего следовал вывод, не утешительный, но правдивый: если не встанет и не доберётся до выхода – домой уже не вернуться. И не только домой, его даже не похоронят по человечески, если не считать таковым тот факт, что в землю он попадёт, несомненно... После того, как его сожрут, переварят, а затем... хорошая мысль, успокаивающая. Именно поэтому Кощей снова сжал зубы, твёрже сдвинул пистолет, перекатился, стуча мослами по полу и оставляя на досках капли пота, и рывком встал на ноги. Замер, напряжённо вслушиваясь и вглядываясь. Почувствовал, как что-то насторожилось, словно удивилось, как могло прозевать, а затем... неуловимо пришло в движение.

Только в этот раз Кощей оказался готов.

Бесформенное пятно вытянулось, приближаясь.

Кощей ждал до последнего, а когда до фигуры осталось меньше метра, открыл огонь.

Бах! Бах! Бах!

Раз, другой... третий... увидел мешком свалившуюся тварь, услышал стеклянный визг, почувствовал чужую боль. А затем прыгнул к двери, и чужая боль мгновенно сменилась своей. Раскалённым прутом вонзилась в ногу, проткнула тело и врезалась в макушку. Из глаз брызнули слёзы, мочевого пузыря сократился, а тело прошиб пот.

Ещё один прыжок – и рука нащупала ручку.

Кощей скорее почувствовал, чем увидел: сзади что-то подбирается, а может, учуял – воняли твари мерзко. Короче, понял и уразумел: для спасения не хватает всего нескольких секунд и одного шага.

Вперёд...

Но вместо этого отпрыгнул назад, сдуру, и снова спас себе жизнь.

Оставляя приторный запах сырого мяса, мимо пролетело что-то тяжёлое, обдав вонью застарелого пота и мочи, смачно врезалось в стену.

– Не торопись, – процедил Кощей, разряжая остатки обоймы в поворачивающегося к нему монстра.

Залетевший в открытую дверь ветер донёс запах улицы – запах спасения: по имеющимся сведениям, обрубки из дома не выходили.

Мужчина сделал последний шаг, и... увидел в проёме нечто. Разглядеть чудовище мешал бьющий в глаза свет от прожектора, но и увиденного оказалось более чем достаточно. Закричав, Кощей отпрянул назад. Выставил перед собой руки и закрыл глаза, мысленно прощаясь с жизнью.

Тварь метнулась следом.

Над головой полыхнула молния и ударил гром, что-то блестящее залетело под рубашку и с шипением прилипло к коже. В следующую секунду чьи-то руки схватил Кощея за талию, и грубо толкнули вперёд. Мужчина пробкой вылетел в дверь и свалился на агонизирующего бионита. Снова закричал, когда руки провалились внутрь, а пальцы коснулись скользких внутренностей и горячих механизмов. Замер, когда опять загремели выстрелы, и закрыл глаза.

* * *

Если у Кощея сильными были руки, то у Ганса, судя по всему, ноги. Потому что бежал он так, что вряд ли уступил кому-нибудь из бывших одноклассников. А ведь когда сдавали нормативы, подросток не входил даже в первую пятёрку. Зато сейчас пришёл бы первым. Парень нёсся, словно за ним гналась стая волков, и при этом тащил на плечах Кощея. При каждом шаге главарь громко стонал, но не ругался, хотя и хотелось. А ещё Кощей хотел вернуться к двери в дом и долго громко кричать, орать и посылать всех куда подальше, но вместо этого он стонал и плакал. А когда Ганс подбежал к машине и помог забраться внутрь, произнёс одну фразу, после чего сразу потерял сознание:

– Что за падла открыла огонь...

И Гансу хватило ума не сознаться.

* * *

Диман заставил себя пошевелиться. В прямом смысле слова. Напряг мускулы, словно подтягивался или отжимался, согнул руки. После увиденного хотелось лежать, забиться в какую-нибудь щель и не двигаться. Невозможно, в природе не существует. Пасовало хвалё-

ное Мишкино воображение. Однако было. Он сам, да и друг тоже, своими глазами видел, как какие-то твари (не люди, точно) набросились на тех, кто выдавал себя за ментов. А затем... хорошо, что он избежал от ужина, потому что в желудке снова закрутилось. Чёрт... Полный триндец. Неужели байки про мутантов правда? Но тогда... что ещё из многочисленных ужастиков, рассказанных пацанами, существовало в реале? Пятно на стене? Призраки? Чёрный-чёрный лес или чёрная комната? Пожалуй, с комнатой он угадал, действительно чёрная – по крайней мере, ночью. А днём, скорее всего, станет красной, а потом снова чёрной, когда кровь запечётся.

Снова захотелось в туалет.

– Домой хочу, – послышалось в темноте.

– Чё? – Диман скорее пошевелил губами, чем действительно произнёс слово.

Рядом заворочался Мишка, кажется, он дрожал:

– Х-хочу домой. – Действительно трясся, дрожь накатывала волнами. – Д-домой...

– Хорошо. – Диман прикинул, где может находиться ближайшее окно, осторожно поднялся и потянул за собой товарища.

Ребята медленно, на негнущихся ногах, словно роботы с заржавевшими шарнирами, стараясь не смотреть по сторонам, но всё равно каждую секунду оглядываясь, прошли в соседнюю комнату где, как и прежде, двинулись вдоль стены. Только теперь перпендикулярно коридору, по которому крались до этого. Миновав ещё два помещения, с облегчением увидели светлеющий провал окна, без стёкол и не заколоченный: выход на улицу, где рассказывают страшные истории, но не участвуют в них.

Дмитрий чуть ли не за руку подвёл Аспирина к окну. На несколько секунд заставил замереть, прислушаться: нет ли погони, затем посадил, помогая забраться. Как только друг спрыгнул, весь обратился в слух, ожидая нападения. Ничего не услышал, в ушах звенели лишь выстрелы и крики, и схватился за обколотые кирпичи. Напрягся, из-под пальцев посыпалась штукатурка, хотел уже забраться на подоконник, когда на глаза попала ещё одна дверь.

Подозрительно крепкая, и на вид совсем новая...

Костёр усталились на пятно света, отбрасываемое откуда-то с улицы и падающее на клёпаную металлическую поверхность.

Ровную и недавно крашенную...

Тело свела болезненная судорога, нога соскочила, и Дмитрий больно ударился о шатающуюся кладку коленом. Из груди вырвался стон, но взгляд остался прикованным к подозрительной створке.

Неужели, правда, крашеная?

Поддавшись нездоровому любопытству, согнувшись буквой «Г» и потирая ушибленное место, Костёр проковылял к двери и осторожно коснулся блестящей ручки. Провёл по свежей краске рукой, оставляя на глянце едва заметный влажный след. Пытаясь определить, есть ли кто с другой стороны, прислонился к двери ухом и прислушался.

Какой-то гул?

Металлическая дверь напоминала старинные клёпаные танки и железнодорожные мосты, и, скорее всего, прекрасно проводила звук, если внутрь не набили какой-нибудь наполнитель. Пенопласт или стекловату. Хотя зачем кому-то набивать стекловату в дверь давно заброшенного дома, и не простую, а чуть ли не бронированную? Может, затем, зачем и красить?

Из-за двери не доносилось ни звука.

Дмитрий перестал прислушиваться. Дверь была холодная, и у него замёрзло ухо. Пытаясь связать всё воедино, машинально потёр мочку пальцами. Неужели эти твари разумны? И смогли покрасить дверь? Но тогда почему не отремонтировали всё остальное? Бред какой-то, что-то (*кто бы спорил*) в его рассуждениях не складывалось...

Тихий свист Мишки отвлёл от мыслей.

Ладно, потом додумает, сейчас линять надо. Костёр снова сделал шаг к окну. И снова остановился и посмотрел на дверь. А... была, не была. Вернулся к двери и резко повернул ручку. Замок тихо щёлкнул и открылся. Чёрт... Не заперто. Парень замер, запоздало пугаясь безрассудного поступка. Хотя чего уж теперь. Если там кто-то есть – по-любому услышал. Так что... Дмитрий набрал в лёгкие воздуха, затаил дыхание и толкнул массивную (действительно чем-то набитую) дверь.

* * *

Позже, когда он будет вспоминать события ночи, хотя и поклянется никогда этого не делать, придёт к выводу, что вёл себя странно. Им слишком везло, и где-то на подсознательном уровне теплилась уверенность: ничего не случится. Как будто кто-то (уж не Мишка ли?) специально заманил на пустырь, стараясь узнать, выберется ли из заварушки, и, убедившись, показал проклятую дверь.

Отец бы посмеялся над такими мыслями. Знал прекрасно: если сын остался цел, заслуга в этом не мифических существ, а силы воли и хладнокровия. Качеств, в избытке имеющих у Кострова-младшего. Отец у Дмитрия был что надо, хоть и ворчал всё время и храпел до оконного звона.

Подумает Костёр и о том, что будет ещё, как минимум неделя, всё забыть и постараться выйти «сухим из воды». Что даже подозрительная дверь и найденное в комнате оборудование – не такой уж большой криминал.

Для него...

Хотя в тот момент разволновался сильно. И испугался... не каждый день становишься свидетелем чего-то очень секретного и опасного. За такое обычно наказывают.

Он просто исчезнет.

И друг вместе с ним.

И всё из-за нескольких ящиков, аккуратно сложенных возле стены. Не на потрескавшемся бетоне и истлевших горбылях, а на деревянном, из новеньких досок, полу. В комнате с наглухо заколоченными окнами, и с электрической (электрической!) лампочкой красного цвета под потолком, разгонявшей полумрак неярким светом и освещавшей сложенные на полу ящики, инструменты и непонятное снаряжение. А главное – ещё одну дверь, точнее, тамбур, в том самом месте, где, по Димкиным расчётам, заканчивалась территория города. И тамбур этот мог вести лишь в одно место...

Из города!

Уже после, когда они с Мишкой убегут на достаточное расстояние, озираясь, придут в себя, и Костёр всё подробно расскажет Аспирину, голову посетит мысль, что люди, выдававшие себя за стражей порядка, искали эту комнату. И никакие они не менты, а бандиты, решившие пожить за чужой счёт; если бы ящики принадлежали им, стрелять бы они не стали, даже он догадался: мерзкие твари реагировали на шум.

Конечно, и тут не всё сходилось: например, с каким наслаждением обрубки расправились с людьми, не только убили, а ещё и съели. Из чего следовало, что тот, кто складывал оборудование и ходил на ту сторону, должен был как-то ужасных стражей контролировать. Но даже это не волновало Кострова-младшего больше, чем вопрос: почему не сожрали их? Могли же – за компанию? Могли, но не сожрали, и лишь потому, что до этого обнюхали, и... думать дальше не хотелось. Слишком уж получалось запутанно и сложно. Хотелось чего-то попроще. Неба над головой, нормального жилья, или, на худой конец, знать – где враг, а где друг. Теперь же выходило, что кто-то (явно не рядовые граждане) беспрепятственно выходит из Города, приносит из-за Края очень ценные вещи и притащил откуда-то чудовищ. И всё под носом у вездесущей охраны.

Дела...

Глава 2

Противный писк будильника заставил вздрогнуть и проснуться. Глаза скользнули по часам, и Дмитрий мысленно удивился: «Неужели проспал? Вернее, не проснулся за несколько секунд до сигнала?»

Из открытого окна тянуло свежестью.

Парень вспомнил, с каким трудом проводил позавчера Мишку до квартиры (впечатлительный друг боялся идти один). Пришёл к себе, и долго, пытаясь успокоиться, принимал горячую ванну. Не успокоился, пришлось выпить снотворного, под утро задремал...

Ладно, пора на работу.

Костёр поднялся, босые ступни коснулись прохладного линолеума, с хрустом потянулся, осторожно задирая голову и разглядывая увеличивающуюся на потолке паутину. Все мышцы ныли, а спина болела, словно вчера он разгружал вагоны. С чувством зевнув, поискал глазами носки. Один обнаружился сразу, другой пришлось на коленях доставать из-под заставленного пыльными обувными коробками дивана. Выпрямляясь, обнаружил брошенные ночью на пол джинсы и майку аккуратно висевшими на спинке кресла: заходила матушка и прибрала.

Как всегда...

Машинально прислушиваясь к шуму за стенкой, стоны матери давно стали фоном, решил, что у него серьёзное оправдание – не каждую ночь с обрубками сталкиваешься.

Мысли тут же вернулись к событиям ночи, и Дмитрий быстро забыл обо всём... только тени, скрежет и крики. Глаза в испуге скользнули по комнате и наткнулись на зеркало. Парень вздрогнул. Не сразу признал своё отражение: крепкая фигура в трусах, и в каждой руке по носку. Морок развеялся, невесело улыбаясь, вспомнил, как однажды в таком виде спалился перед родителями очередной подруги, и как всё утро изображал жениха...

Продолжая разглядывать фигуру, оценил массивный курган трапеции и объёмные холмы дельт, накачанную шею, прыгая, натянул носки, а затем и джинсы. Повернулся, любуясь в зеркало сбоку, расправил одеяло, пальцы уцепились за простыню, и аккуратно свернул постель в некое подобие рулета, где вместо начинки выглядывало одеяло и две подушки. Небрежно запахнув «рулет» в старый скрипучий шифоньер, ещё раз оглядел маленькую комнату...

Он жил на третьем этаже старого, как мир, кирпичного девятиэтажного дома. В довольно приличной, по меркам района для бедных, да и всего города, трёхкомнатной квартире. Планировка ничем не отличалась от той, что когда-то называли «улучшенной»: три изолированные комнаты, разделённый с ванной санузел, кухня и длинная прихожая. Самую маленькую комнатку впарили ему (мужчина, перебьётся), вторая по коридору и чуть больше досталась младшей сестре, а в самой большой разместились родители.

В квартире стояла тишина.

Ленка, конечно, ещё не проснулась, а отец наверняка ушёл. Одна матушка спала в одиночестве в зале. Болезнь наступала, и она редко выходила из комнаты, только когда все собирались дома, или приходили гости. Да иногда, чаще по ночам, чувствуя себя лучше, заходила полюбоваться ребяташками.

Нестерпимо захотелось зайти в зал и пожелать матери доброго утра, может, и отец ещё спал, и не ушёл по многочисленным делам. Здорово застать предков вместе, сесть рядышком, как раньше... вернуться в детство и весь день играть в приставку.

Дмитрий пригладил взъерошенные волосы, стараясь не шуметь, тихо прошёл на кухню.

Нет, если бы отец был дома, то уже встал, и, как всегда, готовил своё фирменное блюдо. Яичницу. Одну из разновидностей: глазунью, с салом, колбасой, омлет... при этих мыслях в животе заурчало (весь вчерашний день он пил только чай – после субботнего «приключения»

в рот ничего не лезло). Не богатый вроде выбор, но Костёр так не считал. Это очень хорошо, что он завтракал яичницей, другие не могли позволить даже этого.

Мишка, например...

А в яйцах, как-никак, много белка, не растительного, а того самого, нужного для роста. Тем более ему, качку доморощенному. Не водяному, разумеется – бодибилдеру, как выражались мажоры. Или не мажоры (прикольное, просто, слово), короче, сосунки всякие, с богатенькими родителями, нажравшиеся стероидов и разъезжающие на собственных тачках. Хозяйева жизни грёбаные – были среди знакомых и такие.

На кухне как раз яичницей и пахло. С салом. М-м-м... Чувствуя усиливающийся голод, Костёр зажёл спичкой газ, машинально выискивая глазами пепельницу, громыхнул о плиту закопчённой, похожей на тарелку для игры в Фрисби, чугунной сковородой без ручки. Заглянув в холодильник, достал три яйца, и приличный, наполнивший кухню ароматом искусственных специй, шмат сала. В поисках хлеба пошарил в деревянной, чем-то похожей на скворечник, захватанной пальцами хлебнице. Нарыл малюсенький чёрствый кусочек, и, не удержавшись, с удовольствием понюхал, наслаждаясь сухим кисловатым запахом. Дрожжей, сказал бы Спириин, но Костёр считал – свободы: своей муки в городе не было, и её привозили из другой крепости. Вздохнув – он давно научился обходиться без хлеба – положил горбушку обратно, с едва заметной паузой захлопнул расшатанную крышку. Обойдётся, пускай сестра побалуется, хлеб – штука редкая, почти как чай. Если поставки не возобновятся, есть придётся одни суррогаты. В сердцах схватив мясной нож, и не замечая, как пальцы умело сжали рукоятку, ловко, с нездоровым удовольствием, начал резать шпик и тут же бросать на сковородку.

Этажом выше послышалась ругань. Ниже заиграла музыка.

Дождавшись, когда кусочки станут прозрачными, зацепил один лезвием, поводит, рисуя круговые узоры и покрывая горячую чугунину маслянистым глянцем. Цапнув яйцо, представил череп монстра, кривляясь, разбил, с вскриком отдёргивая руки, когда горячие брызги шкворчащего жира обожгли пальцы. Недолго думая, отправил на сковородку ещё два, вспоминая какую-то умную передачу об йодированной соли, посолил. Помешивая ножом густеющую массу, в который раз задумался, где отец берёт куриные яйца. Настоящие, размером с оранжевый мячик для настольного тенниса и желтком того же цвета. Вдыхая божественный аромат, и с нетерпением глядя, как сворачивается, вернее, разворачивается белок, дождался, когда яичница поджарится, но так, чтобы осталась дрожалка. Выключил газ и отправился в ванную.

Из помутневшего от влаги и времени зеркала на него глядел молодой не выпавшийся парень с тёмной паклей волос, и наглыми, несмотря на цвет, холодными карими глазами. Прямой выступ носа, бледно-розовая полоска губ, и колючий от щетины, дерзко выступающий вперёд, будто он поднял голову, квадрат подбородка.

Дерзко...

Диман вспомнил, как его дразнили в первом классе, проходили мимо и выпячивали вперёд челюсть. Один старшеклассник даже кличку хотел подогнать – «шелкунчик».

Костёр усмехнулся. Не успел... Он его около дома подкараулил. С Мишкой, правда (вот у кого, блин, обидных кличек отродясь не бывало), и хорошенько отметелили гада, навсегда отбивая желание обзывать. А потом (о драке, разумеется, узнали) его первый раз наказал отец. Ремнём. Пришёл домой из школы, зашёл на минуту к матери, и вышел из комнаты с кожаным подарком на тридцатилетие. Димка сразу всё понял, но оправдываться не стал, решил показать характер. Показал... вырывался, как маленький, из носа сопли, изо рта вперемешку с криком слюни, ну и слёзы, разумеется, тоже. Правда, скорее от обиды, чем боли (не очень-то батёк старался), не считал Диман себя виноватым. Отец был с сыном полностью согласен, но признаваться не спешил. В общем, отлупил хорошенько, приговаривая: «В следующий раз сначала думай».

Хорошая фраза. Вроде как не делай так больше, и в то же время делай, но так, чтобы не узнали...

* * *

Прошло больше суток с тех пор, как они с Мишкой побывали на пустыре и стали свидетелями кровавой бойни. Если увиденное вообще имело название. При одном воспоминании волосы на голове начинали шевелиться.

А так – ничего...

Никто вроде не искал, и не звонил, но и времени прошло слишком мало, и худшее могло ожидать впереди.

Не сговариваясь, друзья решили ни о чём не рассказывать и постараться забыть всё к чёртовой бабушке. По крайней мере, на недельку, а лучше на месяц, или на год. Правда, когда Костёр предложил это в первый раз, реакция Михаила удивила: парень скорчил недовольную рожу, нижние зубы прикусили губу, и всю дорогу сопел и молчал. Сначала Дмитрий решил, что товарищу не по себе. Но, поразмыслив, пришёл к другому мнению. Робкий с первого взгляда друг, когда не надо, становился упёртым, как баран, и смелым.

Вредным и неуправляемым...

Дух, одним словом.

И сейчас по дороге на работу, не обращая внимание на влажную духоту и нудный гул мегаполиса, Костёр пытался вспомнить фразу, брошенную Михаилом перед тем, как скрыться в подъезде. У Дмитрия ещё засосало под ложечкой, но он списал тревожное ощущение на последствия ночного кошмара. Кажется, Спирын буркнул: «Поживём – увидим». Вот-вот. Так и сказал. «Поживём – увидим», плюс подозрительное молчание, и серые зенки, хромированные азартом.

Костёр вздохнул.

Мишель явно что-то задумал. После того, как услышал о комнате, заставленной портативными атомными генераторами. «АГ» – это мечта, из книжек и передач по телевизору. Привет из-за Края, где только богатые могли позволить подобную роскошь. Не рабочие... Интересно, возникла ещё одна мысль, кто из горожан причислял себя к этим ублюдкам. Насколько он знал, за такие деньги легко покупался билет на свободу.

Глаза скользнули по трепыхавшейся на ветру запылённой листве, слух уловил рёв и скрежет ползущих грузовиков.

Только зачем пользоваться чудо-техникой в городе? Рискуя загреметь на переработку? И зачем, если можно запросто выбраться из крепости, возвращаться?

Опустив голову, задумчивый взгляд слепо скользил вдоль бордюра, Костёр медленно брёл по дороге. Рассуждая о странном поведении владельцев тайной комнаты и строя всевозможные гипотезы, молодой человек полностью ушёл в себя и не заметил одинокую фигуру на другой стороне улицы.

Брыньк... нога задела пивную банку.

Дмитрий резко, словно налетел на невидимое препятствие, остановился. Медленно возвращаясь к действительности, насторожённо огляделся. Ни души. В узком проулке спрятаться негде. Только запах гари, бытового мусора и автомобильных выхлопов. Чёрно-коричневый пластик липкой грязи под ногами, и большие глубокие лужи с радужной от масла и бензина плёнкой разводов на дрожащей поверхности. Обколотые шпалы бордюров да остатки ноздреватого асфальта, больше похожего на потрескавшуюся землю.

– ... брое утро Содружество... – донеслось из открытого окна. – Сегодня мы расскажем о двух счастливицах...

Костёр поморщился и двинулся дальше. О счастливых слушать не хотелось. Ни о счастливых, ни о само... тьфу... реализации. Брехня правительственная. Как ноздреватый асфальт под ногами, от которого осталось одно название. В городе асфальта было меньше, чем на пустыре. Там по нему никто не ездил и даже не ходил. А здесь... днём на работу, ночью – домой. Из дня в день, даже в праздники.

Перепрыгивая через очередную лужу, молодой человек поскользнулся, и едва не упал. Хватая руками воздух, услышал сзади девичий смех. Уши запыхали, а подбородок начал опасное движение вперёд.

Возле подъезда топтались две соседки. Девушки вышли из дверей и теперь решали проблему преодоления огромной лужи, затопившей двор и крыльцо. Светка и... Машка. Последняя и смеялась, красивые глаза насмешницы бесстрашно стреляли из-под чёлки. Пухленькая ладошка при этом шарилась в пакете, вытягивала наощупь резиновые сапоги, видно, девушка решила не мучиться и пойти до центральной улицы в них.

Пришлось засунуть гордость в одно место. Костёр поздоровался и кивнул, против воли окидывая взглядом ладную фигурку. Глаза на секунду прилипли к ногам, девушка принялась натягивать первый дутик, и юбка задралась, демонстрируя шикарные бёдра и круглые коленки. Забыл сразу о пустыре и генераторах. Эх... встретился с обиженным взглядом Машкиной подружки и виновато пожал плечами: извини, Светусик, разлюбил.

Светлана скорчила недовольную рожицу: все вы кобели.

Дмитрий неопределённо взмахнул рукой, перед глазами снова встал пустырь, возвращаясь к действительности, резко отвернулся и с мокрым плюхом шагнул в самую жижу. Чувствуя на себе насмешливые взгляды и снова краснея, не стал отряхиваться, а рванул, как спринтер, вдоль улицы, покрывая многострадальные джинсы блестящими семечками брызг. Правда, в конце дома не удержался и обернулся, встречаясь с заинтересованным и совсем не насмешливым взглядом Мари. Где-то в области сердца приятно защемило, и пониже живота тоже.

* * *

Заводская раздевалка.

Протухшая кислятина человеческого пота и тяжёлый дух давно нестиранных носков и портянок. Воняет сильно, и, если заострять внимание, начинает мутить. Лучше не думать, а ещё лучше не задерживаться в грязной маленькой комнате, почти полностью заставленной синими металлическими ящиками.

Диман не задерживался.

Переодевался быстрее. Менял модную майку и джинсы на измазанную маслом и гудроном спецовку, а стёртые кроссовки на громоздкие, с алюминиевой проволокой вместо шнурков, колодки разбитых берцев. И в темпе уматывал в цех.

Пять дней в неделю.

Вот и сейчас, бросая в сторону Мишкиного шкафчика встревоженные взгляды и удивляясь, почему товарищ ещё не на работе, быстро переоделся.

Странно...

Начал волноваться, когда Михаил, не поднимая глаз, пропылил мимо, проковылял и даже не поздоровался. Наверное, не отошёл ещё, спал плохо, или не спал вовсе. Лекарств дома не было. Ни снотворного, ни ацетилсалици... самого себя, в общем. И всё из-за глупой мечты накопить денег.

Дмитрий нахмурился, даже в неярком свете загаженных мухами ламп в глаза бросались бледность и синяки под глазами друга. Но жалости не почувствовал, наоборот, неизвестно почему, снова начал злиться. Поднимая волну пыли и мелкого мусора, резко закрыл дверку шкафчика, и, продолжая хранить молчание, лишь выпяченный подбородок выдавал настро-

ние, защёлкнул навесной замок. Раздражаясь всё больше, снова посмотрел на переодевающегося зубрилу:

– Здорово. – С трудом дождался, когда Спирин посмотрит в ответ и махнул товарищу рукой.

– Здорово...

Нервно усмехнулся:

– Не спал?

Медленно натягивая куртку, Михаил кивнул:

– А ты как думаешь? Уснуть не могу... ерунда снится.

– Ясно... – посочувствовал Костёр, оглядываясь на других рабочих.

Людей в раздевалке оставалось мало, основная масса вышла в цех, но достаточно, чтобы весь день приставать с вопросами.

– Ладно, потом расскажешь, – пробубнил Костёр, почёсывая затылок и взглядом уговаривая не болтать.

Мишка всё прекрасно понял и согласно кивнул. С противным, напомнившим скрип двери на складе, звуком закрыл створку шкафчика, и нагнулся завязать шнурки. Костёр снова поморщился: товарищ не жрал, экономил на лекарствах, а поганые шнурки находил.

– Да-а...

Скользнув взглядом по выпирающему подбородку друга, Михаил нахмурился. Быстро завязал шнурки «бабьим» узлом и с шумом выпрямился. Гремя по доскам разбитой подошвой, казалось, худые ноги с трудом поднимают огромные берцы, вразвалочку проковылял к другу. Узкая ладонка вроде бы вяло ткнулась в лапу товарища, но рукопожатие, несмотря на замороженный вид, вышло крепким:

– Здорово, ещё раз, – негромко сказал Михаил.

– Привет, привет. – Дмитрий не смог сдержать улыбки. – Ну и видок, умереть можно.

– Ладно, видок... – одними губами улыбнулся товарищ. – Башка раскалывается... Надо было тебя послушать, купить таблетки.

Костёр хмыкнул:

– Ничё, ещё пару дней, и пройдёт. – Понизив голос, добавил: – Ты это... поменьше болтай, а то услышат. И в цех пойдём, опаздываем.

– Пошли. – Мишка понимающе кивнул.

Друзья вышли из раздевалки и по гулкой металлической лестнице спустились в цех частного предприятия, где три года батрачили слесарями. Сразу после школы. Мишка, правда, пытался каждый год в институт поступить, только именно – пытался. Кому он нужен? Без денег и блага? Правильно... Поэтому и копил на пропуск в рай – очень уж на систему образования обиделся.

Кому вершки, а кому корешки, – ввернул бы Димкин отец, и как всегда, оказался прав.

Цех представлял собой печальное зрелище. И не только возрастом, не уступавшим брошенным на пустыре складам (здание, по крайней мере, периодически латали, меняя потрескавшиеся кирпичи, вываливающиеся плиты и разбитые стёкла), а из-за непригодности к производству крупногабаритных металлических ёмкостей и специального нефтехимического оборудования. И размером (величиной «бочки» не уступали железнодорожным цистернам), и давно устаревшим оборудованием. Ещё один памятник цивилизации, такой же склад, только повыше, снабжённый кран-балками и самодельными воротами, способными пропустить тяжёлый грузовик.

В цеху стоял густой смог сварочного дыма, абразива, окалина и краски. Тем же, соответственно, воняло. И шумело, словно рядом находился заполненный до отказа стадион или пролегал многополосная автострада. На полу валялся всевозможный мусор: вафельные блины

сломанных шлифовальных кругов, кудри металлической стружки, макаронины стальных труб и золотистые карандаши угольных электродов.

Того и гляди – свернёшь шею...

Торопливо спустившись вниз, молодые люди подошли к старшему мастеру: невысокому молодому парню с выступающим круглым животом и таким же круглым лицом; по прозвищу Круглый и Мягкий, вечно чем-то недовольному и дико орущему. Поздоровавшись, выслушали гневную тираду, «где вас, опездолов, носит, время уже десять минут девятого», получили задание и отправились на рабочее место, где ждал ещё один член (мастер так и сказал: «член») бригады по имени Денис. Их ровесник, такой же работага (других здесь не было), с соседней улицы. Паренёк успел получить в кладовой «болгарки», три шлифмашинки валялись у кантователя, и тянул удлинитель. Завидев приятелей, остановился и приветливо махнул рукой. Огляделся в поисках начальства, казалось, худая шея с трудом держит большую вихрастую голову, никого не обнаружил (наивный), бросил переноску и достал сигареты, медленно и с чувством, курение не вошло ещё в привычку, красиво прикурил.

– Здорово, Дэн. – Диман подошёл к вечно лыбящемуся приятелю и пожал руку. – Как сам?

– Как сала килограмм, – выдохнул парень тугую струю дыма.

– Задание получил?

– А то.

Денис повернулся к хмурому и бледноватому Мишке.

– Чего с ним сделал? – Ухмыляясь, посмотрел на Димку. – А, Костёр? – И громко рассмеялся. – Удары отработывал?

– Ага, вместо груши. – Шутка Димке понравилась, в отличие от Михаила, он чувствовал себя нормально.

– Э-э, очень смешно. – скривился Михаил, представив хохмача на своём месте. – Придурки. – Посмотрел на бочку, громоздившуюся на специальных катках, в далёком прошлом танковых траках, и нагнулся за шлифмашинкой. – Пахать надо. – Рука воткнула вилку в розетку. Повернувшись к бочке, посмотрел на сварочный шов, его требовалось зачистить, и прикинул, с чего начать. – Давайте, а то Мягкий увидит, опять орать...

– Костров! – Громкий крик, заглушающий скрежет десятков шлифмашин и удары кувалд, резанул по ушам. – Опять не работаешь?!

Накаркал...

Круглый нагнулся и ловко поднял «болгарку».

– Работайте! – С силой всучил её Дмитрию. – Вперёд!

И ехидно сощурился.

Диман инстинктивно схватил шлифмашинку, и охнул, когда ручка врезалась в диафрагму, зло посмотрел на начальника.

– Сергеич. – Денис попытался разрядить ситуацию, знал прекрасно о способности мастера докапываться и выводить из себя. – Дай покурить перед работой.

– Только курили. – План Дениса сработал, и Круглый и Мягкий отвлекся. Посмотрел с неприязнью на защитника, сигарету в его руке, и сморщился, будто увидел послание с того света, маленькие глазки прилипли к Мишке:

– А ты, лёлик, смотри за другом. – И, не дожидаясь ответа, быстро зашагал дальше.

Молодые люди увидели, как он сплюнул и едва не попал на удлинитель. Димка дёрнулся, но Дэн успел его схватить:

– Брось! Он же специально.

– Вот сука. Так и хочется врезать.

В сердцах тоже плюнул, случайно на провод попадая.

– Не только тебе, – произнёс Михаил тоном, заставившим ребят удивлённо посмотреть в его сторону, в глаза бросились заметно порозовевшие щёки, если только виной были не яркие вспышки электродуговой сварки.

– Полегчало? – не то снова прикалываясь, не то действительно переживая, поинтересовался Денис.

– Полегчает тут... когда на инструмент плюются.

– Чего? – вскинулся Костёр, напрасно делая вид, что ничего не понял. – Молчал бы лучше.

– Мне сказали за тобой смотреть. – Аспирин превратился в прежнего зануду. – Так что давай, лёлик... вперёд.

– Да... щас, – буркнул Костёр, но вытянул ногу, и осторожно, словно боялся получить удар током, стёр плевком носком ботинка. – Доволен? Всё равно весь провод в говне.

Спирин промолчал.

– Ладно... – вздохнул Костров. – Если такой умный – давай работать.

Не говоря больше ни слова, достал из кармана защитные очки, стараясь не замечать слишком пристального взгляда Спирина, нацепил. Пытаясь унять неизвестно откуда взявшуюся дрожь, неуклюже сунул мозолистые ладони в хэбэшные рукавицы, включил дёрнувшуюся от оборотов, словно ожившую «болгарку» и принялся нервно и нарочито небрежно зачищать сварочный шов. Из-под круга с громоподобным скрежетом полетели ярко-жёлтые искры, едко запахло горелым металлом.

Мишка, наверное сам поражаясь покладистости друга, больше ничего не сказал. Переглянувшись с Денисом – в глазах приятеля читалось откровенное любопытство – тоже побыстрому нацепил очки и рукавицы. Включил «болгарку» и начал аккуратно сбивать «сопли», делая шов более круглым и ровным, похожим на старшего мастера.

Мимо, отклячив пятую точку, пронёсся начальник, остановился, секунд десять понаблюдал за работой, по лицу, отражая смену настроения, бежали тени от сварки, ничего не сказал и вразвалочку засеменил дальше. Почувствовав на себе взгляд, Дмитрий посмотрел мучителю вслед, захотел снова плюнуть, но, покосившись на Михаила, передумал.

Дэн не преувеличивал: Мягкий его ненавидел. Как и остальных рабочих. И не только из-за склочного характера и проблем в семье, у кого их нет? Причина заключалась в Спиране. Вернее, в его неуёмном (на взгляд Костра и вовсе показушном) желании всюду добиваться справедливости. Михаил вечно со всеми спорил, объяснял и доказывал, ну и, разумеется, доигрался.

Подначил мужиков забастовку устроить. Денег ему, видите ли, мало.

Бабки платили реальные, не кидали, и вовремя. Да и платили везде ровно, отличались получки лишь на бумаге. У товарища и на этот счёт готовая теория имелась. Якобы владельцы предприятий находились в сговоре. Надо же такое придумать? Дмитрий всему услышанному от не в меру умного друга не верил, но во многом соглашался: убеждать Миша Спирин умел. Можете у мужиков спросить. Кто забастовку поддержал.

Жёлтые искры металла походили на хвост рукотворной кометы. Вжих, вжих... крепкие руки твёрдо держали тяжёлую шлифмашинку.

Закончилась забастовка быстро. Как и началась. И если бы не Димкин отец – пополнить Аспирину ряды обрубков. Но батёк откуда-то лично знал директора фирмы, и замолвил за Михаила словечко. Обошлось хорошей взбучкой и приличным штрафом. Ну и плохим отношением мастеров: конечно, знали прекрасно, почему зачинщика с работы не выперли...

Четыре часа пролетели незаметно.

Перекусив в соседней тошниловке, друзья вернулись в раздевалку. Не задерживаясь, прошли в смежную комнату, где обедали любители домашней кухни. После еды закуток превращался в арену карточных баталий. Игра находилась в самом разгаре. Из толпы болельщиков,

плотным кольцом обступивших ненормальных, с лёгкостью расстававшихся с деньгами работяг, слышались громкие крики, раздавались довольные вопли победителей и трёхэтажный мат проигравших.

В ярко освещённом помещении висел густой туман табачного дыма. В лучах солнца он медленно ворочался на сквозняке и поднимался к потолку, синеватые щупальца лениво тянулись к открытой двери. Повсюду валялись пакеты, пластиковые бутылки, остатки еды и окурки. Пепельницы и урны переполнены – одна-единственная уборщица не справлялась с работой.

Денис сразу влез в самую гущу и буквально через секунду друзья услышали громкие крики и вопли: приятель подбадривал кого-то из знакомых. Костёр потянулся следом, но Михаил не позволил. Спирину не хотелось провести остаток обеда в одиночестве. Играл он редко, по крайней мере, в свару или козла. Говорил, что не хочет впустую тратить время, хотя, по мнению Дмитрия и других рабочих, занимался ещё большей глупостью: рассуждал о политике и смысле жизни. Иногда увлекал разговором кого-нибудь из работяг, после чего, разумеется, разгорался спор, частенько заканчивающийся потасовкой, особенно если мужики успевали перед этим набраться.

Короче, не соскучишься...

Зная Мишкину слабость, многие считали своим долгом над Спириным поиздеваться. Вот и сейчас, только друзья успели пройти на небольшой балкончик, в изготовлении которого принимали не последнее участие, как тут же нарисовался прыщавый хмырь (Костров не помнил имени), и вроде бы случайно, ехидно поинтересовался:

– Когда забастовку проводить будем? Парламентёр.

Рассеянно скользнув по парню взглядом, Аспирин отвернулся:

– Почему парламентёр?

– Ну... как же? Ты ж у нас... это... коллектив подначиваешь... условия давишь.

– Понятно, – Михаил потёр подбородок, его глаза смеялись из-под тонких бровей, и посмотрел на Кострова. – Тогда, скорее, депутат.

Теряя к приставале интерес, отвернулся, разглядывая ржавые остовы брошенной во дворе техники, зелёные островки мятых сорняков и сваленный в кучу мусор. Вдохнув полной грудью свежего воздуха, почувствовал запах разогретого битума и мазута.

– Да? – подыграл Костёр, совершенно не понимая, о чём идёт речь, и чем парламентёр отличается от депутата. – Мозгов-то нет. – Точно печатью, пригвоздил тупость задиристого коллеги, усмехнувшись, посмотрел новенькому прямо в глаза.

Шёл бы ты отсюда...

Парень на секунду замер, в его глазах отразилось сомнение: пропустить обидное замечание или нет. Стрельнув глазами в комнату, где за столом сидели друзья, бросил на Димку оценивающий взгляд: да – крепкий, да – кулаками, слышал, махать умеет, и давно в шараге работает, только если каждому козлу хамить позволять, за человека скоро считать не будут, быстро зачмырят, даже такие, как ботаник тощий.

Но что-то в глазах Дмитрия, вроде беззаботно улыбающегося, быстро заставило передумать. Ну его к чёрту, придурка небритого, пускай скалится, придёт время.

– Хрен с вами, – парнишка потёр кончик чумазого носа. – В другой раз побазарим.

И повернулся, собираясь уйти.

– Настроение не то, – не думая о последствиях, наивно поделился Михаил. – Спали мы плохо.

«Прыщавый» остановился, враз забывая о собственных мыслях, глумливо ухмыльнулся, и его палец грязным ногтем ткнулся Кострову в грудь:

– Спали вместе? – Спросил и тут же заткнулся, понимая, какую непростительную ошибку совершил. Успел заметить, как на его слова, услышав непозволительное оскорбление, оберну-

лись несколько рабочих. Только это и успел, потому что в следующий миг небо резко наклонилось, и он оказался в углу балкона. Кулак приставала прозевал.

Игра за столом вмиг прекратилась, крики стихли.

– Ты... ты... – «Прыщавый» попытался подняться, но Костров ударил снова, вдавливая в пол.

– Лёжа-ать...

– Костёр! – Мишка схватил друга за руку. – Хватит! Кончай!

Диман попытался вырваться.

– Вот, падла. – На секунду расслабился, пытаясь притупить бдительность Спирина, а затем резко дёрнулся, стараясь дотянуться до обидчика ногой. – Иди! Сюда...

Сзади подбежали рабочие. Помогли Мишке оттащить Костра от отбивающегося ногами, прижавшегося спиной к ограждению паренька. Поставили недотёпу на ноги и оттеснили, недовольно качая головами и громко ругаясь, но, не вставая ни на чью сторону, прекрасно зная, что с Костровым лучше не связываться.

Вперёд протиснулись приятели «Прыщавого». О чём-то громко зашептались. Мишка разобрал только: «Семён, ты как?» и «давай ему навалием». Диман тоже на слух не жаловался, и среагировал соответственно: снова вперёд рванулся. И если бы не стоявшие рядом рабочие, наверняка набросился на помощничков, а так его вовремя перехватили и вытолкали с балкона.

– Хорош! Сдурели, что ли? – Начал ругаться один из бригадиров, пожилой седой котельщик. – Нравится в морды кулаками тыкать, мотайте на улицу. Нечего здесь... – А когда Диман снова попытался вырваться, добавил. – Я кому говорю, псих патлатый. Слышишь? Вот бесовская порода, весь в отца...

Упоминание родителя сработало.

Димка замер, удивлённо уставившись на мужчину. И хотя кулаки ещё сжимались, а глаза лихорадочно блестели, на лице появилось осмысленное выражение:

– Чего? Чего сказал? – облизал Костёр пересохшие губы. Подбородок торчал далеко вперёд.

– Хватит, говорю. – Котельщик в упор посмотрел на парня. – Понял?

– Угу. – Диман посмотрел на державших его мужчин. – Понял... всё. Отпустите!

Иваныч несколько секунд испытующе глядел на парня, а затем махнул рабочим рукой, разрешая отпустить. Здоровые мужики нехотя отступили, а один из них, ни к кому конкретно не обращаясь, тихо проговорил:

– Довели людей.

Возражений не последовало.

Встретившись с Мишкой взглядом, Дмитрий тяжело опустился на длинную, сколоченную из грубо обработанных половых досок деревянную лавку, громко вздохнув, привалился спиной к прохладной стене. Рядом присел Спириин, озабоченно поглядывая то на продолжавших толпиться на балконе слесарей, то на Кострова, и гадая, не связано ли агрессивное поведение друга с субботним приключением.

– Нервы не в дугу, – угадав его мысли, произнёс Дмитрий. – Из-за какого-то придурка сорвался.

«Довели людей», – вспомнилась Мишке фраза, брошенная державшим Кострова слесарем, и парень подумал, что понимает, о чём хотел сказать простой работяга.

– Ты чего? – присел рядом Денис. – Дома беда?

– Да нет, – в голосе чувствовалось больше удивления, чем недовольства. – Заклинило просто. В глазах потемнело.

– Заклинило? – оторвавшись от тяжёлых мыслей, Михаил удивлённо посмотрел на друга. – Опять?

Диман нахмурился:

– Да ладно... – С надеждой взглянул на товарища. – Может, от «колёс»? – Не дожидаясь ответа, выдумал возможную причину. – Наверняка от таблеток. Слишком много вчера выпил.

Мишка не поверил, прекрасно зная, как действует снотворное. Если только Костров (не обязательно нарочно, могли ошибиться) купил другое лекарство. Но, насколько он знал, никто из знакомых, торгующих дурью, не стал бы кидать друга. По той же причине, по какой никто не вступился за новенького Семёна. Себе дороже. Когда из средств убеждения оставались кулаки, Дмитрий, не раздумывая, пускал их в дело; знал, гадёныш, что получается. Но и тогда сначала пусть немного, но думал, а уж потом бросался в драку. И то, что сорвался так резко и неожиданно, да ещё на работе, и в смену Мягкого – выглядело странно. Единственное объяснение, которое приходило в голову – вчерашнее приключение; нервов они там оставили предостаточно.

Мишка нахмурился, не подозревая, насколько близко подошёл к разгадке.

В открытую дверь ворвался ветер. Разбавил напряжение и вонь потных тел сырой прохладой. Спутал мысли.

– Снотворного? – снова влез в разговор Денис. – Вы чего? Опять подсели? – Переспросил:

– Нет, серьёзно?

Спирин раздражённо взглянул на напарника.

– Да иди ты. – Даже в «лучшие» времена они ничем, кроме «травы», не баловались. – Спим хреново, не слышал... – Отвлёкся, когда мимо провели Семёна, рукой прикрывающего разбитый нос. Заметил на пальцах кровь. – А? – Снова посмотрел на Дениса, вспоминая, о чём говорил. – В субботу почудили маленько... вот и не спится.

– Да мне без разницы, – парень осклабился, – чем вы занимались. – Отпрянул, когда Мишка угрожающе махнул рукой. – Всё, всё. Видел, что бывает, когда с расспросами лезешь.

– Ты ещё... – прошипел Костёр, провожая избитого парня взглядом, на лице не то сожаление, не то разочарование. – Ну, сорвался, бывает.

Действительно...

Денис рассмеялся. Улыбнулся Костёр. Не улыбался Спирин, оставаясь при своём мнении. В двери показался Круглый и Мягкий: лицо голодного человека, акульки глазки лизнули помещение.

– Костров. – Взгляд не сулил ничего хорошего. – Ну-ка пойдём со мной.

– Чего ещё? – Дмитрий отлип от стены, но остался сидеть. Если выгонят, зачем унижаться?

В раздевалке снова наступила тишина. Все, кто оставался в комнате, ждали развязки. Половина с недоумением: неужели новенький решил стукануть; другие с испугом: на столе остались карты и валялась мелочь, а у кого-то в шкафу стояла початая бутылка водки. Один Костёр смотрел с неприязнью, пытаясь скрыть истинные чувства. Теперь, когда злость испарилась, он искренне стыдился несдержанности, но боялся прослыть трусом.

– Пойдём, говорю! – старший мастер повысил голос. – Пришли к тебе.

И неприязнь мгновенно сменилась апатией: похоже, его всё-таки нашли таинственные владельцы пустыря.

На игре...

Одним игроком меньше...

Дмитрий непроизвольно посмотрел в сторону ножниц, страшась и в то же время (неужели правда?) желая увидеть кровь. Много крови, целые лужи. По правилам шоу никто не мог прийти на помощь проигравшему в течение тридцати секунд. Всего полминуты, но для зрителей это время растягивалось втрое; сколько длилась пытка для изуродованного паренька – не знал никто.

Кровь вытерли. На полу, и на узкой полированной плите, куда клали руки. Лишь эластичные кожаные ремни, для тех (по статистике, пятьдесят четыре процента), кто отказывался положить руки добровольно, назойливо лезли в глаза бурыми пятнами. Такой пустяк в сравнении с творившимся минуту назад. После, наверное, литра густой тёмно-вишнёвой крови, толчками хлещущей из обрубленных предплечий и не похожей (может, глаза отказывались верить?) на настоящую.

Рассеянно разглядывая станок, Костёр вдруг понял, почему ему кажется, будто уже присутствовал при казни. Видел... не на экране телевизора или соседней улице, куда прибегаешь посмотреть на очередного выбросившегося из окна самоубийцу, а так же, как здесь, в студии, в нескольких метрах от себя.

Желудок дрогнул, завязываясь в узел.

Костров понял, почему фигура парня выглядит знакомой. Не фигура – поза, попытка отсрочить неизбежное. Наверное, ещё чуть-чуть – и лопнули связки, порвались, избавляя несчастного от жестокой необходимости. Как лапки зажатого в кулаке кузнечика, если насекомое решается на прыжок, с лёгкостью остаются между пальцами...

Узел в животе затянулся туго.

Чушь. Связки у человека крепкие. Но... случается, не выдерживают, особенно в схватке с такими монстрами, как многотонные вальцы, устройства вроде древнего механизма для отжимания белья. Только отжимают на них не бельё, а толстые металлические листы, вернее, прокатывают, придавая цилиндрическую форму и делая обечайки – заготовки для «бочек». Три массивных стальных вала, расположенных параллельно друг другу и в сечении образующих треугольник. Под верхний подсовывают лист, включают электродвигатель величиной с холодильник, натужно вращающий адский механизм, прижимают нижними и начинают прокатывать. Заготовка едет сначала в одну сторону, затем в другую, с каждым разом загибаясь вверх и внутрь и принимая форму цилиндра.

Сначала в одну сторону, затем в другую, в одну... другую...

Костёр закрыл глаза. Кровь отлила от лица, а руки покрылись «гусиной кожей». Он ещё не начал играть, а чувствовал себя вышедшим в финал. Хорошо, в свете софитов и под лёгким гримом бледность не сильно бросалась в глаза, чего не скажешь о конечностях. Руки и ноги... будто сговорились и уже минуту нервно отплясывают чечётку или как там называется долбаный танец. Такое случается перед экзаменом или когда попадёшь в кутузку.

Игрок, сидевший напротив, перестал смотреть по сторонам и с интересом уставился на Кострова. Сначала в глазах отразилось любопытство, его ладони при этом, словно парень хотел разглядеть несуществующие складки, плавно скользнули по столу, любопытство сменилось удивлением, затем очень быстро жалостью, ладони вернулись в исходное положение, и наконец, в глазах застыло презрение. Видимо, молодой человек решил, что Дмитрий боится (из-за чего ещё он мог трястись?) вида крови, и гадал, зачем припёрся на шоу. Хотя зачем – догадаться легко. На игру вели две дороги: добровольно – ради выигрыша, и принудительно – по решению суда. С судом всё предельно ясно: раз преступник – весели толпу. А вот с выигрышем... сложнее. Рисковать жизнью ради денег и возможности вырваться из города?

А вы как хотели?

«С деньгами плохо, и без них хоть вой», – ввернул бы отец, присутствуй сейчас в студии. Но отца рядом не было, а сидел взрослый парень, даже три (за одним столом), и один из них смотрел на него с презрением. Очевидно, считая трусом, и, наверное, имел полное право (слабакам тут не место), только Димке было глубоко наплевать. Для Кострова студии не существовало. Сейчас он второй день работал слесарем и тащил тяжёлый баллон с пропаном.

* * *

Рабочих в цеху немного: воскресенье и уже почти пять. И этот парень... очень торопится и даже спешит. Потому что хочет домой. К жене и недавно родившемуся ребёнку. Потому что выходной, работает он сверх нормы, и один (работать на вальцах одному – серьёзное нарушение), но напарник не вышел, и приходится рисковать. А на календаре воскресенье, и единственный начальник, шестидесятидвухлетний сухонький старичок, мастер, нарушения не замечает. Никто ничего не замечает – другие тоже торопятся. Потому что выходной, уже почти пять, и нужно успеть выполнить норму. Хотя какая у них, к чёрту, норма, они давно сидят на окладе. Только мастеру, может, и наплевать на оклад и безопасность, но за тем, как выполняется норма, мужичок следит строго. Стоит на втором этаже балкона с противоположной от раздевалки стороны цеха и наблюдает. И, конечно, видит спешку вальцовщика, расстёгнутые рукава фуфайки, фиксирует... Видит, как мимо идёт новенький слесарь, молодой парнишка, провожает переростка взглядом и вспоминает, что у парня в цеху связи (кажется, папа кого-то знает), брыластые брови сходятся на переносице, и незаметно сплёвывает вниз. Запоздало пугается (вдруг внизу люди?), никого не замечает и облегчённо выдыхает. Снова поднимает голову, глаза окидывают цех, замечая, как молодой слесарь, Костров, кажется, фамилия, точно, Костров, уже не тащит баллон с пропаном, а столбом стоит возле вальцов, с лицом человека, увидевшего привидение. И при этом продолжает держать не такой уж лёгкий баллон на весу. И что-то в позе парнишки начинает мастеру не нравиться, но он продолжает пялиться на Кострова, не желая знать, чем вызван проклятый ступор. Опыт... Мастеру шестьдесят два года, и две трети из них отданы производству. Да и не будет ни один человек на свете, если он не какой-нибудь качок или сумасшедший, просто так стоять и держать на весу тяжеленный стальной баллон. Мастер не знает, качок ли Костров (по фигуре можно сказать утвердительно), и никогда не видел медицинской карты парня (устроился по блату), но почему-то уверен: держать на весу баллон этот идиот просто так не станет.

С трудом переводит взгляд на вальцы.

Вальцовщик молчит.

Молчит и борется...

За свою жизнь...

И проигрывает...

А рядом стоит молодой парень с открытым в немом крике ртом, с баллоном в руках и с глазами человека, встретившего смерть. Возможно, парень пытается вспомнить имя вальцовщика, но скорее всего (несмотря на криминальный опыт) просто находится в шоке.

А вальцовщик всё-таки закричал. Прохрипел что-то, может, «помогите» или «мужики», или «выключите проклятый станок», только мастер не верит. Скорее всего, вальцовщик *просто* хрипел. Открыл рот, вытянул губы (Костров мог бы подтвердить) и вопил на одной ноте, потому что и воздуха в лёгких не осталось, да и соображать он уже не мог. Потому что когда воскресенье и почти пять часов, и ты думаешь, как придёшь домой, обнимешь жену и дочку и сядешь за стол, а потом у тебя на вальцы начинает наматывать руку, сначала даже не пугаешься. Думаешь – ерунда, сейчас соберёшься и вытянешь рукав поганой фуфайки. Тянешь, упираешься и вдруг понимаешь – не выходит. Но и тогда не пугаешься, по крайней мере, настолько, чтобы орать во всю глотку и звать на помощь, а надеешься дотянуться до выключателя и нажать кнопку. Даже улыбаешься (как, оказывается, просто) и пытаешься повернуться. И вот тут... наконец, где-то внутри, почему-то в животе, а не в голове, что-то срывается, и вдруг понимаешь – ВСЁ, дотянуться не сможешь, и не только дотянуться, а даже вздохнуть. И приходит страх. Нечеловеческий, первобытный. Страх перед смертью, ибо она стоит с другой стороны вальцов, там, где обычно стоит напарник (но ведь воскресенье, и его нет) и смотрит на тебя. Ты

пытаешься крикнуть, и кричишь. Кричишь всё громче, жертвуя воздухом для дыхания, потому что *слышишь* звук рвущихся связок, всего секунду назад считавшихся невероятно крепкими. Потому что чувствуешь дикую боль, за миг сводящую с ума и превращающую в агонизирующее животное.

В глазах начинает темнеть, и ты не видишь застывшего рядом молодого слесаря. Не видишь замершего на втором этаже с перекошенным и бледным, как сварочный дым, лицом, старенького мастера. И не видишь, как в широко раскрытых глазах паренька, не моргающего уже минуту, отражается оторванный рукав фуфайки с торчащими оттуда стеклянно-белыми сухожилиями. Ты ничего не видишь, ибо шок отправляет тебя в бездну беспомощности – короткую остановку перед бесконечной дорогой в другой мир.

Глава 3

– Мне тоже? – спросил Михаил, чувствуя, как успокоившееся было сердце начинает снова стучаться в грудную клетку.

– Сиди, давай, – отмахнулся старший мастер. – Один Костров.

Но глаза говорили обратное: Спирина тоже не избежать встречи с неизвестным посетителем. Но позже, после того, как в кабинете начальника цеха побывает Дмитрий. Где ему зададут несколько вопросов и получат ответы. Правда... в последнем Михаил сильно сомневался, как и в том, сможет ли выдержать допрос он.

Медленно поднявшись, Дмитрий вышел на середину комнаты. Повернулся, встретился взглядом с другом, пытаясь выглядеть уверенно, улыбнулся одними губами:

– Пойду, гляну. Не скучайте, я быстро.

Мягкий недовольно заворчал:

– Иди, иди...

– Подожди, – поднялся Михаил. – Я с тобой.

Костёр не ответил, но его лицевые мышцы заметно расслабились.

– Только Костров, – послышался от порога голос Круглого и Мягкого. – Со слухом плохо?

– Около двери подожду, – ответил Михаил тоном, исключая дальнейший спор: он всё равно пойдёт, даже если придётся кого-нибудь убить. – Вдруг и со мной захотят поболтать. – Всё-таки проявил он гибкость, пытаясь сгладить ситуацию.

Мягкий поморщился, но возражать не стал. Крутанувшись на месте, на полу от кроссовок остался чёрный круг, вышел из комнаты. Друзья двинулись следом.

Кострова ждали в кабинете начальника цеха. Ничего удивительного. Единственный чистый кабинет, да ещё с кондиционером. И хотя лето выдалось довольно прохладное (честно говоря, Дмитрий не помнил другого), от сварки, разгорячённых тел и газовых резаков в цеху стояла жара.

Перед дверью кабинета Мягкий остановился и зачем-то покосился по сторонам, словно хотел сделать гадость и остаться незамеченным. Ничего делать не стал, а в упор придвинулся к Дмитрию. Костёр с удивлением впервые заметил, какие у парня длинные ресницы, и тихо быстро зашептал:

– Не знаю, куда ты вляпался... на этот раз... – Тревогу в голосе перебивал слабый запах лука и колбасы, – ... но думаю, всё очень серьёзно.

– Заботишься?

– Нужен ты мне. Не забывай, я – твой непосредственный начальник.

– Чего? Переживаешь, что ли?

– Етишкин пистолет... – в сердцах выдохнул старший мастер.

– Через тебя ему достанется, – пришёл на выручку Спирина. – Да и всей шараге.

– Теперь понял? – Мягкий отстранился, и Димка смог вдохнуть полной грудью.

– Понял. Не знаете, зачем вызвали, а напридумывали... е... рунды.

– Ерунды? – Начальник изменился в лице. – Ерунды, идиот? Да там из контрразведки мужик. Ты понимаешь?

– Откуда? В смысле, откуда ты знаешь?

– Догадался.

– Догадался?

– Какая разница, – в который раз поморщился мастер, и Димка подумал, что такая мимика того ничуть не портила. Круглый и морщинистый. Костров не смог сдержать улыбки. – Слышал, как с шефом говорил... чего лыбишься? Нет, точно идиот. Я ему... а он. – Молодой человек беспомощно посмотрел на Спирина. – И как ты его терпишь?

Мишка посчитал вопрос риторическим, и отвечать не стал.

– Иди. – Мягкий в сердцах махнул рукой, пропуская Кострова. – И постарайся уж там.

– Постараюсь, – ответил Дмитрий, машинально повторяя про себя «уж там», а думая совсем о другом. Остановился напротив проклятой двери и неуверенно три раза стукнул. Тук, тук, тук... сердце предательски ушло в пятки. Услышав короткое «Войдите», едва заметно дёрнулся и довольно резко распахнул заюзанную створку. Переступил порог.

После дымного зноя цеха свежесть и чистота кабинета оглушили. Дмитрий прищурился, стараясь быстрее присмотреться, снова, уже от холода, зябко передёрнул плечами. А когда через секунду глаза привыкли, смог разглядеть за столом незнакомого мужчину.

Может, и из контрразведки...

Высокий и седой, ровесник отца или чуть старше. Приятное лицо, добродушный внимательный взгляд. Разве что шрам на левом виске, прямо за бровью, немного настораживает, да одежда слишком чистая, и... правильная, что ли. Добротный тёмный костюм, рубашка в синюю клетку, и до блеска начищенные туфли. Эдакий простачок с намёком на стиль и (наверное, сам уже не замечал, а может, наоборот) принадлежность к некой организации. Стало понятно, каким образом старший мастер догадался, что Кострова дожидается представитель силового ведомства, а не инженер из соседнего НИИ.

Мужчина, сидя вполоборота к входной двери, в задумчивости разглядывал приклеенные к стене графики дежурств, указательный палец, будто его обладатель плохо видел, не спеша бежал по строчкам. Пробормотав что-то нечленораздельное (Кострову послышалось «Да-а»), незнакомец потёр кончик носа, очень натурально тяжело вздохнул, и медленно, парень мысленно представил себе башенный кран, повернулся к Димке. Окинул быстрым, слишком быстрым для первого знакомства взглядом, и снова, словно добирался сюда с другого конца города, устало вздохнул. Наконец разлепил полные фиолетовые губы, и тихо, пришлось хорошенько вслушаться, поинтересовался:

– Как работа, нравится?

Пришло время потирать кончик носа Димке.

– Обожаю, – ответил он, замечая, как мужчина, словно соглашаясь, едва заметно кивнул, но почему-то подумал, а может, почувствовал, что таким образом незнакомец выражает недовольство. А ещё подумал о чувстве дежавю, словно встретил пожилого актёра, с чьим участием смотрел фильм много лет назад.

– Значит, нравится, – уточнил безопасник. – Хорошо.

Буравя взглядом, добавил:

– Подрался?

– А-а? – Костров не смог сдержать удивления, вопрос оказался слишком неожиданным и возгласом дал исчерпывающий ответ. – Откуда? Семён стуканул? – От сердца, несмотря на возможное увольнение, отлегло.

– Почему стуканул? – скорее утверждающе, чем вопросительно произнёс безопасник. – Долг каждого порядочного гражданина проявлять бдительность.

– Наверное...

– И?

– Вот у него и спросите.

– Мне интересна твоя версия.

– Нет никакой версии. Врезал раз... – Дмитрий поднял кулак и заметил несколько красноречивых отметин от зубов. – Вот дерьмо. – Понимающе посмотрел на незнакомца. – Развели, как пацана.

– Ты о чём?

– Об этом, – показал содранные костяшки. – Вот я лоханулся. – Окончательно расслабившись, Дмитрий оставил без внимания очередной кивок.

– Ясно... – Мужчина сделал паузу. – Тогда... если такой умный, ответь, где был со своим другом в субботу ночью?

Улыбка замёрзла. Медленно оттаивая, повисла в уголках губ:

– В субботу? Надо подумать...

– Я помогу. – Безопасник легко поднялся. – Вы ходили к Стене.

Шагнул к Кострову.

– Не помню... – договорить молодой человек не успел, чисто рефлекторно отшатнулся и крутанулся на пятках, сбивая хватку предплечьями. Незнакомец мигом применил другой приём. Дмитрий снова попытался заблокировать выпад и ослабить хватку. Но ошибся, а может, сообразил, с кем борется, и решил поддаться. И спустя три секунды тяжело сопел, морщась от боли в заломленных руках.

Последовал сильный тычок и Костёр врезался лбом в хорошо знакомые графики дежурств. Успел подумать, что если приглядится (если успеет, конечно, в этот момент его уже оторвали от стены), то сможет увидеть свою фамилию, аккуратно выведенную каллиграфическим почерком старшего мастера; если Круглый и Мягкий что-то умел, так это красиво писать.

Ещё один удар, теперь носом.

Нет, фамилии он не увидит: больше месяца в смену не ходит. А вот пятна крови разглядеть можно, даже не напрягаясь. Особенно если ещё разок приложат.

– Смешно?

Дмитрий забыл про боль: кого они в «контору» набирают, неужели мысли читать научились? Скосив глаза вбок, заметил в стеклянных дверцах шкафа своё отражение, подумал и ответил:

– Уже не... е-т. – Охнул, снова врезаясь головой в стену. Услышал чмокание дверной ручки и скрип приоткрывшейся двери, слух уловил брошенное в проём слово:

– Извините. – Старший мастер волнуется.

Следом крик Мишки:

– Он его бьёт!

Дверь закрылась и голоса стихли.

Хватка ослабла. Диман качнулся, вытягивая перед собой руки. Упёрся в стену, а глаза уставились на кровавую полосу (*придётся Жучку переписывать*). Шмыгнув носом, почувствовал во рту металлический привкус. Повернулся, пальцы ощупали разбитый нос, выжидающе посмотрел на безопасника. Мучитель спокойно стоял напротив, словно ничего не произошло, будто Дмитрий сейчас сам (*а разве нет?*) бился головой о стену.

С горя...

Опустив в карман руку, мужчина достал носовой платок и протянул Кострову.

– Держи.

Парень дотронулся до сопливчика и замер. Его глаза прилипли к красивому перстню на руке незнакомца. Вмиг забывая о разбитом носе и бледнея, Костёр вспомнил, где видел безопасника раньше...

Мама... бледная и испуганная застыла возле двери в спальню, прижимая Кострика к груди, пришибленно смотрит на отца. Отец чувствует взгляд. Поднимает глаза, глядит в ответ исподлобья, словно пойманный в клетку зверь, его грудь тяжело вздымается. Димка дёргается, пытается вырваться, и ему почти удаётся, но затем двое мужчин, вломившиеся в квартиру и скрутившие отца, начинают Кострова-старшего бить. Кострик бледнеет, перестаёт вырваться и начинает плакать. Сжимает маленькие кулачки, не замечая, что вместе с ночной рубашкой стискивает мамину кожу. Не замечает и молодая женщина, красивые голубые глаза превратились в два огромных блестящих озера, потому что у неё на глазах два амбала, якобы из службы

безопасности, методично, и с каким-то нездоровым удовольствием избивают любимого человека.

Глухие удары, возня, стон...

Неожиданно появляется третий, мальчику кажется, человек возникает ниоткуда, словно злой волшебник, но на самом деле просто не видит из-за слёз. Кострик плохо видит, зато хорошо слышит.

– Как работа? – издевается незнакомец, и когда отец отвечает *здорово*, едва заметно кивает, и резко, без замаха бьёт.

Отец охает и сползает. Помощники краснеют от натуги, приходится держать родителя на руках, а он не слабый, сто килограммов чистого мяса. Пыхтят, но справляются.

Работа такая...

Главный, Димка уверенно определяет статус злого волшебника, достаёт носовой платок и вытирает красивый перстень. Поворачивается и смотрит на мальчика, отчего у Кострика крутит живот и хочется пи-пи, взмахивает неприятно порозовевшим квадратиком ткани и уговаривает:

– Если себя не жалко... – Дышит на перстень и снова протирает. – Сына и бабу пожалей.

Расчёт верный: отец срывается. Легко стряхивает с себя громил, Димка слышит крик левого, влетевшего в кухонную дверь и головой разбившего стекло. Видит обмякшее тело второго, затылком ткнувшегося в стену в сантиметре от настенного выключателя. И видит как «главный» снова кивает (или кажется?), но остаётся на месте. Легко уворачивается от рук отца, заходит ему за спину и прижимает к стене. А затем, мальчик снова всё пропускает, достаёт откуда-то большой, Димке он кажется просто огромным, и чёрный, будто вымазанный в саже, пистолет. И ловко приставляет к голове отца.

Мамин крик заставляет подпрыгнуть. Кострик резко задирает голову, в шее звонко хрустят позвонки, видит любимые испуганные глаза и трясущиеся губы. На лицо падает слезинка. Димка машинально высовывает язык, чувствует горечь и соль, и... решительно пытается вырваться. Ему не хочется больше пи-пи, он хочет бежать в свою комнату, где в коробке с игрушками лежит выструганный из деревяшки автомат (не такой большой и чёрный, но вполне реальный для пятилетнего ребёнка, чтобы попробовать застрелить из него жестоких обидчиков). Но мама прижимает сильнее, на миг перехватывает дыхание и снова хочется пи-пи.

– Я всё про тебя знаю. – Звучит голос главного. – Слышишь?

Отец молчит.

– Трус...

Отец отвечает:

– Это ты трус. Предатель. Ты знаешь, что они делают? Ты знаешь, откуда привозят? – Задыхается, краснеет от натуги, но продолжает. – Ты всё знаешь... и всё равно с ними. Они жируют, а мы? Мы...

Незнакомец срывается, и снова бьёт, рукояткой пистолета.

– Меня не волнует... Твои проблемы. – Губы кривятся в подобии улыбки. – И таких, как *ты*.

Отец хрипит и пытается вырваться. Злой волшебник приставляет к его голове пистолет и двигает большим пальцем, словно хочет ковырнуть. Димка слышит крик матери, а затем неожиданно летит в сторону и падает на пол. Грохочет гром, звук, похожий на взрывы петард, Димка сам на новый год взрывал, ребёнок жмурится от страха, чувствуя неприятный запах дыма. Слышит звуки борьбы и стон отца. А когда приходит в себя – уже лежит в любимой кровати, а рядом сидит соседка.

На невнятный вопрос, где родители, тихо отвечает:

– Заболела, малыш, твоя мамка... Папка к доктору повёз.

Мальчик внимательно слушает, не по-детски серьёзные глаза разглядывают потолок (наверное, представляет доктора и больницу), долго и неподвижно лежит. Так долго, что соседка, вспоминая номер больницы, начинает тревожно поглядывать на телефон. Затем Димка вздрагивает и приходит в себя, хочет кивнуть, мол, совсем он не маленький и всё понимает, но вдруг вспоминает, что так делал злой волшебник, и раздумывает. Вместо этого наклоняется к коробке с игрушками и достаёт деревянный автомат. Проводит рукой по прикладу и тоже делает движение большим пальцем (карябает), смотрит в светлеющий прямоугольник окна, обещая себе, когда вырастет, обязательно отыскать злого волшебника и отомстить.

– Ты... – Выдохнул Костров, не контролируя себя.

В горле пересохло. А в голове словно лопнуло. Боль... Сломил возведённую психикой защиту, полоснула по сердцу скопившейся мукой. Костёр вспомнил всё... Как навещал маму в больнице. Глядел на бледные впадины щёк, из-за чего лицо почти не отличалось от подушки. Как наивно пытался развеселить, рассказывая сцены из глупых мультиков. Как отказали в пособии: «преступный элемент» и «должны радоваться, что делу не дали ход». Как изменился отец: постарел, превратившись из жизнерадостного балагура в молчаливого и задумчивого ворчуна, почти всё время пропадавшего на бесконечных работах. И вспомнил, как, помогая матери присматривать за сестрёнкой, незаметно изменился сам.

В худшую сторону...

– Помнишь меня? – облизал Костёр слипшиеся губы. – Тогда... – В груди защемило, и парень замолчал. Сжал кулаки и сделал шаг вперёд. Безопасник отступил. Мужчина старался держать себя в руках, но в глазах мелькнул страх.

– Не двигайся, – глухо произнёс Злой волшебник, рука нырнула под мышку. Дмитрий не послушался, а затем неожиданно повернулся к столу и с размаху опустился на стул. Тяжёлый вздох заглушил скрип расшатанного стула, сильные руки безвольно упали на колени, а глаза заблестели.

Сил не осталось...

Не потому, что Костёр испугался, сейчас ему было всё равно, а потому что на душе вдруг стало невыносимо плохо. Появилось гадливое чувство, будто обокрали, лишили чего-то важного.

Украли детство...

Пришли звёздной ночью, вломились, не спрашивая разрешения, и отняли. Забрали. Вместе с любовью и нежностью родителей, ибо там, где остаются нужда и жалость, места для любви не остаётся.

– Так получилось, – услышал Костёр, но не пошевелился. – Спроси у отца. Сам виноват: собрания, книги.

– Собрания? – поднял парень голову.

– Да. Сначала собрания, затем – митинги.

– Что?

– Они требовали отменить поставки.

– Но...

– На условиях, выдвигаемых правительством.

– И всё?

– Мало? – Безопасник спохватился и убрал платок, словно прилипший к руке и пальцам. – Кроме того, требовали запретить Игру.

Дмитрий промолчал.

– Мне жаль... – мужчина подошёл к столу, и, как показалось Димке, немного боком, наверное, ещё опасаясь, перегнулся и вынул из верхнего ящика чёрную папку.

– Ладно, будем считать, всё выяснили. – Взглянув на Димку, зачем-то посмотрел на свои ботинки и снова уставился на парня. – И ещё... больше никогда не ходи... те к стене. И другу

своему скажи. Иначе всё, что случилось с твоими родителями, может случиться с тобой. – И прежде, чем смысл сказанного дошёл до Кострова, и он начал в ярости приподниматься со стула, открыл дверь и вывалился в дымный и душный сумрак цеха.

– Я запомню! – из последних сил крикнул вслед Дмитрий, неожиданно чувствуя себя снова пятилетним ребёнком.

Глава 4

Несмотря на ужасное самочувствие и неспособность сконцентрироваться, с работы Костёр не ушёл. Сам не понял, почему. Или боялся остаться наедине со своими мыслями, или страшился застать дома отца. Умылся в туалете ледяной водой. Ёжась от боли, смыл запёкшуюся кровь. Вздрагивая и не замечая повторяемых вслух «я запомню», рассеянно привёл себя в порядок.

Круглый и Мягкий, то ли понимая, что пришлось вынести при допросе, то ли наоборот, побаиваясь связываться с «заинтересовавшим определённое ведомство гражданином», как сам лично выразился, особо не загружал. Работу дал лёгкую: отправил в гараж кузов длинномеру ремонтировать.

«Подлатать, если можно»...

Дмитрий возражать не стал.

Сначала работать приходилось через силу. Голова гудела от мыслей, туманом забивавших сознание и болью откладывающихся на сердце. Почему-то снова вспомнился подслушанный в детстве разговор, директор школы и странный собеседник. Очки, капюшон... Теперь подозрительный мужчина сильно напоминал отца. Может, поэтому Костров-старший постоянно где-то пропадал? Возможно, он снова был в чём-то замешан?

Много, очень много вопросов, и все отвлекали от работы, но незаметно Костров втянулся, «ненужные» мысли рассосались, и всё внимание сосредоточилось на железках.

Отмерил рулеткой уголок. В последний раз проверил, ошибиться нельзя, и, щурясь от ярких искр, с трудом удерживая рвущуюся шлифмашинку, отрезал нужную длину. Вдыхая запах жжёного металла, вытер пот, чувствуя через рукавицу горячий рез, приставил заготовку на место. Убедился: ровно. Отворачиваясь и пряча глаза, кивнул другу: «прихватывай». Хлоп! Яркая вспышка и уголок прилип к машине. Намертво. Чуток отдохнули, и снова: «Держи, Мишель, крепче, ровнее. Ещё... Теперь молотком стукни, не видишь, сваркой утянуло. Хорошо, дальше»...

Михаил снова поставил заготовку неровно.

Издевается? Костёр хотел выругаться, когда вспомнил посетившую утром мысль. Он думал... перед глазами нарисовался образ девушки, Машкины коленки и влекущий полумрак между бёдер.

Бах! – Парень задел держакон кузов.

Разметав по щёбёнке угловатые тени, вспыхнули яркие искры. Тут же закричал Аспирин: – Твою мать! Зайца словил!

Извиниться желания не возникло. Зайцев... все мы зайцы, волчара кто, интересно? Покопался на друга, впервые замечая во взгляде что-то новое. Неужели Мишка смотрел так и раньше? Или появилось после субботы?

Или у тебя, дружок паранойя, подсказал кто-то третий.

Пытаясь поймать ускользающую мысль, Костров отвернулся. Кто привёл его на пустырь? Почему их не сожрали обрубки? И кто сказал прошлой ночью (вот о чём он подумал утром): «поживём – увидим»?

Мишель...

Перед глазами замелькали вспышки выстрелов, крики, возня... изображение замедлилось: перекошенное отчаяньем отцово лицо, мамин крик и расплывающееся по ночнушке вишнёвое пятно; снова ускорилось – вопли, стоны, вызывающий мурашки звук увлакиваемых в темноту тел...

Дмитрий дёрнулся. С трудом ворочая сухим языком – странные приступы преследовали вторую неделю – через силу сглотнул. Попробовал успокоиться – и не смог, на лбу и спине выступили капельки пота, а мысль о причастности друга занозой засела в мозгу.

Не контролируя свои действия, Диман отвернулся, и снова, уже специально, с силой ударил держак по кузову.

Тр-рах!

Из-за спины раздался крик Аспирина:

– Ты чего?! Совсем уже?!

Затем – чувствительный толчок в спину:

– Ну?

Костёр будто дожидался. Выпустил из рук держак? и с выдохом, резко обернулся. На миг перед глазами поплыло. Не обращая внимания на выглядывающего из-за грузовика водителя, сгрёб напарника в охапку.

– Зайцы, говоришь? – На щеке друга чернела полоска мазута, на подбородке светло-зелёный завиток нитки от рукавицы, пыльные волосы, когда Аспирин попытался вырваться, взметнулись русыми брызгами. – А?

– Ты ч-чего? – задушенно прохрипел напарник.

Диман продолжал трясти.

– Тебя спрашиваю? Что в субботу сказал? Помнишь?

– Отпусти! – закричал вдруг Спирин, неожиданно легко вырываясь из захвата. – Пошёл ты, псих долбаный!

Дмитрий занёс руку для удара и остановился, сник. Это же Мишка. Друг. Перед глазами снова всё закрутилось, и грузовик оказался сбоку. В нос ударил запах нагретой солнцем щебёнки и машинной смазки. Надвинулись бледные тени.

– Вот ведь... – Костёр сел ровнее. – Хреновенько что-то... – Громко закашлялся, подавившись слюной. – Никак... после ночи не отойду.

Михаил опустил рядом. На лице тревога, а в серых глазах – то же странное выражение. Сзади подбежал водитель, под ногами противно хрустела щебёнка, испуганно посмотрел на Кострова, закрутил, как филин, башкой:

– Э-э... вы чего? А? Чего это с ним? – Протянул к Димкиному плечу руку, но на полпути передумал и боязливо отдёрнул.

– Он не заразный! – услышал Дмитрий сердитый Мишкин возглас и грустно улыбнулся. Не заразный? Мысль интересная.

– Да я ничё... ну... давай тогда... это... поднимем? – попытался оправдать испуг водителя. – А? Застудит чего... на земле-то.

– Не надо. – вяло запротестовал Костёр. – Сейчас отойду.

– Угу. – Мишка покачал головой, совсем как мужик с перстнем. – Нет уж, давай вставай. – Коснулся плеча. – И вали домой.

Домой? И ты туда же. Не хочу я домой, страшно мне там...

И тихо застонал, раздавленный камнепадом воспоминаний.

Мама...

На полу. Одеяло запуталось в ногах, ночная рубашка едва прикрывает худую бледную бёдер. Ему даже кажется, он видит... нет, успевает отвести глаза и пятится к выходу. Спотыкается о порог, скрюченные пальцы хватаются за косяк, но всё равно с грохотом падает. Нет... перед этим громко вскрикивает, почти как мать. Она тоже кричала, звала на помощь, чувствовала, ей становится хуже и начинается приступ, но не могла докричаться.

Он просто не шёл.

Потому что последнее время она кричала слишком часто, и слишком часто звала на помощь. А он, напротив, очень редко разговаривал по телефону. Особенно с Надькой из восьмого «Б». С той самой Надькой «Большие сиськи», запросто снимавшей трусы за плитку шоколада. А у него такая плитка имелась – месяц лежала со дня рожденья.

Перед глазами встали стеснённые коротким топилом груди. Бугорки сосков, бесстыже выпячивающиеся сквозь ткань футболки, и откровенный взгляд.

От накатившего желания перехватило дыхание.

– Уснул? – Выдернул из грёз хрипловатый голос девушки на другом конце провода.

– Ага...

Уснуть – мысль хорошая. Особенно вместе.

Не королева, верно... Но и он пока не король, так, шпана малолетняя. И как невинность терять – сугубо личное дело. А потерять он просто обязан, хотя бы для уважения (авторитет, как-никак). Да и не для дела, просто для удовольствия, – тоже неплохо.

– Сынок! Сынок, ты здесь?

Проснулась. Проснулась, чёрт побери, вечно не вовремя, подождать не может.

– Ну что, придёшь? – Сиплым от нетерпения голосом произнёс он в трубку. – Не пожалеешь.

Из трубки послышался грубый смех, больше похожий на мужской, и Димка, в который раз поймал себя на мысли, что в глубине души надеется (*как же, жди*) на отказ. Потому что не надо ему такого «счастья», по крайней мере, с Надькой. Может, и не надо... у кого не стоит, а для четырнадцатилетнего раздолбая самое то.

– Есть кто-нибудь? Кострик...

«Кострик». Так звала только мама. Мама, укачивающая по вечерам и рассказывающая сказки. Что же он, сволочь, делает?

– Куда приходить-то?

Диман не расслышал:

– А-а?

– Не, ну ты чё? – В голосе послышались капризные нотки. – Или испугался?

Испугался? Он?

– Куда, куда... – Захотелось сказать грубость. – В подвал, конечно. Комнату нашу знаешь? С Аспирином строили.

– В пятиэтажке? Рядом с ЖЭУ?

Из комнаты родителей послышался непонятный звук. Будто упало что-то мягкое, но в то же время тяжёлое. Короткий мамин вскрик.

– Да, да. Вечером... в семь. – Димка бросил трубку и выбежал из комнаты.

И увидел...

Свою мать, почти голую, беспомощную, с закатившимися глазами и мокро сверкающими на свету светло-розовыми белками глаз, с тёмным пятном свалевшихся на голове длинных волос, заметил на подбородке кровь.

Сморщившись от ударившего духа лекарств и давно непроветриваемого помещения, сперва побледнел, затем покраснел, чувствуя себя, будто застучал мать за каким-то преступлением. Испытывая жгучий стыд за свою подлость, мамину беспомощность и необходимость каждый день унижаться, попятился из комнаты, споткнулся и... увидел над собой широкую фигуру отца.

Костров-старший метнулся в комнату и засуетился возле жены. Через секунду послышался громкий крик:

– Скорую вызывай! Скорее! Слышишь?!

* * *

- Слышишь? – Михаил потряс за плечо. – Ты как?
- Нормально. – Костёр осторожно мотнул головой, какой-то миг ему казалось, что голова лопнет от боли. Нет... отпустило. – Один не пойду. Вместе.
- Пойдём, – улыбнулся Спирин одними губами. – Я тебя не брошу.
- Смешно...
- Мог и спасибо сказать, – проворчал Михаил, помогая подняться. – Всегда рад помочь, особенно если можно раньше смыться.
- Ясное дело...
- Шутники, блин, – подал голос водила. – Туды её в качель.
- Да ладно, расслабься.
- Мне проблемы не нужны. Мягкий и так весь мозг выел. Всю неделю сварного прошу...
- Не бери в голову, мы всё равно не сварщики.
- ... а как дали, ему сразу плохо... не понял? – До шоферюги запоздало дошло, сказанное Спириным. – Не сварные?
- Конечно, нет. Слесари мы.
- А варите хорошо. – Мужчина неожиданно улыбнулся, пугая неровным рядом стёртых жёлтых зубов. – Только кто теперь кузов доделает?
- Мягкий ещё прийдёт, или мы завтра.
- Да, жди. – Водила осторожно почесал замасленной рукой лысеющий загривок. – Ладно, пойду к начальству, чуть-чуть осталось.
- Ты особо не бухти, – предупредил Михаил. – Мы сейчас сами подойдём.
- Согласно кивнув и недовольно бормоча что-то под нос, мужчина не спеша двинулся в сторону ворот.
- Костёр повернулся к Мишке, встретившись с насторожённым взглядом друга, дождался, пока водитель отойдёт подальше, и тихо спросил:
 - Может, в больницу сходить? Больничный оформить... отлежаться.
 - Сходи, конечно. – Парень облокотился на стоявшее возле стены колесо, коснувшись рукой почти до корда стёртого протектора, почувствовал под пальцами мягкую теплоту резины. – Деньги только жалко.
 - Зарплату? – Димка сел на корточки и тоже привалился спиной к крышке.
 - Угу. Больничный не оплатят.
 - И анализы сдавать, – передёрнул плечами Дмитрий, удивляясь, когда стал таким чувствительным. – Кровь из пальца... ненавижу.
- Михаил представил и согласно кивнул:
 - Хреново, напарник... Жуть.
- И засмеялся.
- Костёр в упор посмотрел на друга, дождался, когда товарищ успокоится и посмотрит в ответ, решился и тихо спросил:
 - Что значит «поживём-увидим»?
- Заметил, как сжались у Михаила губы.
 - Ничего.
 - Ясно...
 - Чего тебе ясно?
 - Да ничего! Гонись ты всё.
 - Да? Ты о чём?

– Отвали... – Диман вдруг почувствовал себя вымотанным до предела. – Тебе виднее. – У Мишки кровь прилила к лицу.

– Ты меня достал! – сорвался он, не замечая, как от крика Костёр нахмурился ещё больше. И было от чего: чтобы сдержанный (выдержанный, как говорил отец) Аспирин вышел из себя, нужно сильно постараться. Это Димке можно кричать, прыгать или размахивать руками (частенько попадая кому-нибудь в лицо). Ему, но не Мишке.

– Может, заразились чем? – не обращая внимание на заявление друга, поинтересовался Костёр. Вздохнул, и, чтобы не слушать в ответ ворчание, стал следить за стайкой воробьёв.

Чирик, чирик... Вёртки пернатые суетились возле сварочного кабеля, копошились в густом облаке пыли.

Дождавшись, когда Мишка успокоится, посмотрел с неприязнью на друга, с издёвкой поинтересовался:

– Всё? Полегчало?

Товарищ не ответил.

– Чего молчишь?

– Думаю, – раздражённо бросил напарник. – Устали просто. Не знаю я таких болезней.

– Я и тварей таких не знал.

– И я, – огрызнулся Спирин. – Тебе чего? Говори прямо.

– Ну... – Получив вопрос в лоб, Диман почему-то стушевался.

– Что «ну»? Блин, сам-то понимаешь, что несёшь? Чего добиваешься?

– Ещё поплачь...

– Иди, знаешь куда? Я ведь серьёзно, мне оправдываться не в чём.

– Да...

– И бандитов я не вызывал. И про ящики не знаю. Сам таскал меня по комнатам. Вспомни? Думаешь, притворялся? И мужика, что тебе по морде съездил, я тоже вызвал?

– Наверное, нет.

– Урод ты. – Спирин резко встал прямо. – Я к Мягкому, отпрашиваться.

– Мишель...

Мишка не ответил, махнул рукой, и, не оглядываясь, быстро зашагал прочь от машины. А как же «поживём-увидим», захотелось крикнуть Кострову, но он сдержался.

На игре...

Рядом кто-то остановился, и приятный мужской голос озаботился:

– С вами всё в порядке?

Крик погибшего вальцовщика затих.

– Что? – глухо спросил Костров, с хрустом повернул голову и увидел судью, одного из судей, в чьи обязанности входило следить за игроками. Стали понятны и встревоженный взгляд, и искреннее участие в голосе. Шоу должно продолжаться строго по расписанию, несмотря ни на что.

– Нормально. – Дмитрий чуть кивнул, выдавливая улыбку, с трудом, чтобы отстали. – Что ещё? – Спросил через секунду, не поднимая головы, когда судья не ушёл.

– У вас такой вид... – Представительный усатый мужчина больше похожий на доброго повара («Весёлого молочника» из рекламы молока, потерявшего колпак, зато нацепившего смокинг и бабочку), но не на судью кровавого шоу, разговаривал так, словно они собрались поиграть у него дома. Будто сейчас он раздаст карты, улыбнётся и на минуту уйдёт на кухню, дабы принести печенье, какао, чай, или то же грёбаное молоко. А когда кто-нибудь проиграет – вызовет такси и посадит в машину.

– Только скажите, – промяукал судья. – Пока есть время. – И показал в сторону нахлывшихся за столом врачей. – Вам помогут.

– Спасибо. – Диман снова начал дрожать, уже от ярости. – Со мной всё в порядке! В ажуре! Супер! – Бледность сменилась румянцем, щёки заметно порозовели. – Достаточно? Или повторить?

– Как скажете. – Чуть поклонившись, судья отошёл от стола и демонстративно отвернулся, но Костёр не сомневался, что теперь за ним всё время будут следить, точно так же, как следил на работе Мягкий, и так же, неожиданно пришло в голову, как следили всю жизнь.

В этом он тоже не сомневался.

Глава 5

Дмитрий неуверенно вошёл в подъезд. Не давая себе остановиться и передумать, впервые за многие годы считая шерболатые ступени, медленно поднялся на этаж и замер возле двери в квартиру. Потянулся к звонку, в висках, то ли после долгого подъёма, то ли от плохого предчувствия, гулко стучало сердце, на полпути передумал.

Лучше ключом...

Прислушался. За тонкой деревянной перегородкой дремала тишина. Она поселилась давно – теперь он мог себе признаться. Не играла музыка, не раздавался смех... даже голоса.

Немой мирок...

Как он в нём оказался? Кто его создал? Злой волшебник?

Сейчас уверенности не было.

Как сказал безопасник? «Если бы не отец»... Чёрное стало белым. Мир перевернулся.

Дмитрий вставил в замок ключ, напрягся, когда металлические зубчики лязгнули внутри механизма, задержал дыхание и резко крутанул. Волнуясь, нервы превратились в натянутые струны, с шумом выдохнул и медленно, пальцы заметно дрожали, чуть-чуть приоткрыл обшарпанную створку. Ожидая чего угодно (в первую очередь группу захвата), утонул взглядом в душном сумраке прихожей. Выждал несколько томительных секунд, вслушиваясь и вглядываясь, никого не увидел, сбрасывая оцепенение, громко сглотнул. Уже не думая, что засада может поджидать в другой комнате, решительно вошёл в квартиру. На ощупь запер дверь, пальцы нащупали рифлёный выступ выключателя, и включил свет. Вместе со светом в нос ударил горький запах лекарств, больницы и дешёвого крема для обуви: похоже, снова вызывали неотложку.

Протестующе скрипнула половица.

Костёр вздрогнул. Двумя движениями скинул кеды, глаза скользнули по потемневшим от времени обоям, извачканному, чуть ли не в ошметках грязи, половику. Пытаясь вспомнить, когда последний раз делали ремонт, искал глазами тапочки, разумеется, не нашёл. Костёр всех последними словами, осторожно, стараясь не наступить на засохшие корочки земли, торопливо прошёл на кухню.

Здесь тоже стоял кавардак. Прямоугольник потёртого ламинированного стола был уставлен всевозможными пузырьками, чашками с недопитым чаем и графином с кипячёной водой. Громоздились какие-то книги, мутнели полиэтиленом одноразовые шприцы, подрагивали на сквозняке хлебные крошки и подсыхали выпавшие из тарелок макароны. Пизанской башней высилась из раковины гора невымытой посуды.

За окном проехал одинокий автобус. Из-под колёс шоколадными конфетти сыпалась подсыхая грязь. Ветер донёс унылый хрип двигателя.

Стараясь унять раздражение – сердце снова рвалось из грудной клетки, – Дмитрий зло схватил обёртку, скорлупу и сделал шаг к мусорному ведру. Уже почти дотянулся, когда наступил на кусочек сала. Кожей почувствовал противный влажный бугорок. И буквально увидел, как через ткань проникает жир, масляным пятном растекается по коже. Брезгливо передёрнув плечами, Костёр бросил мусор в ведро, освобождая руки. Резко подпрыгнул, отдирая сало, и в сердцах, сморщившись, с размаху отправил белёсый кусочек следом. Не сдержавшись, громко выругался (из глубины квартиры тут же послышался мамин голос) и испуганно замер, напряжённо прислушался и надеясь, что матушка разговаривает во сне. Не в силах справиться с вернувшейся вместе с отчаянием слабостью, тяжело опустился на стул, вытянутый вперёд подбородок щетиной уткнулся в ладони.

Во что превратилась жизнь?

Ответа не было.

Лишь обозлённое большое сердце по-прежнему бухало в висках, с трудом выталкивая откуда-то изнутри чуждые мысли. Почему он так живёт? И кто во всём виноват? И неужели ничего нельзя изменить?

Парень с трудом попытался ответить. Хотя бы самому себе.

Наверное, судьба... другие вон не парятся. Живут.

На других ему всегда было плевать.

А на друга? Мысль о Спирине вызвала приступ гнева и зависти, но, как ни странно, привела в чувство. Ладно, ещё не вечер, будет и на его улице праздник.

За окном, соглашаясь, раскачивались на ветру деревья. Хмурилось, закручиваясь в спираль, небо.

Переодевшись, продолжая мусолить внезапное откровение, Костёр не спеша вернулся на кухню, из рук в ведро посыпался собранный по дороге мусор. Решая с чего начать, настужь распахнул окно. Подставив прелому ветру разгорячённое тело, впустил в комнату многозвучие жаркой улицы и парной летний день. Волглая прохлада принесла с собой уверенность в переменах. За уверенностью вернулся растраченный за день оптимизм. Поклявшись во всём разобраться, парень начал убираться и готовить ужин.

С улицы залетел знакомый с пелёнок кузнечный грохот заводов. Проклятый, въевшийся в подкорку звук. Надоело... взгляд наткнулся на радиоприёмник. Остановившись на каком-то одуряющем ретро-техно (хотелось чего-то ритмичного, поднимающего настроение), сделал погромче, спохватившись, что разбудит мать, прикрыл дверь.

Когда вымыл посуду и стал промывать макароны, заявила сестра.

Пробормотав что-то вместо приветствия, заскочила на кухню, состроив капризную мину, улыбнулась ярко накрашенными губами. Пошарила по полкам, мельком удивлённо поглядывая на брата, заглянула в холодильник, длинные ногти карябнули пластик, нарыла колбасу, и, подпевая певцу из динамика, с невозмутимым видом отрезала внушительный кусок.

Костёр, разбирая наваленные на столе лекарства, старался держать себя в руках, но когда Ленка опять бросила обёртку, только в раковину, облизала пальцы, не вымыла, а просто вытерла полотенцем, не выдержал.

– Убери, – глухо сказал он.

– Чего? – Сестра скорчила непонимающую рожицу.

– Обёртку. – Костёр медленно надвинулся и посмотрел в красивые, но слишком сильно накрашенные (слабо сказано) ультрамариновые зырки. – Где опять шлялась? Время сколько?

– В школе. – Девушка брезгливо, двумя пальчиками вытянула из раковины успевшую намокнуть кожуру и выбросила в ведро. Снова потянулась к полотенцу. Не дотянувшись каких-то пару сантиметров, видно, почувствовала обжигающий взгляд брата, демонстративно передёрнула худыми плечами, длинные ноги шагнули к раковине, и девушка сполоснула пальцы. – Доволен? – Сверкая глазами, Лена взяла полотенце и вытерла руки. – Пожрать ничего нет?

– Макароны...

– Макароны, – тряхнула Лена рыжими волосами, передразнивая брата. – Одно название только и осталось, есть невозможно. – Не стеснясь (да кто он такой?) поправила коротенькую юбочку, больше похожую на набедренную повязку, и обворожительно, но зло улыбнулась:

– Пошла я.

И повернулась, собираясь уйти.

– Куда? – ошалело спросил Дмитрий, понимая, что не знает, как справиться с малолетней оторвой. Снова начал заводиться. – Кому говорю? Совсем страх потеряла?

– Тебе какое дело? – Нисколько не испугавшись, девушка надела туфли и взялась за ручку входной двери. – К Иринке, если интересно. – Склонила голову набок и зачем-то медленно облизала губы. – Хочешь, пойдём вместе.

От этих слов, но больше от высунутого языка, Дмитрию стало не по себе. Скрипнув зубами, он сделал вид, что ничего не заметил. Но ноги сами собой сделали несколько шагов по направлению к прихожей.

– Сейчас отец придёт, ужинать будем, – в последний раз попытался удержать он сестру, одновременно заглядывая девушке в глаза и пытаясь увидеть маленькую девочку, много раз кормленную с ложечки. На миг удалось...

– Не могу. – Лена открыла дверь, на миг задумалась, и, цокая каблуками, вернулась. Наклонилась, обдав несильным ароматом дорогих духов, в большущих глазах прыгали черти, шепнула. – Зря стараешься, Кострик. – Звонко чмокнула в щёку и козой выскочила на площадку. – Поздно теперь...

Входная дверь с издевательским дзиньканьем захлопнулась, оставив Кострова наедине с неприготовленным ужином и недодуманными мыслями. Снова навалилась тоска и чувство, будто кого-то обидел и что-то сделал не так. Противное, надо сказать, ощущение. Вздохнув, парень вернулся на кухню, и, словно в трансе, не спеша закончил уборку. Когда кухня стала блестеть от чистоты, почувствовал себя лучше. Ничего, всё можно исправить. Вымыть, разобрать, навести порядок.

Поставив на плиту чайник, Костёр уселся на табуретку и погрузился в мечты.

* * *

Отец так и не пришёл. Даже не позвонил. Зато припёрся Мишка, и хорошо, что пришёл, Диман уже места не находил от дурацких мыслей. Перемыл везде полы, бельё грязное в стиралку загрузил, и даже успел постирать, но всё равно от тревожных думок, что делает всё не так, избавиться не смог.

Если самую малость...

Решил подремать: сон, как известно, лечит.

Или время?

Разбудил Кострова звонок Аспирина. Михаил стоял на площадке расфуфыренный, и лыбился, словно не ругались днём на работе, прямо огурчик с грядки. Наверное, к мозгоправу сбегал. Или наследство обломилось, или в лотерею бобла выиграл, другое объяснение в голову не шло, потому что не только с утра, но и после обеда, когда вместе шли с работы, товарищ казался бледным, озабоченным и вялым. А теперь стоял и светился. Брючки погладил, ботиночки нацепил. Бутон-загляденье, а не парень.

Костёр пригласил друга на кухню, не спрашивая (знал прекрасно, не откажется), сразу налил чаю. Потягиваясь и разминая затёкшие со сна мышцы, подошёл к окну и выглянул на улицу.

Всё то же махровое небо, свинцовым куполом нависшее над городом, и качающиеся на ветру, прохладно шелестящие листьями деревья.

Грустно улыбнувшись, обернулся к Мишке.

– Как погода? – Взял с полки бокал. – Дождь?

– Моросил часов в пять, – подтвердил догадку Спирин, маленькими глоточками смакуя редкий напиток. – Вкусно.

Глаза блестели от слёз, чай обжигал.

– Веришь, до сих пор не знаю, где берёт. – Диман плеснул кипятку и тоже присел за стол. – Но пачки не переводятся.

– Его ведь оттуда везут, – произнёс друг. – И стоит не кисло.

– Хрен его знает, может и оттуда... Насчёт цены не знаю, говорит – паёк.

– Везёт. – Спирин сделал большой глоток, снова обжётся и смешно задвигал челюстью, кусками хватая воздух. Тонкие брови сошлись над переносицей.

Диман улыбнулся:

– Да не торопись ты... ещё налью.

Кивнул на заварник.

– Ага. – Мишка успокоился, вдохнул терпкий влажный аромат, аккуратно отпил.

Костёр снисходительно улыбнулся: хоть чем-то мог удивить.

Некоторое время молодые люди, наслаждаясь вкусом, пили чай в тишине. О стычке на работе, не сговариваясь, решили забыть. Не хватало поссориться из-за ерунды, как много лет назад, когда дружили семьями.

Спирин исподтишка посмотрел на друга поверх чашки. Если в давнишней ссоре был виноват он, то в этот раз инициатива всецело принадлежала Костру.

Неужели? – Зашевелилась под сердцем совесть. – *А как же АГ?*

Молчание затянулось. Михаил заставил себя успокоиться, сделал большой глоток и медленно, вместе с горячим дыханием выдохнул:

– Отвечаю, лучше пива.

– Когда как, – пожал плечами Дмитрий. – Когда холодно, да, а сейчас от бутылочки не откажусь.

– А я чайку. – Товарищ сделал последний глоток, и, не смущаясь, подвинул бокал. – Обещал.

Сказал смешно, как по слогам: о-бе-ща-а-ал.

Диман фыркнул:

– Иди ты... – Дотянулся до чайника, плеснул кипятка. – Пей, верблюд.

– Спасибо. – Мишка добавил заварки, ложечкой размешал янтарный напиток. – Я чего пришёл-то, на улицу пойдёшь? На дискотеку?

– Куда? – удивился Дмитрий. – С каких пор тебя на танцы потянуло?

– Не знаю, – как-то неправдоподобно смутился Спирин. – Так... развеяться.

– Серьёзно? Неохота что-то.

– Да ладно, дома, что ли, сидеть будешь?

– Отца хотел увидеть, – вспоминая стычку с безопасником, погрустнел Димка. – Поговорить надо.

– Увидишь ещё, куда он денется?

– Не знаю...

– Там Машка будет.

– Машка? – Костёр вспомнил, как часто рассказывал другу, что девушка ему нравится. –

Ты для меня сказал, или для себя?

– Для нас, – усмехнулся Спирин. – Ну что? Идём?

– Ты к Машке не лезь... я серьёзно.

– Неужели? – Спирин явно прикалывался, но что-то в его голосе Кострову не понравилось. Если честно, ему многое в последнее время (*это пару дней, что ли?*) не нравилось в Аспирине.

Костёр незаметно вздохнул. Загнул, конечно, «многое». Ну, не нравится кое-что, с кем не бывает? И «кое-что» – всего лишь брошенный на работе косой взгляд, и вот это предложение пойти на дискотеку. Ну... ещё «поживём-увидим», и, конечно: «пошёл ты, псих долбаный».

Дмитрий нахмурился. Это всё цветочки. Ягодками были непомерное самолюбие и набившая оскомину демонстрация всезнайства.

– Чего задумался? – вернул на землю друг. – О Свет... тьфу, о Машке задумался?

Диман рассмеялся:

– О Светке, о Светке. Это ты о ней думай, после того как в ванной запирался.

– Ладно, проехали, – как-то криво улыбнулся друг. – Теперь можно о ком-нибудь другом.

– Да... – Костёр взял грязные бокалы и сложил в раковину: мыть при друге не хотелось – стыдился. – Удивляешь ты меня. – Идеальная чистота кухни мозолила глаза. Решившись, Дмитрий включил горячую воду.

– Правда? – Брови Мишки взлетели вверх, покосившись на друга, парень начал с интересом перебирать лекарства, аккуратно сложенные в коробку из-под обуви. – И почему?

– Вроде правильный такой, а тёток... – Костёр замялся, подыскивая слово, пальцы механически намылили губку. – Не уважаешь, что ли.

– На то они и женщины, – зло усмехнулся Михаил. – За что их уважать? Гуляют, трахаются с кем попало...

– Не все.

– Конечно (опять это его «ко-не-е-чно»), у сестры спроси. – И, спохватившись, что разговаривает с родным братом девушки, вскинул голову. – Извини...

Костёр чуть чашку не выронил.

– Ты это о чём? Знаешь чего, или так... к примеру?

Михаил потёр шею:

– Сказал же, извини.

– Это её дело. Ещё про мать расскажи.

Спирин облизал губы и сглотнул:

– Не начинай, а? Ну ляпнул сдуру, с кем не бывает?

Действительно, с кем? Димка пожал плечами, добавляя ко всем подозрительным взглядам, «поживём-увидим» и «психу» ещё и «сестру».

– Проехали. – Закрыл кран и вытер руки. – Она там будет?

– Кто, Машка? Ленка?

Диман кивнул: Ленка, конечно.

– Будет... – сообщил Спирин. И добавил. – Машук тоже.

– Откуда знаешь? Ты же в клуб никогда не ходил.

– Информация устарела. Пару раз бывал. – Хитро улыбнулся (*улыбочку вот эту туда же*). – Может и больше, да и Светка рассказывала.

Диман ещё несколько секунд помялся, хотя для себя уже решил:

– Ладно, уговорил, погнали... заодно с сестрой увижусь.

Глава 6

Представьте себе грот, или, на худой конец, вагон поезда, только раза в два шире. И пусть вагон превратится в невысокое здание и прилипнет к глухой стене старого кинотеатра. Обзаведётся подвесным, смахивающим на шахматную доску, где клетки только одного грязно-белого засиженного мухами цвета, неровным потолком. Отделанными дешёвыми ДВПэшными панелями стенами, такими же столиками, и покрытым грязным линолеумом (во многих местах продырявленным женскими каблуками) полом.

Внутри узкого здания-пенала, прямо за дверью, примостилась барная стойка, а в самом дальнем углу – верстак ди-джея.

В зале висит густая смесь табачного дыма, духов и спиртного. Одурающе грохочет музыка. На потолке крутится небольшой, с полметра в поперечнике, зеркальный шар. Отбрасывает во все стороны яркие зайчики, отражающиеся от мутного в дыму луча стробоскопа, закреплённого на заваленном окурками и дисками столе ди-джея. Там же стоит допотопный музыкальный центр «Урал» с CD-чейнджером на пять компакт-дисков. И ещё одно маленькое приспособленье (не считая усилителя, эквалайзера, пивных бутылок и пачки сигарет), хорошо известное Советской молодёжи восьмидесятых годов двадцатого века. Выглядит штука как обыкновенный настенный выключатель, закреплённый на дощечке. От штуковины вьётся электрический провод, и когда ди-джей в такт звучащей из колонок музыки нажимает на неё рукой, установленные по периметру танцпола небольшие самодельные прожекторы (чуть ли не цветочные горшки, поклеенные изнутри фольгой от шоколадок) начинают мигать разными цветами. Честно говоря, это приспособление и есть выключатель. И вообще, клуб сильно напоминает деревенские дискотеки тех самых восьмидесятых годов двадцатого столетия, когда страна носила гордое название СССР. Единственное, но серьёзное отличие – бармен, стойка и бутылки спиртного, нестройным рядом выстроившиеся за его спиной.

Водки, джины, вискари и джин-тоники...

И, как в далёкие времена, здесь собираются исключительно местные: кто рядом живёт или учится. Разумеется, сюда может зайти любой желающий, никто не запрещает, но случается это гораздо реже, чем вечер, закончившийся без мордобоя. А таких вечеров в истории клуба насчитывается мало. Так мало, что если поинтересуетесь у постоянных посетителей, ди-джея или бармена, они не ответят. Но по-любому выслушают, участливо покивают головой и виновато пожмут плечами. А когда вам надоест дёрганая артритная пантомима и захочется свалить, вежливо придержат за локоть, и тоже зададут вопрос: «А ты с какой, браток, улицы?»

И если вы поймёте, куда всё катиться и решите схитрить (скажете, например: в соседнем доме), поинтересуются, кого знаете? И вот тут придётся либо назвать местного авторитета, либо попытаться смыться. Потому что иначе следующие несколько дней вы и вопросы задавать не сможете, и даже есть – так будет болеть челюсть. Впрочем, справедливости ради стоит отметить, что такая частота драк имеет одно неоспоримое преимущество: очень редко кого бьют всерьёз и почти никогда не используют оружие.

На удивление чистый и, что немаловажно, целый участок асфальта перед входом в кинотеатр и бар, с одной стороны выходит на проезжую часть, с другой – огорожен высоким чугунным забором.

У входа в клуб обязательно толпятся посетители, обычно небольшая компания. В основном пацаны, но попадаются и девчонки: молодёжь вышла покурить. Дымить можно и внутри, но хочется остыть и перевести дух, а кое-кому – отдохнуть от громкой музыки. На всех красуются джинсы, линялые хэбэшные майки, кроссовки и кеды. Обычная уличная одежда (многим больше нечего надеть), ничем не отличающаяся от той, в которой молодые люди учатся или мотаются на работу, ну разве предварительно вычищенная и выглаженная. Молодёжь пьёт

пиво, громко разговаривает и смеётся, кто-то целуется, а за углом в темноте – блюёт или справляет нужду.

Дмитрий свернул с дороги и остановился. Не сам – ноги. Отказались родимые подчиняться, стали вдруг ватными. Как в субботу на складе. И всё из-за музыки, басами рвущейся из клуба. Унц-унц... С тех пор, как устроился на работу, сумел (Аспирину спасибо) забыть сюда дорожку.

Может, зря?

До этого заядлый тусовщик, не пропускавший ни одной вечеринки, Дмитрий завязал с весельем, начал интересоваться событиями в городе и больше времени проводить с семьёй (жаль, семья не хотела проводить время с ним). И всё бы хорошо, только улица не отпускала, мотала нервы, заставляя злиться на Мишку с его настырным желанием помочь.

С чего ему меняться? Тем более так резко? Может, конечно, из-за отца, превратившего квартиру в некое подобие ночлежки (забегал лишь поесть и переночевать). Или состояния матери, ухудшающегося с каждым днём. Или сестры, неизвестно где пропадавшей по ночам.

Неизвестно с кем...

Причины веские. Не поспоришь. Только было кое-что ещё, непонятное и пугающее, о чём Костёр старался не думать. Странные сны, преследовавшие по ночам.

И голос...

Из дверей клуба вывалилась подвыпившая компания.

– ... к нам поедет... – донеслось до Костра. В ответ – девичий смех.

Дмитрий не приходил сюда два года, и теперь, когда снова увидел совершенно не изменившийся клуб, чувства, что испытывал, напиваясь и дёргаясь до одурения, выбивая кому-нибудь зубы и тиская девчонок, вырвались наружу, заставляя остановиться.

Товарищ остановился рядом.

Возможно, Мишка тоже испытывал нечто подобное, но Дмитрий сильно сомневался. Знал прекрасно, что юность друга прошла в тепличной обстановке. По крайней мере, до ссоры. Но это раньше... а теперь? Кто знает о творившемся в большой и умной голове Аспирина, частенько склонявшей своего обладателя к опасным авантюрам. Оказывается, он и на дискотеки шастал. Когда успевал только?

С неба начал накрапывать дождь. Тёплые капли летели из темноты.

– Костёр, – услышал Диман то ли вопрос, то ли утверждение. – Ни хрена себе! – От компании гогочущих молодых людей отделился высокий коротко стриженный парень. – Глазам не верю. Ты ли это?

Страхивая оцепенение, Дмитрий натянуто улыбнулся, с «Башкой» (в миру Гришкой Головиным) они ладили не очень:

– Башка, – улыбнулся он шире, и заметил, как на мгновение лицо бывшего одноклассника приобрело обиженное выражение. – Ты? Здесь? – Подумал, что больше бывшему приятелю находиться негде, разве, только в тюрьме.

– Здесь я, куда денусь. – Парень развёл в стороны длинные руки. – В отличие от тебя...

Диман подошёл к Головину, ладонь с хлопком врезалась в клешню бывшего приятеля, обнял.

– Ну, здорово.

– Здорово.

– Как жизнь? – Костёр поздоровался с остальными. Трёх знал, двух других видел впервые. Заметил изучающий взгляд и не удержался – хмыкнул: здесь действительно ничего не менялось. Перевёл взгляд на девчонок, на лице появилась давно забытое выражение, кивнул сразу всем, отмечая про себя худенькую блондинку.

– Катюха, – похвалился Григорий. – Моя чувиха. А это Дашка.

– Костёр... Диман. – Представился Дмитрий, глядя в ярко накрашенные (как у сестры) и чёрные, от расширившихся в темноте зрачков, глаза девушки. Залюбовавшись пушистыми ресницами, неожиданно вспомнил, что давно не был с женщиной, и почувствовал: не прочь с Катюхой потеряться, заблудиться где-нибудь на кровати.

Улыбнувшись в ответ, девушка слегка кивнула (*согласна?*), на глаза упала прядь волос.

Башка переступил с ноги на ногу, он всё прекрасно видел и решил судьбу не испытывать (знал, девчонки к Костру липли). Пытаясь отвлечь неожиданного, и, что греха таить, нежеланного гостя, довольно сильно для шутки с размаху хлопнул Дмитрия по плечу, другой рукой показывая на незнакомых парней. По очереди представил.

Костров, пожимая руки, делал заинтересованный вид. Катюха по-прежнему (в этот момент, изучая накачанный зад парня) не сводила с него глаз.

Чья чувиха?

Наконец откровенный флирт подруги Башке надоел, скривившись, будто выпил прокисшего пива, парень сплюнул и одарил девушку взглядом, заставившим её чуть не подпрыгнуть.

Дмитрий не смог сдержать улыбки: действительно, ничего не изменилось. Разве что на Спирина Головин не обратил никакого внимания и не поздоровался, будто видел недавно. И друзьям не представил, товарищ только кивнул шпане недобитой и небрежно пожал руки. Чудеса, да и только, значит, Мишаня не соврал, и действительно сюда захаживал.

Небо прочертила косая молния.

– Расслабься, – поспешил успокоить бывшего приятеля Костёр. – Чужая женщина для меня табу.

– Та-бу что? – Башка неожиданно громко рассмеялся, похоже, сегодня он употреблял не только алкоголь. – Да ты чё? Правда... – Перевёл взгляд на Мишку. – Ну... теперь я спокоен.

Аспирин принуждённо рассмеялся. Диман, улыбнувшись за компанию, только пожал плечами.

– Сестру его видел? – Михаил решил сменить тему.

– Ленку? – Парень на секунду задумался. – Вроде да, но точно не скажу. Сегодня народу... День рождения отмечают. Так она... – начал он, заметил взгляд Спирина и запнулся, через секунду спросил. – Ты из-за неё, что ли? Или просто... отдохнуть?

– Да... отдохнуть. – Дмитрий исподлобья посмотрел на Гришку и перевёл взгляд на Катюху. Отвернувшись, девушка курила сигарету. – И отдохнуть, и на сестру посмотреть, – добавил он грустно.

Со спины девушка ещё больше походила на Ленку: такая же худая, нескладная и... глупая, раз путается с отребьем.

Взгляд потяжелел.

А сам-то? – Мысль заставила взглянуть правде в глаза. – *Ещё год назад ты бы, не думая, загнул её прямо здесь, а теперь стоишь и строишь целку.*

– Работаешь? – неожиданно для самого себя спросил он Башку.

– Кто? Я? – удивление на лице Головина было искренним. – Охренел, что ли. Я не лох. – Заметил, что девчонки перестали шептаться и прислушиваются. – Работник у нас ты... я слышал...

– Башка, – раздался сзади голос Михаила. – Тебе проблем не хватает?

В воздухе повисла тишина. Костру показалось, даже музыка в баре поутихла. Это ж надо – позволить себе публично унижить местного.

Но Головин только скривился:

– Расслабься. – Посмотрел на притихших пацанов, опешивших от такой наглости. – Нормально всё. – Помолчал, глядя на свою тень, добавил. – Ладно, пойду, отолью.

И, как показалось Димке, торопливо, скрылся за углом.

Проводив бывшего кореша взглядом, Костёр посмотрел на Мишку и не сдержался:

– Да-а-а... или я чего пропустил. Или не знаю.

– И то и другое. – Аспирин толкнул в плечо. – Иди, давай, а то и тебе достанется.

Шагнув к двери, из-за которой слышалась приглушённая музыка, Дмитрий взялся за ручку. На миг захотелось всё бросить и вернуться домой, но справившись с секундной паникой, уверенно потянул тяжеленную обитую рейками створку. Дверь легко, будто кто-то подтолкнул, открылась, и друзья вошли, вернее, ввалились внутрь, мгновенно растворяясь в волшебном эфире, впитавшем в себя громкую музыку, полумрак и табачный дым. Непроизвольно затаили дыхание, когда из динамиков обрушился ритм и бас обработанной на компьютере хитовой мелодии, зажмурились от искрящихся и прыгающих по стенам «солнечным зайчиков», почувствовали, как кровь насыщается адреналином, словно предстояло спастись бегством или принять неравный бой.

Ни больше, ни меньше...

Димка не знал, почему так происходит, но на дискотеке у него всегда настроение улучшалось. Его словно подключали к виртуальной розетке и по невидимому кабелю закачивали ток.

Приятное, надо сказать, ощущение.

Дмитрий не сомневался, что Аспирин, если поинтересоваться, по-любасу бы всё объяснил, почему да как, но мысль появлялась лишь в первый момент, и до следующего посещения танцпола не возникала. Было хорошо, хотелось танцевать, чего ещё нужно?

Ноги Костра сами собой начали отбивать ритм и притоптывать. Рассматривая сидящих за столиками людей, танцующую или просто глазающую молодёжь, молодой человек заметил, что и Мишка вовсю кивает головой и шевелит плечами, больше, правда, смахивая на паралитика, чем на танцора: бог пластики не дал.

Однако жарко. Кондиционеров в здании не водилось, и спёртый воздух обновлялся исключительно за счёт сквозняка. А на улице, как назло, морило.

Костров коснулся костистого плеча друга. Получилось сильно, в этот момент Михаил переступил с ноги на ногу и сам налетел на ладонь. На миг лицо парня приобрело знакомое недовольное выражение, с каким товарищ реагировал на всё, отвлекающее от важного дела. Не придав ужимкам Спирина должного внимания, Дмитрий скосил глаза в сторону барной стойки, красноречивым взглядом демонстрируя желание выпить. Кричать не хотелось, а по-другому сообщить не представлялось возможным. Но Михаил прекрасно его понял и согласно кивнул в ответ.

Заказали «Миллер».

Унц... унц... в едином порыве колыхались танцующие. Унц...унц... отражая настроение, по лицам бежали разноцветные кляксы. Унц... унц... лучи чертили причудливую светопутину, превращая убогий зал во что-то эфемерное, причудливую проекцию желания посетителей обрести гармонию с внешним миром и стать свободными.

Михаил и Дмитрий внимательно вглядывались в зал, выискивая знакомых. Растворившись в музыке, сидя на высоких мягких табуретах и попивая на удивление приличное пиво, они тоже стали частью огромного организма и не были больше одиноки...

Иногда к ним кто-нибудь подходил, глаза круглились от выпитого, удивления и радости, и обнимал, искренне радуясь встрече. Тут же заказывалась очередная рюмка и выкрикивался тост. И снова, снова... Костёр успел подумать, что скоро не то, что сестру – домой дорогу не найдёт.

На глаза попалась знакомая блузка...

Полупустая бутылка звонко грохнула о стойку. Даже бармен обернулся. Встретившись с парнем взглядом, Дмитрий с трудом разжал кисть. На запотевшем стекле остались влажные следы. Демоны вернулись, и на душе стало муторно, повелитель спиртного это понял и поспешно отвёл глаза.

Дмитрий выражение лица бармена проигнорировал: уже о другом думал. Лишь глубоко вдохнул и решительно сполз с табуретки. Несколько раз сжал и разжал вспотевшие кулаки. Выдохнул и вразвалочку, по-хозяйски (привычка вернулась незаметно) двинулся в конец зала, бульдозером пробираясь сквозь дёргающийся человеческий планктон. Шаг за шагом, пока не увидел: за сдвинутыми вместе столиками гуляет весёлая компания. Четыре кекса и четыре подруги, одна из которых (знакомая блузка и набедренная юбочка-повязка) – родная сестрёнка.

Кулаки снова сжались. Костёр остановился, вмиг оказываясь окружённым кольцом из танцующих.

Ухажёров он видел впервые, как и сидевших ближе к проходу Ленкиных подружек. Ни те, ни другие доверия не внушали. Один из парней студил необхватную спину, прислонившись к подоконнику открытого окна, второй без аппетита жевал, придавив стероидным задом стул напротив. Третий «детинушка» блестел сальным затылком слева. Четвёртый же, по ширине лица – главный, выбрал себе самый дальний угол стола, откуда просматривался весь зал.

Рядом жались Лена.

На столе закуска, красивая посуда, склянка с соком и штоф дорогой водки. Взгляд отметил крепкие фигуры, уверенные движения, надменные и презрительные взгляды. Особенно выделил мордатого, похожего на Гриню. Коротко стриженные волосы, тонкие губы и сломанный шнобель. С неприязнью увидел ручищу Боксёра, как тут же окрестил главаря, с завидным постоянством ныряющую под стол и тискающую коленки сестры.

Дыхание выровнялось, движения стали плавнее.

С опозданием констатировал пропажу Аспирина. Странно... Встал товарищ следом... только направился почему-то в другую сторону, напрямиком к выходу. Заметил Костёр и Машку, отмечая про себя, что в неясном свете цветомузыки девушка ещё красивее.

Навстречу попала заезженная официантка, оставляя после себя выветрившийся за смену аромат ромашки и набирающий силу запах пота, засквозила дальше.

Бросилось в глаза и другое: многие из присутствующих, кто знал его по школе, а сейчас встречался взглядом, уже не пытались поздороваться, наоборот, отворачивались, а то и вовсе вставали из-за столиков и шли к выходу.

Боялись...

Но Костёр не обращал на посторонних внимание, глаза фотографировали только четырёх амбалов в мешковатых спортивных куртках, способных скрыть любое оружие. И неожиданно, с глубоко запрятанным удовольствием, вспомнил, как пять лет назад ездил с такими же «друзьями» в другой конец города на «заработки»: выслеживал и подкарауливал побогаче одетых людей, избивал и грабил. Гоп-стоп, одним словом...

* * *

Морозящий дождик кстати: горожане в плащах и куртках, только выбирай.

Четырёхугольник старых храмин, темнота подъездов и занавески на окнах. За шторками безликие горожане разматывают махристый клубок жизни.

Костёр и его шайка прячутся в тихом дворике. Разглядывая добычу, пьют горькое суррогатное, похожее на мочу пиво и прикидывают, как добраться до дома и не попасться. И тут чел, взрослый мужичина в плаще. Держится уверенно, даже нахально, не смотрит на враз притихшую стайку молодых волчат.

Крутой...

Башка поворачивается к Димке:

– Кожа ништяк, а?

Остальные согласно поддакивают, но ждут слова вожака.

А Диман сомневается, чувствуя беду.

– Свалит, Костёр!

– Ладно, уговорил.

Мужик шмыгает мимо, Диман и Башка стелятся следом, разбегаются, одновременно врезаются в спину, опрокидывая незнакомца отточенным двойным ударом. Многократно опробованная тактика не подводит. От сильного и неожиданного тычка несчастный летит навстречу земле, профессиональная зуботычина вырубает окончательно. Остаётся проверить карманы и раздеть.

– Шухер!

Не успел незнакомый мужик коснуться руками земли, как из машины, припаркованной на соседней улице, выскакивают двое друзей. Со всех ног бросаются к избитому товарищу.

Условный свист застаёт Димку за выворачиванием карманов. Он удивлённо вскидывает голову, глаза сканируют улицу, и вмиг понимает: вляпались.

– Ноги! – Гулким эхом мечется среди старинных зданий его крик.

Подростки дружно бросаются в ближайший сквозной подъезд, где (они тусуются здесь не зря) имеется выход на соседнюю улицу. Последним бежит Димка. Пропускает Башку, поворачивается, и прежде, чем закрыть за собой дверь, успевает заметить, как лежавший на земле мужчина показывает в его сторону рукой. Костров уверен: человек произносит «Бумажник».

– Пошёл! – толкает он замершего Гриню. – Встречаемся на месте! – И прячется в темноте за дверь. – Я кому сказал, – добавляет через секунду тоном, от которого Головин моментально испаряется.

Хлопает за Гришкой дверь. Воцаряется тишина. На мгновение. Через секунду Диман слышит старческое шарканье, лай собаки и пьяные крики одного из жильцов. Фон. Ненужные помехи, не имеющие к происходящему никакого отношения. Затем... слышится приглушённое дверью деревянное шлёпанье по асфальту. Быстро приближается.

Дверь открывается и появляется виновник шума – нога. Друга или охранника... Противника.

Дверь открывается, прямоугольник света освещает мятую миску на полу с какой-то серой массой, утыканной мослами, похожей на человеческий мозг, грязные плитки подъезда и похабные надписи. «Корнай» – успевает прочитать Дмитрий, прежде чем надпись заслоняет фигура в чёрном.

Дверь закрывается.

Сумерки.

Привыкая к освещению, преследователь замирает, и в этот миг ему в бок втыкается лезвие. Несильно, даже плавно, но, к несчастью, уверенно. Мужик дёргается, шевелит немым криком губы, пытается развернуться.

Лезвие входит глубже, и парень чувствует мучительную судорогу тела: сталь касается внутренних органов.

Костров ещё секунду смотрит, а руки автоматически прячут нож. Прыжок к двери – и он с другой стороны дома. Сильные ноги уносят преступника прочь, а возле двери лежит нетронутый, набитый деньгами лопатник.

* * *

Ему показалось, или музыка стала тише? Движения людей замедлились, а губы словно замёрзли, и каждое слово тянется жвачкой?

Пустая бутылка на полу. Стул у открытого окна. Два стола напротив, один пустой, за другим – гуляющая компания. Затёртый линолеум пола с нечитаемым орнаментом, металлическая полоска, прибитая вдоль края, словно граница, разделившая зал пополам. Треснутый квадра-

тик подвесного потолка, выломанная декоративная панель, пошло демонстрирующая глянец батареи отопления. Ди-джей, заигрывающий с экзальтированной шатенкой. И наконец... Ленкин взгляд (заметила зараза: чувство опасности и великолепная интуиция в семье врождённое), сначала удивлённый, затем – откровенно испуганный. Но прежде, чем Дмитрий понял, за кого на самом деле боится сестра, его заметили остальные.

Спина жующего напряжённо замерла, что-то тихо шепнул Боксёр, парень возле окна положил на стол руки.

Неплохо...

Участок зала, ограниченный двумя столами, выпал из реальности, превращаясь в ещё одно зазеркалье. Изолированный потусторонний мир, со своими физическими законами, нормами морали и правилами поведения.

Остановившись возле столиков, Дмитрий окинул парней нейтральным взглядом, заметил скользнувшую к бедру лапу сальноволосого. Делая непринуждённый вид, уставился на Боксёра и хотел поздороваться, но сестра опередила:

– Ты чего? – Девушка выглядела испуганной. – Зачем припёрся?

Диман заставил себя улыбнуться.

– Всем привет.

Никто из парней не проронил ни слова.

– Понял... Я за сестрой.

Вот тут ухажёры оживились.

– Вали отсюда, – грубо посоветовал Боксёр. – Дома разбираться будете.

– Дома? – Костров почувствовал, как напряглись (*расслабься, расслабься ради Бога*) мышцы. – За этим и пришёл.

– Ты не понял? – Боксёр покосился на посылающего какие-то знаки приятеля слева. Покосился и Дмитрий. – Ты кто такой?

– Брат, – спокойно, как ему казалось, ответил он.

Боксёр рассмеялся. Весело и заразительно.

– Неплохо... – произнёс он через несколько секунд. – А теперь исчезни, брат.

– Мне... – начал Костёр, но сестра снова перебила.

– Ты чего припёрся, спрашиваю?! – крикнула она, привлекла внимание ди-джея. Худенький парнишка, успевший проверить, есть ли у шатенки нижнее бельё, раздражённо повернул голову. Хотел возмутиться, но, встретившись взглядом с Боксёром, передумал. С растущей тревогой Костёр отметил, что на него «Магнитофон с руками» даже не взглянул. Возможно, устроился в клуб недавно и не был о Димке наслышан, а возможно, слышал, но в сравнении с Боксёром считал менее опасным.

– Поговорить надо, – ответил Дмитрий, теряя испаряющуюся куда-то разом уверенность.

Словно почувствовав сомнения брата, девушка выговорила:

– Говори здесь. Не пойду никуда.

Глядя на сестру и ухмыляющийся чайник лица Боксёра, Дмитрий впервые в жизни растерялся. Прикусил губу, не в силах вымолвить ни слова. Снова вспомнил о Мишке, жалея, что друга нет рядом. У Спирина язык болтался как надо (правильно, ввернул бы отец), да и батек, если подумать, никогда не лез в карман за словом. А вот он... привык больше полагаться на кулаки и интуицию, чем на прямую речь. Вот и сутулился сейчас под взглядами, чувствуя себя не в своей тарелке.

Придинок... какое тебе дело, с кем путается сестра? Она уже взрослая, опоздал с советами...

– Не поздновато? – услышал Костёр голос девушки и вздрогнул. – Раньше где был?

...раньше... лаве добывал, имотье притаскивал, жизнью...

– Вспомнил, что старший брат? Может, лучше, как раньше? Денег отвалишь?

...своей рисковал.

– Домой иди! Макароны остынут... – Сестра поперхнулась и замолчала. Боксёр участливо похлопал по спине, но Лена отмахнулась от надоедливого помощника, худенькое плечико нервно дёрнулось.

– Иди ты. – И полезла в сумочку за платком. Диман увидел в глазах слёзы.

Всё правильно... не его дело.

Весь красный от досады и злой, начал медленно, словно в трансе, поворачиваться. Глаза в последний раз обежали застолье и остановились на Боксёре. Дмитрий напрягся. Понял, вдруг, какую неопределимую услугу оказал ему много лет назад Спириин.

Вглядываясь в спокойные, презирающие всё живое холодные глаза, Костёр осознал, в кого мог превратиться, если бы Михаил не помог уйти из банды. В такого вот отморозка, по вечерам тискающего малолеток, а днём выбивающего долги из проштрафившихся барыг. И понял, кем станет сестра, если он, как и раньше, трусливо смоеется.

Громила непонимающе переглянулся с приятелями.

Но прежде чем принимать окончательное решение... нет, не так. Он всё равно сделает то, зачем пришёл (самого себя не обманешь). Просто сначала... сперва... убедится.

И сердце сбилось с ритма.

Вглядываясь в родные, тысячу раз вытираемые им от слёз, ждущие каждый вечер сказку, а годы спустя радостно распахивающиеся в ожидании очередного подарка сестрины глаза, он понял, что не всё потеряно.

– Никуда я не пойду, – сказал он, обводя взглядом враз насторожившихся, словно почувствовавших произошедшую с ним перемену, парней.

А Диман действительно изменился, внутреннее реле сработало, превращая в другого человека, опасного, как волк-одиночка.

Выдвинув свободный стул, Костёр сел между двумя бандитами, напротив застывшего у окна.

– Выпить, что ли? – Рука потянулась к рюмке сестры, но уцепила тарелку с закусками.

– Не понял? – Боксёр привстал. – Всё... – Отвлёкся на напарника слева, давно посылающего знаки. – Ну чего, Кастет?

Диман уселся удобнее, пальцы правой руки сильнее сжали тарелку.

– Это он, – услышал Костров громкий шёпот. – Он.

– Кто? – поморщился, раздражаясь ещё больше, Боксёр: ему хотелось встать и прогнать наглого козлина, а вместо этого приходилось слушать тупого приятеля, который почему-то не хотел говорить как все нормальные люди. Забыл, наверное, что в зале оглушающе гремела музыка. – Чего мямлишь?

– Костёр. – повторил бандюк громче. – Димка Костров.

– Костёр?

– Костёр. – сказал Диман, и прежде, чем ошарашенный вышибала пришёл в себя, бросил в него тарелку.

От неожиданности мордатый отшатнулся, вскрикнул, все его мысли оказались сосредоточены на имени незнакомца. Он даже к Ленке начал поворачиваться, собираясь, наверное, фамилией поинтересоваться. Не успел: салат из капусты помешал.

В следующий миг свободная рука Кострова метнулась влево, а правая нога вытянулась строго прямо. Послышался похожий на сирену взрв сальноволосого: схватившись руками за изуродованные глаза, парень вместе со стулом опрокинулся на пол. Туда же последовал здоровяк у окна, удивлённо хрюкнув, он выронил нож, неизвестно когда появившийся в руке, и, хныча, как девчонка, студнем стёк со стула.

Секундная пауза, а затем громкий визг – и девчонки вспугнутыми голубями взметнулись со стульев.

Справа возникло движение.

Уклоняясь от удара, из грудной клетки с шумом вырвался воздух, Дмитрий наклонился вперёд. Рука противника, с зажатой свинчаткой, больно царапая шею, рассекла на затылке кожу. Сжав ладони вместе, Костёр винтом развернулся всем телом и, как кувалдой, ударом в грудь отбросил нападавшего под ноги ди-джею.

Послышался визг шатенки: запутавшись в приспущенных трусиках, девушка тоже свалилась на пол. Вскочивший ди-джей испуганно заморгал глазами, даже волосы на голове выражали растерянность. Не зная, что делать, посмотрел в сторону барной стойки, машинально (воспитание, чёрт возьми) помогая подруге встать, перевёл взгляд на Боксёра, и снова посмотрел на маячившего возле стойки служителя Бахуса. Напрасно... напарник тоже пребывал в замешательстве: крышевали заведение татары, и Боксёр работал на них. Так что по всему выходило, что крышу он уже вызвал. Здорово... можно, конечно, позвонить в милицию, только вряд ли это помогло бы. И потом, какое ему нахрен дело? – сами пусть разбираются. Он устал от пьянок, постоянных драк и «серьёзных разговоров». Если надо, прямо завтра подаст заявление об уходе.

К чёрту заявление, у него даже трудовой книжки нет.

Уйдёт прямо так...

Наступила короткая пауза. Не успевшие смыться посетители рванули к выходу. Кастет начал медленно подниматься, а Боксёр, привлекая внимание ди-джея, крутанул в воздухе пальцем, приказывая включить музыку. Другой рукой толкнул Ленку себе за спину.

Не давая прийти в себя, Диман схватил стул и с размаху (каменотёс, блин) опустил на голову Кастету. Хрясть! Во все стороны брызнули щепки и сломанные части, а одна из ножек отлетела под стол и врезалась в Шатенку.

Кастет откатился. Сумел в последний момент увернуться, а затем, изловчившись, оттянул Кострова носком ботинка по щиколотке.

Дмитрий сморщился от боли и отступил.

Кастет не спеша поднялся, рот открыт, в глазах что-то дикое, крепче сжал тускло блестящий в правой руке слиток металла и вдруг с какой-то обречённостью, танком пошёл на Кострова. Митяй рванулся навстречу.

Удар – блок. Вдох – выдох. Зал кружился, мелькал превратившейся в декорации мебелью, сердце гулко билось в рёбра: дыхание... надо... беречь.

Пытаясь провести захват, Кастет вцепился в Димкину руку. Костёр освободился, поймал дубовым лбом нос противника. Хлесть... Кастет громко взвыл, теряя равновесие. Дык... Врезавшись в горло, ребро ладони с лёгкостью скосило здорового амбала.

Из динамиков зазвучала музыка. Белой нитью опалила молния бархатный прямоугольник открытого окна.

Боксёр ногой оттолкнул стул (четырёхногий отлетел на несколько метров) и уверенно вышел из-за стола. Презрительно взглянув на мычавшего под столом подельника, демонстративно повёл громадными плечами, приземистая тень за спиной заняла полстены, и сунул руку в карман.

Щёлк – плотоядно блеснуло лезвие.

Боксёр шагнул вперёд, на виске заметно пульсировала жилка; не отрывая взгляда от Дмитрия, ловко крутанул клинок между пальцами. Сзади послышался сдавленный вздох – Ленка... маленькие кулачки прижаты к груди, растрепавшиеся волосы прячут мел лица, а глаза полны страха.

Медленно отступая, стараясь не выпускать из поля зрения блестящее в застывших лучах светомузыки лезвие, Костёр вытянул перед собой руки и чуть согнул колени. Почувствовав холод животного страха, заставил взять себя в руки. Нож – не пистолет, страх перед ним впитывался человечеством веками. И осечек не даёт, особенно в руках профессионала.

Главное – не споткнуться...

Вскидывая руку, Боксёр плавно ускорился. Перед глазами сверкнул смертельный луч. Назад! Дмитрий очумело шарахнулся в сторону. Боксёр угадал, резко развернувшись, снова ударил по дуге.

Раздирая одежду (Костёр почувствовал, как рвётся ткань) в левое плечо что-то ткнулось и сразу бросило в жар. Но больно не стало... Разворот – и нож описал дугу слева направо, почти горизонтально полу. Взмахнув руками словно крыльями, Костёр метнулся в другую сторону, равнодушно, будто всё происходило не с ним, замечая, как до прозрачности заточенное лезвие с шумом рассекло воздух в сантиметре от груди.

Успел...

Оставляя на рубашке и коже длинный порез, клинок задел и сбил третью от воротника пуговицу.

Триста рублей, вспомнил Димка цену сорочки и улыбочивую физиономию нерусского продавца. «Сам не порвёшь – снос у не будет», – расхваливал азербайджанец товар.

А если порежешь?

Не останавливаясь, Боксёр развил наступление, ударяя теперь, справа налево.

Сейчас или никогда.

Рванувшись вперёд, Дмитрий встретил руку с ножом двойным блоком: левая рука обхватила кисть, а правая запястье. Разворачиваясь, ударил правым локтем в челюсть, одновременно пытаясь вытянуть парня на себя и сделать подсечку, но не учёл вес бывшего (надеялся: теперь сестра не будет с ним встречаться) Ленкиного ухаля и силу. Боксёр, несмотря на чувствительный удар, сумел удержать нож и сохранить равновесие. Теперь осталось крутануть кистью и стряхнуть захват Кострова... вместе с пальцами.

Дмитрий утёк, отделавшись ещё одним порезом.

Бандит ничего не сказал, улыбнулся лишь мерзко. Молчал и Дмитрий. Только надрылся в колонках хриплый голос рокера.

Костёр потрогал порезанное плечо, мышцы отозвались звонкой болью, с трудом заставил себя не смотреть на ручейки крови, сбегаящие по руке к пальцам, и постарался успокоиться. Легко сказать, на лбу пузырился пот, а на полу появились маленькие чёрные лужицы.

– Зря ты так. – Боксёр разлепил фиолетовые губы, на нижней остались следы от зубов, запутывая, качнулся влево, затем вправо и резко, для своей комплекции, прыгнул вперёд.

Тебе ипагу надо, а не нож, мелькнула последняя связная мысль.

Уход в сторону, левая рука отталкивает кисть с ножом от себя. Пальцы намертво сжимают запястье, и, используя инерцию атаки, тянут дальше, навстречу правой руке, уже спешащей на помощь. Есть... руки соединились и крепко обхватывают кисть. Резкое вращательное движение и запястье Боксёра гнётся, хрустит, но звук заглушается криком и музыкой... выкидуха летит на пол.

Есть...

Но Боксёру снова удаётся вырваться: у Кострова порезаны плечо и рука – больно и скользят пальцы. Снова противник стряхивает с себя парня и заносит здоровую руку для удара.

Быт-дзынь!

С глухим пластмассовым звоном бутылка из-под водки бьётся об голову бандита, а из-за спины выглядывает вытянутое и белое сестрино лицо. *Освещение*, думает Костёр, глядя в огромные, никак не меньше компакт-дисков на столе ди-джея, Ленкины глаза.

Бу-бах! Словно размокший кусок глины, Боксёр медленно валится, по дороге к обмякшему туловищу цепляет стол и вместе они с грохотом падают. Из колонок звучит новая песня, на этот раз медленная, чуть ли не Hooters, на плечо и руку Кострова набрасывается огонь, проникает в раны, зажигая кровь. Боль разносится по телу, вызывая дрожь и заставляя качнуться.

Дмитрий споткнулся, ноги вдруг заплелись, но крепкие руки успели ухватиться за стол. Пытаясь справиться с головокружением, Костёр на несколько секунд закрыл глаза. Пол продолжал ходить ходуном. Выждал. А когда приступ миновал, открыл глаза и облизал сухие горячие губы (пить хотелось больше жизни), мутным взглядом выискивая бутылку минералки.

Разбито... всё стоявшее на столе, и даже салфетки, валялось на полу. Наткнувшись взглядом на пришедшего в себя бандита, того, кому раздавил мошонку, по глазам понял: драться не станет, покосился влево, выискивая третьего. Не нашёл – похоже, вообще из бара смылся. Кастет также предпочитал лежать на полу, имитируя потерю сознания.

Почувствовав тошноту, Костёр закашлялся. Нужно сматываться, а ноги не шли. В отчаянье посмотрел на сестру, но Лена пришла в себя, и, осторожно переступая через разбросанную еду и тарелки, двигалась навстречу.

– Больно? – Она остановилась перед ним – прежняя, какой знал с детства; ничего не осталось от циничной, равнодушной ко всему прожигательницы жизни. Кулачки крепко сжаты, губы дрожат, а в глазах слёзы, страх, тревога и... любовь.

– Теперь нет, – ответил Дмитрий, не сомневаясь, что девушка больше сюда не вернётся. – Прости... – Захотелось вдруг всё объяснить.

– Тихо, – сказала она и резко подняла вверх руку. Успокаиваясь прямо на глазах, стала быстро осматривать раны. Осторожно коснулась пальцами порезов, не смогла сдержаться и несколько раз громко всхлипнула. Продолжая шмыгать носом, на секунду задумалась, а затем решительно стянула с себя блузку. Прикладывая к кровоточащему плечу, заметила у него шкодливую улыбку.

– Что? – Посмотрела себе на грудь, на чёрный бюстгальтер. – Ну, ты и дурак. – Улыбнулась сама, догадавшись, что он не собирается возражать. Только не после того, как видел её выбор, и знает: он искренний и взрослый.

Сзади послышались лёгкие шаги.

– Помочь? – услышал Костёр знакомый голос, и по коже побежали мурашки, морщась от боли, обернулся, погружаясь в два зелёных омута.

– Помоги. – Перевёл глаза на выпирающие из-под блузки аппетитные полусферы.

– Размечтался. – Машка не смогла сдержать улыбки (*какие красивые у неё губы*), легко догадавшись о его мыслях. – Хватит и кофточки твоей сестры.

– Жалко... – Диман потерял равновесие, и девушка подставила плечо.

– Вот зараза! – машинально возмутилась она, почувствовав руку парня совсем не там, где ей полагалось быть. Но осталась рядом, не оттолкнула.

Лена быстро обматывала раненое плечо:

– Надо уходить.

– И поскорее, – поддакнул Дмитрий. – Чёрт! Больно!

– Терпи. – Девушка крепче затянула импровизированный бинт. – Всё, идём. – Подхватила с другой стороны.

Возмутителей спокойствия остановить не пытались. Ни в самом клубе, ни на пяточке перед входом. Да и некому было. Некому и незачем, по крайней мере, до тех пор, пока не очнётся Боксёр.

Спирин так и не появился, только в самый последний момент, когда Костров нырнул в спасительную темноту улицы, вдруг показалось, что из припаркованного напротив клуба джипа выглянуло знакомое лицо. Показалось? Дмитрий решил присмотреться, но новый приступ боли заглушил мысли. Ругаясь сквозь зубы, он двинулся дальше, не замечая, что сестра тоже заметила знакомое лицо и пристально смотрит в сторону автомобиля.

После короткого совещания решили домой пока не возвращаться. И не только из-за родителей: наверняка бандиты искать будут. А куда? К Спирину? Его не было. Тогда, может, к Маше?

Девушка предложила сама, Лена идею одобрила, а Диман, разумеется, не стал возражать. Даже заулыбался, надеясь на спасительную темноту.

Напрасно.

– Ты чего? – услышал он голос девушки, подумал: какой мелодичный – и отвлёкся от вопроса. – Чего лыбишься? – поинтересовалась Мария снова.

– Да так... – стушевался Дмитрий. Намокшая чёлка прилипла ко лбу. – Всё хотел... пригласить куда-нибудь... – Замолчал, стиснув зубы и выпячивая подбородок, когда споткнулся и от боли в глазах вспыхнули искры.

– И чего ждал? – Девушка ничего не заметила, списала на стеснительность.

– Не знаю, – выдохнул Костёр, а в голову неожиданно посетила мысль о редкой возможности говорить правду. В его-то теперешнем состоянии. Он просто обязан выложить всё: раненый же, в крайнем случае, отмажется, скажет, бредил. – Я... – Заметил вдруг, как внимательно девушка прислушивается, как рассеянно смотрит себе под ноги, и... растерялся. Нет, рановато он возомнил себя суперменом: одно дело от ножичка отбиваться и головы торпедам бить, и совсем другое – в любви признаваться. Хотя насчёт любви он, наверное, погорячился.

Неужели?

Тогда почему при каждой встрече язык в задницу уходит, и идиотом себя чувствует? И почему столько времени ни с кем не встречается?

– Знаешь, я не против... – неожиданно тихо проговорила Маша и замолчала. Димка представил, как она прикусила губу, решая, сказать или нет. Подбирает в уме слова, отбрасывает, ищет те самые. – ... Особенно после в клубе устроенного.

Костёр нервно рассмеялся: не такие уж сложные слова, чтобы молчать так долго.

– Тебе нравится мордобой? – Остановившись передохнуть, Дмитрий заглянул Марии прямо в глаза. И затаил дыхание: девушка имела в виду другое. Он дрался не просто так, а за свой выбор. За себя и свою семью. Доказывая неспособность вернуться в тот пёсий мир, из которого с таким трудом вырвался.

Глаза девушки заслонили всю улицу. В загадочной темноте зрачков отразилась луна.

Маша...

Замирая от счастья, Костёр забыл о порезах.

– Глупый... – Парень почувствовал, как сжались на бицепсе пальцы девушки и больно впились в кожу ноготки. – Я могу передумать.

– Не можешь.

– Ну и скотина.

– Закончили? – вмешалась сестра. – Может, пойдём, будет время в любви признаваться.

– Я и не знала, какой он у тебя болван.

– Ещё какой, – согласилась Лена. – Большой и глупый.

– Да ладно. – Боль вернулась, но Димке стало всё равно. – С каждым может случиться.

– А с некоторыми чаще.

– Далеко ещё? – спросила сестра.

– Уже пришли, – кивнула Маша в сторону единственного фонарного столба возле дома, точнее – единственного с горевшей лампочкой. – Средний подъезд.

Молодые люди двинулись дальше.

– Ты одна живёшь? – нарушила сосредоточенное сопение и шлёпанье по грязи Лена. – Или с родителями?

– С бабушкой... Осторожнее! Лужа...

– Знаю, – пропыхтел Костёр. – На работу здесь хожу. – Вспомнил, как паялился сегодня утром на её коленки, и замолчал. Мысли свернули на прежнюю колею. Подумал, как много всего может случиться за один день. Осторожно поднял руку и посмотрел на часы, отмечая про

себя, что день ещё не кончился. Ещё два часа, пришло в голову, глаза при этом посмотрели в сторону ночи Машкиных волос, волнующих запахом мёда и табачного дыма.

Что-то изменилось. Он снова перестал чувствовать боль. И не мудрено: вся кровь находилась в совсем другом месте. И хотя одновременно Костёр испытал ещё и стыд (девушка по-настоящему нравилась), не смог до конца справиться с накатившим желанием. И капелькой (ну, может, чуть больше) азарта. И снова обрадовался темноте и узким джинсам, хотя, наверное, так торчало, что всё равно заметно. Димкин рот опять растянулся до ушей, но комментариев не последовало.

Не тот случай...

Он попытался обнять помощниц, вернее, прижать к себе сильнее, ведь фактически обнимал. Получилось, но снова пришлось расплачиваться болью.

Ну и чёрт с ней, подумал парень. Ради того, чтобы вот так идти, готов терпеть не такое...

Не такое...

Обрывок мысли всколыхнул упрятанные в подсознании страхи. Кожа покрылась мурашками, словно резко подул ледяной ветер. И стало страшно, будто кто-то шепнул, что желание исполнится.

Глава 7

Дождь колошматил землю. Лупил, пытаюсь смыть город. Вода... кругом. Здания покрылись разводами, и небо давило на крыши. Запах сырости и ржавого железа до отказа заполнил улицы.

Михаил поёжился и перестал смотреть на лужи. Смотри не смотри, а домой идти придётся. Спасая последние крупницы тепла, молодой человек туже запахнул куртку, правая рука накинула на голову скрипучий капюшон. Недовольно нахмурившись (в лицо попали стывшие брызги), решительно вышел из-под навеса.

Шлёп, шлёп...

На душе скребли кошки. Уже неделю он работал без напарника, а сегодня и Круглый вконец разбушевался, всю смену докапывался, будто чувствовал, как ему плохо. Где Костёр? Почему на работе не появляется? Без справки пускай не приходит.

Вешалка плеч опустилась ниже.

Не появится, не переживай, справка для него – не проблема.

Навстречу попался вчерашний водила. Кутаясь в мокрую спецовку, быстро кивнул и прошмыгал мимо.

Восемь часов превратились в шестнадцать. Бестолковой суеты. Поиски чертежей. Беготня от ножниц к «обезьянке» и в кладовую. Замена резака.

Михаил снова вздохнул, брови сошлись на переносице, на ходу поправляя капюшон, торопливо засунул руки в карманы.

Сме-ена...

Куцые деревья насмешливо хлопали на ветру мокрыми листьями, злоратно хлюпала под ногами мутная вода.

Теперь и с Костром объясняться придётся.

Спирин вспомнил взбудораженного Головина, как, не запрыгнув в джип, парень начал восторженно рассказывать о драке: «... они такие, он такой... левой, правой... ножик фють... хлоп... бац... красава...»

Герой, короче...

Мимо, волоча шлейф мороси, прогромыхал грузовик. Аспирин вовремя отпрыгнул и сумел избежать встречи с брызгами. Так же, как встречи с отморозками, напавшими на друга.

Это было слишком. Молодой человек нахмурился, а из груди вырвался вздох. Перепрыгивая через лужи, прибавил шаг.

Пускай... Он же не знал, что Костёр в драку сразу полезет. Всего пять минут! Именно столько понадобилось Спирину для получения денег.

Парень вспомнил широкие лица владельцев внедорожника. Внимательные глаза и короткие стрижки. Новые знакомые очень сильно походили на Головина и ухажёра Димкиной сестры. Разве что одеты круче и солиднее, а циничная уверенность сменилась неуёмной деловитостью. Бандиты, ставшие бизнесменами, уважаемые, мать их, люди...

– Корешок-то в беде, – насмешливо подколот один. – Не стыдно?

Правый угол рта полз куда-то в сторону. Несколько секунд Аспирин не мог вымолвить ни слова.

– ... получилось... – промямлил он наконец, проглатывая слово «так».

– Нью, ню...

Михаил пошёл пятнами:

– Деньги? – нервно сглотнул он и в упор посмотрел на мучителя.

– Как и договаривались... – глухо послышалось из темноты, и мужчина отвернулся.

Мишке захотелось сказать «Ню-ню», но здравый смысл взял верх: не стоило перегибать палку.

– Я Костру не нянька, – произнёс он. – Не... – Замолчал, когда из распахнувшихся дверей клуба появились младшие Костровы и Маша. – Так получилось...

Ему никто не ответил.

Михаил придвинулся к стеклу, его глаза прилипли к шатающимся фигуркам. И резко отпрянул, когда Дмитрий вдруг повернул голову и внимательно посмотрел в сторону машины.

Неужели заметил?

Чувствуя на себе внимательные взгляды покупателей, густо покраснел. И всё из-за Димки.

– Здесь план здания. – протянул сложенный пополам тетрадный листок. – Место, как пройти, окно... – Подумал, говорить или нет, – ... и не шумите, ради бога... если жить хотите.

– Обрубки? – В голосе больше любопытства, чем страха. Похоже, сами они, как и Спирин, на заброшенный пустырь идти не собирались.

– Угу.

– Вот деньги. – Один из парней протянул объёмный рюкзак. – Как договаривались.

Михаил проверил пачки, руки при этом предательски тряслись.

– Вроде бы... – Подумал, что здорово придумал пригрозить звонком в милицию, если вздумают кинуть.

Водитель недобро хмыкнул:

– Тратить не спеши... пару дней.

– Не буду... – Губы не слушались. – Только я не соврал, там, правда, выход.

– И «АГ»?

– «АГ»... и многое другое.

– Ладно... – Короткая пауза. – Можешь идти.

Спирин взялся за ручку.

– Куда столько деньжищ то? – не сдержался Головин. – А?

– Надо... – отмахнулся Спирин, неожиданно чувствуя глупое желание закупить дефицитных продуктов и похвалиться перед Костровым.

– Ню-ню... – снова послышалось с переднего сиденья, и Михаил торопливо, дышать вдруг стало труднее, открыл дверь.

– Пока.

– Костру привет...

Спирин с силой захлопнул дверь.

Шлёп, шлёп... Вырывая из воспоминаний, навстречу попались двое прохожих. В одинаково серых плащах, галошах и с кожаными сумками. Идут друг за другом, чуть ли не в след. Смешно. Михаил отступил в сторону, пропуская. Первый мужчина проскочил мимо, не поднимая головы, второй скользнул рассеянным взглядом. Шлёп, шлёп... мокро захлюпало за спиной.

Спирин двинулся дальше. Разглядывая свинцовую хмарь неба, тяжело вздохнул: некрасиво с другом получилось... и Ленкой... в памяти всплыло лицо девушки, и Мишка окончательно расстроился: вырос Рыжик.

И внимание не обращает...

Снова остановился, втапывая в грязь, брошенную кем-то пачку сигарет. Всё правильно, для неё он ботаник, в лучшем случае – друг брата.

Не замечая падающих сверху капель, Михаил тоскливо поглядел на небо. Подставил лицо студёным брызгам, серые глаза распахнулись навстречу тучам, пришёл в себя и побрёл медленно дальше.

Раньше было по-другому. Особенно в детстве. До того, как Димкин отец связался с криминалом, да и после, когда помирились. Спирин вспомнил неудачные попытки приобщить Костровых к здоровому образу жизни. Вытащить в парк, или на велосипедах уговорить покататься.

Иногда удавалось...

Ленка уже тогда была егзой, и, как брат, искала на свою голову приключений. Вместо ровной дороги норовила через бордюр перескочить, по траве или ступенькам. Разумеется, часто падала. Один раз приземлилась на пятую точку, сдирая коленки до крови. Сидит на земле, хлопает от шока растерянно синими глазищами, не знает – плакать или смеяться. Ну а Мишка, дурак ненормальный, не раздумывая (когда с велосипеда успел спрыгнуть?), подскочил, чувствуя внизу живота непонятную дрожь, начал на ссадины дуть, а пальцы случайно коснулись загорелого бедра... Опомнился, конечно, уступил место брату, но успел заметить изменившийся взгляд четырнадцатилетней девчонки.

Прошло с тех пор три года...

Задумавшись, молодой человек, не глядя, протопал по луже. Кроссовки промокли окончательно (водонепроницаемые, называется) и внутри противно захлюпало, пальцы стали неметь от холода.

Ругая себя за глупые мечты, Спирин выбрался на сухой участок дороги и несколько раз топнул ногами, стряхивая грязь. Простудиться не хватало. Рассеянно подумал, что не мешает снять обувь и отжать носки, но поморщился, представив, как это будет выглядеть. Неуклюже заковылял дальше, неожиданно со страхом вспоминая, на что похожа его корявая походка. На нечеловеческую поступь странного существа, являвшегося во сне почти каждую ночь.

Молодой человек помнил сон наизусть...

* * *

Хриплый вибрирующий вой сирены, казалось, проникал в самую душу. Давил на мысли, вгоняя в ступор и вызывая дрожь. Пришлось приглушить звук, включить параметрические сканеры, настроить радиосвязь и надеяться на безотказную работу передатчика.

Вовремя.

На другой стороне острова взметнулись яркие всполохи, и послышался приглушённый расстоянием рокошующий грохот: береговая противовоздушная оборона не выдержала и пропустила звено японских самолётов.

Аут...

Если ударят по ним и буровым установкам, всё кончено. Одна надежда: дорогостоящее оборудование и рабочие нужны всем.

Наивный...

На дисплее, прямо перед глазами, замелькали красные точки: противник, вторгшийся на территорию Содружества. Радар не справился с количеством целей, уменьшая разрешение, обиженно заскулил встроенной релюшкой, и изображение потеряло чёткость. Теперь можно бояться по-настоящему: теперь они рисковали попасть в плен.

А где плен, там и рабство.

– «Сахалин 19», «Сахалин 19», – послышался в наушниках позывной. – Говорит «Офис «А»». Как слышите? Приём.

– Слышу «Офис «А»». Что происходит?

– Срочная эвакуация. Повторяю, срочная эвакуация... Поняли? Подтвердите.

– Понял «Офис «А»». Приступаю.

– Пирс номер четыре. Вас ждут. Паром отправлен.

– Понял «Офис «А»». Приступаю...

По-прежнему далеко, и всё-таки заметно ближе, утробно ухнуло. Чёрный бархат ночного неба прорезали бежевые стёжки трассирующих вспышек и алые сферы ракет «земля-воздух», оставляющие за собой едва заметные в темноте борозды дымного следа.

«Сахалин 19» не удержался и включил максимальное приближение, на несколько секунд растворяясь в далёком бое.

Упрятанные в ночь современной светомаскировкой бесформенные пятна наземных построек, и такое же чёрное, с дымными просветами клубящихся облаков небо, подсвеченное сверху полной луной, стали багровыми, будто тлеющие на ветру угли. Тонкие стёжки превратились в смазанные линии, упрямо выискивающие над собой ревущие турбинами самолёты. А ракеты, резко меняя в воздухе направление, вовсе слепили глаза. Но он продолжал смотреть, всецело захваченный невероятным зрелищем. Смотреть, как сотни килограммов смертоносной стали, затмевая луну, впиваются в облака и сжигают озон. Мгновение казалось: на этом всё кончится, небесное покрывало прошито насквозь, но неожиданно, то здесь, то там, на землю стали пикировать самолёты, оставляя после себя изрытые взрывом, спёкшиеся от огромной температуры дымящиеся оспины воронок.

Несколько самолётов прорвали первый эшелон обороны, резко взяли влево, и, прикрывая друг друга, стали приближаться к промышленным постройкам. Сознание разделилось: одна часть отслеживала движение неприятеля на дисплее радара, другая – через оптику наружного наблюдения.

Самолёты перестроились для захода на цель.

Неприметный с виду холм, в нескольких километрах к северу, пришёл в движение, закручиваясь по спирали и проваливаясь внутрь. Невероятно... Подозрительные изменения в ландшафте не укрылись и от лётчиков: звено штурмовиков разошлось веером, набирая высоту, меняя курс и разворачиваясь в сторону новообразования. Прошло тридцать секунд, и над землёй появилась бесформенная махина запрятанного в недра земли фантастического сооружения. Ещё несколько секунд, и... из тупого жерла, больше похожего на многометровый ряд параболических антенн, чем ствол какого-либо известного на земле оружия, вырвался прозрачный луч – узкий пучок энергии. На экране ночного визора пучок походил на струю раскалённого газа: воздух вокруг него дрожал и колебался, словно жаркое марево раскалённого асфальта.

Луч, меняя цвет, облизал облака и нащупал один из истребителей. Мгновение – и от машины остался ослепительный огненный шар расплывённого над костром порошка магния.

Объёмный взрыв.

Истребители повернули. Пилоты решили вывести машины из-под удара, но Луч хищно метнулся следом, и ещё два самолёта, освещая ночь горящими дымными останками, рукотворными метеорами рухнули на землю. Последним повезло чуть больше. Пучок всепожирающей энергии скользнул от них в нескольких метрах. Самолёты рвануло и закрутило, затягивая в огромный невидимый торнадо. Ещё секунду штурмовики двигались прямо, продолжая отчаянно сопротивляться, затем окончательно потеряли управление, и, разваливаясь на куски, вращаясь, начали падать вниз. Парашюты так и не появились: либо пилоты погибли, либо отказала электроника. Но, все, кто следил за разыгравшейся в небе трагедией, единодушно склонялись к первому варианту.

Звено новейших, казавшихся неуязвимыми, штурмовиков было уничтожено меньше чем за минуту.

– Бригадир! – раздался в наушниках чей-то голос. – Бригадир, танки!

Танки? Слово упорно не хотело обретать смысл, болтаясь где-то на задворках разума. Какие танки, когда самолёты.

Самолёты... только что сбиты... танки...

– Не меньше двух десятков! – Металлический голос вернул на землю. – Двигаются к на...

Конец фразы потонул в грохоте залпов. Ночь, освещённая вырвавшейся из стальной оболочки энергией, превратилась в день. Десятками маленьких «солнц», пущенных в темноте в сторону бывшего холма.

Остров затрясся, подбрасывая технику и ломая постройки. Лязгнули зубы, норовя оттяпать язык, ноги с трудом удержали массивное тело.

Первые снаряды угодили в защитное поле. «Антенны» пошли радужными пятнами, превратились в огромный и переливающийся мыльный пузырь, в котором угадывались горящие линии силовой решётки. Медленно потухли... Башня отгрызнулась, облизывая лучом прижавшиеся к земле приплюснутые тени и превращая их в факелы. Один, другой...

Танки сделали второй залп, на этот раз слаженно, одновременно.

Конец...

Ярость тротила оказалась сильнее упрямой под землю силовой установки. Десятки снарядов прочертили багровое небо, и генераторы поля не выдержали, сгорая от перегрузки. Мгновение ничего не происходило, а затем... из жерла рукотворной сопки вырвался ослепительно-жемчужный луч, вспарывая темноту небесного купола подобно вспышке электродуговой сварки полумрак цеха, только в тысячу раз мощнее. Земля окончательно ушла из-под ног, меняясь положением с небом. Стало темно и тихо: защита вырубил датчики, спасая глаза от излучения, а лёгкие – от удушливо-обжигающей смеси озона и расплавленного металла. Тишина сменилась бесконечным писком повреждённых датчиков: температура, ходовая часть, сервоприводы и подача топлива. Где-то на периферии звучали вопли рабочих...

Когда человеческий мозг отключился, компьютер запустил аварийную программу. Включились дополнительные источники питания, заработали вспомогательные двигатели, и... покорёженные останки того, что когда-то звалось «Сахалин 19», а ещё раньше... когда было человеком – Виктором Андреевичем Спириным, поднимая пыль и сажу, поминутно останавливаясь, полупоехало, полупоползло в сторону пирса. Уже не думая о бригаде, а стараясь выжить, согласно запрограммированной в глубине электронной начинки программы. Но бригада находилась рядом, и неотступно двигалась следом.

Все – кому удалось выжить.

Такие же уродцы из стали и плоти. Расплавленные механические чудовища, напоминающие фантастических роботов из старых голливудских фильмов. А затем, оставаясь в спасительной темноте беспомощности, подстёгнутый мощным выбросом таинственной энергии Башни, человеческий разум начал меняться. Разрушая привычные нейронные связи, нащупывая в кибернетических системах лазейки и заменяя ими уничтоженные участки мозга.

Именно в этот миг существо, бывшее когда-то машиной, откликавшейся на позывной «Сахалин 19», по-новому взглянуло на окружающий мир, ужасаясь тому, во что превратилось, и обещая себе, когда наберётся сил – обязательно всё исправить...

* * *

Сон...

Сон ли это? Верилось с трудом. Во всяком случае, раньше Михаил о таком не слышал. Впереди замаячил подъезд.

Входная дверь перекошена, кодовый замок не работает. Странно? Нисколько, в городе многое вышло из строя. И продолжало сыпаться с пугающим постоянством. Говорят, раньше домофоны стояли, штуки такие, типа телефонов, и говорят, даже изображение показывали, как в телевизоре. Не врут, наверное – телевизоры же есть. И телефоны...

Спирин распахнул дверь, в нос ударил удушливый «коктейль» перегара и мочи, и поморщился. Осторожно переступил через лежащее на полу человеческое тело. Сосед из «двенадцатой» опять пьяный валяется. Что-то в позе мужчины заставило замереть. Подобрал к животу

ноги и спрятав на груди руки, мужчина являл собой отвратительную пародию на ребёнка, укутанного в грязную чёрную простынь, выброшенного и никому ненужного. В принципе так и было, но не это заставило Спирина остановиться. Поза человека напомнила ещё один сон: огромная комната с теряющимися в темноте стенами, накатывающий волнами шёпот и он – повисший в центре в позе эмбриона, словно зал заполнен не воздухом, а прозрачным желе. Шёпот усиливается, уже можно разобрать отдельные слова...

Мишка пришёл в себя, мокрые ноги противно хлюпнули. Потрепав соседа за плечо, молодой человек звонко хлопнул ладонью по заросшей щетиной физиономии. Услышал не то ругань, не то стон, чертыхаясь, с натугой посадил страдальца ровнее. Постоял, пытаясь найти решение: если жена дома, в квартиру не пустит; значит, тащить соседа на третий этаж смысла нет, но и оставить его на площадке парень не мог – совесть не позволяла.

Вывод?

Пьяный зашевелился, разлепляя грязные глаза, мутные и без единой мысли.

– Пом-моги, – услышал Аспирин. – П-подняться.

Вцепившись в грязную куртку – под ногтями заломило – Мишка напрягся, и медленно, резко выдыхая от натуги, поставил соседа на ноги.

– Домой? – неуверенно спросил он, глядя на раскачивающегося взад-вперёд человека.

– Не-а... Ту-у-да.

Сосед сделал шаг к двери.

– Куда туда?

– Ту-у-да. – повторил сосед.

– Дойдёшь?

– Ту-у-да... – услышал он снова.

– Осторожнее. – Мишка с болью следил, как пьяный, распахнув дверь, качаясь, переступает через порог. Двинулся следом, рука придержала дверь.

Сосед постоял, опустив голову, несколько раз плавно качнулся, но не упал. Встрепенувшись, резко дёрнул головой (Димкин отец называл такое поведение синдромом попугая) и медленно спустился по ступенькам, не останавливаясь, на автопилоте побрёл по дороге в неизвестном направлении.

Провожая страдальца взглядом, Мишка несколько секунд постоял в нерешительности, снова вспомнил про мокрые ноги – так и простудиться недолго, – и нырнул обратно. Бегом поднялся на третий этаж (лифт, как и кодовый замок, давно вышел из строя), запыхавшись подбежал к двери, и... остановился, почувствовав на себе чей-то взгляд. Замер, в ладонь больно впился приготовленный заранее ключ, и медленно повернул голову.

– Привет. – Возле лифта стояла Лена.

– Привет, – задыхаясь, выдохнул Михаил. С шумом втянул в лёгкие воздух. – Ты... – снова выдохнул, – напугала...

– С работы?

– Ну да... угу... а ты... от брата?

Девушка отрицательно мотнула головой, отчего длинные волосы взметнулись огненными брызгами, проследила за его взглядом и нахмурилась.

– Где ты был? Вчера в клубе?

Мишка занервничал, нехоти думая, как Ленка похожа на брата. Поведение, речь, даже одежда. Глаза... неожиданно понял, почему удивился облику девушки. Её глаза, вернее, макияж. Сейчас у Лены не было привычного боевого раскраса, превращавшего её в призрак с космическими провалами вместо глаз. Вообще никакой косметики. Перед ним стояла высокая симпатичная девчонка с большими задумчивыми голубыми глазами. И ресницами... длинными-длинными, как хвост у сороки. Наверное, если подойти поближе, можно ощутить от взмахов ветерок, услышать робкий стук сердца и почувствовать клубничный аромат кожи.

Михаил сглотнул.
– Молчишь? – Лена или не заметила его волнение, или не захотела заметить. – Я жду.
Подойдёшь, размечтался...
– Дела были. – Голос прозвучал глухо. – Извини. И брату скажи.
– Брату сам передашь. Какие дела?
– Мои.
– Твои? – возмутилась девушка. – Единственного друга чуть не убили! А ты... – Губы чуть задрожали. – Я думала, вы друзья.
– Друзья...
– Когда он тебе нужен. Говоришь одно, а делаешь другое?
– Неправда. – Пытаясь скрыть раздражение, Михаил повысил голос. – Так получилось...
В порыве девушка шагнула ближе:
– Неужели? Не в первый раз...
Спирин покраснел.
– Знаешь, что...
– Лучше скажи. Какие дела?
– Не могу. – Мишка пытался взять себя в руки. – Может, зайдём? Здесь не лучшее место для разговора.
– Размечтался! Говори здесь.
Чувство вины исчезло окончательно, Мишка начал злиться.
– Послушай, я всё расскажу Димке.
– Нет. Расскажи мне.
– Да почему тебе? С чего?
– С того... – Девушка на секунду замолчала. – Он же мой брат.
Ясно... переживает.
И сердито добавила:
– Не скажешь – хуже будет.
Спирин не смог скрыть удивление.
– Что?
– Заставлю рассказать.
Излучины губ нервно поползли в стороны, но сохранить достоинство не удалось, гримаса лишь отдалённо напоминала улыбку.
Ну и стерва, вся в брата, такая же ненормальная.
– Я жду. Что у тебя с Башкой?
– Ничего... – Мишка вспомнил про мокрые ноги. Раздражение куда-то подевалось. – Так получилось. Позвали меня... – Поймал себя на том, что, несмотря на ситуацию, откровенно Ленкой любит. – Ты, как брательник, считаешь, я всё подстроил?
Брови девушки взлетели вверх.
– Он так считает?
Спирин вконец запутался.
– Он тебе не сказал?
– О чём?
– О пустыре? – Михаил убрал ключи, рассеянно фиксируя оставшийся на ладони глубокий отпечаток. Потирая больное место, внимательно посмотрел на Лену. – Значит, ты пришла сама, не от него?
– Нет, конечно. В смысле... ой, ну ты понял.
Если бы...
– Вы ходили на пустырь? И что там?

– Ничего. – Оглядевшись, Михаил понизил голос. – И тише. – Подошёл ближе. – Нашли кое-что. Больше ничего не скажу.

Глядя на парня сверху вниз, девушка задумалась. Мишка ждал продолжения.

– Ладно, – наконец произнесла Лена, чувствуя, что пауза затянулась. – А джип?

– Какой?

А то не знаешь, читалось в её глазах.

– Возле клуба. Я видела...

– Костёр... брат тоже видел?

– Не знаю. Спросить не успела.

– Он не дома?

– Нет.

– А где?

– Не скажу. – Лена отвернулась, окинула взглядом коридор, шустро переставляя длинные мальчишечьи ноги, поднялась на площадку между этажами. Посмотрела сквозь треснутое, заклеенное скотчем стекло на улицу, рука дотронулась до ручки, испачкалась и брезгливо отёрнула пальцы.

– Ясно. – Поражаясь, какой худенькой девушка кажется сзади, Михаил поднялся следом. Вздыхнул. – У Машки остался, – спустя секунду добавил он. – Повезло...

Последняя фраза почему-то Лену разозлила. Девушка не удивилась его дедуктивным способностям.

– Повезло? Всё-то ты знаешь. – Снова отвернулась к окну. – Умник...

Некоторое время молодые люди стояли молча. Разглядывая за окном серые мокрые здания, Мишка пытался угадать цель Ленкиного визита. Вряд ли только узнать, где он находился во время драки. Неожиданно, даже для самого себя, признался:

– Я хочу сыграть в шоу.

Повисла тишина. Парень увидел, как двинулись под тоненькой ветровкой острые плечи, услышал, как с шумом вырвался из щуплой груди воздух.

– Ты... – Резко повернувшись, девушка посмотрела прямо в глаза. – Правда?

Мишка кивнул:

– Брату не говори.

– Ты не сможешь. Отец говорит, там «свои» выигрывают.

– Увидим.

– Нет...

– Да. – Мишка грустно улыбнулся, не зная, как объяснить словами. – Я не могу *здесь*. – Перевёл взгляд на окно, увидел грязный подоконник, прилипшие окурки. – Посмотри, посмотри, – вырвалось у него. – Как мы живём. Так нельзя. Нужно что-то делать.

– Но ты погибнешь.

– Пускай. – Спирин вздрогнул, когда представил, что проиграет. – Я выиграю.

Лена неожиданно улыбнулась и провела рукой по его волосам.

– Ты искал деньги?

– Да. – Мишка кивнул, продолжая смотреть в окно. – Мы с Костром нашли кое-что.

– Ты говорил.

– Я это продал.

– Дорого?

– На игру хватит.

– Ясно, а вчера встречался с покупателями.

– Да. Костёр не вовремя драку затеял. Кстати, передай Димке, я всё уладил. Проблем не будет.

– Понятно... – Девушка проследила Мишкин взгляд, вспоминая, что парень мечтал вырваться из Города с детства. – Отец говорит, за стеной то же самое.

Спирин словно ждал этого.

– Неважно! – воскликнул он с жаром. – Дело не в этом. Я хочу видеть. Да и не верю. Привозят же комплектующие. Сырьё там... бензин. Нет. – В голосе звучала пугающая уверенность. – По-любому есть. – Схватил девушку за плечи. – Представь, а вдруг там леса? Поля с цветами? Реки? И даже море, ты когда-нибудь видела море? – Спирин замолчал, ему не хватило воздуха.

Молчала и Лена, поражённая Мишкиным воображением. Уже забыла, что его дурацкая мечта дорого обошлась родному брату, а могла и вовсе стоить Дмитрию жизни. Друг, называется... С головой ещё хуже, чему у любимого братика. Ой, ли? Кого обмануть пытается? Аспирин казался не только ненормальным. Он был необычным, непохожим на других. Неисправимый циник и зануда, витал в облаках и всё время фантазировал. А его глаза и губы, и вообще... помнит же, как дул ей на коленки, не забыла за столько времени.

Сердце забилось сильнее, низ живота охватил жар, а блузка на груди стала тесной. Неожиданно захотелось парня поцеловать.

– Жаль, вдвоём нельзя, – произнёс молодой человек, только сейчас замечая в своих руках Ленкины плечи, заметил прямо перед собой бледные приоткрытые губы, горящий желанием взгляд. Смутился. – Во-от... Короче... Надо попробовать.

Лена погрустнела: наваждение развеялось. Она снова находилась в грязном подъезде, рядом с парнем, который (теперь она могла признаться) ей очень нравился, но решил распрощаться с руками и превратиться в киборга.

– Всё равно надо брату сказать, – выдавила она. – С друзьями так нельзя.

– Ты права. Просто я боялся, он не позволит. – Мишка замолчал, понимая, что лукавит. Собрался с духом и добавил: – Вернее, за мной увяжется. Отвечай потом за него.

– А может, денег мало? – Лене захотелось парня обидеть. – Решил не делиться?

– Думай, как хочешь, – неожиданно согласился Михаил. – Он играть-то толком не умеет.

– Прости.

– Ты хотела меня заставить, – произнёс вдруг Спирин.

– Что?

– В самом начале сказала, если не скажу, пожалею.

– Да? Так, ерунда, забудь.

– Ну, нет. – Мишка игриво развернул девушку к себе. – Говори, давай.

– Я знаю, – произнесла Лена, пряча глаза, и кожей почувствовала, как напрягся Михаил. – Светка сказала... – добавила едва слышно.

– Что ты знаешь? – Последнее слово далось Спирину с трудом. Лицо снова покраснело. – При чём здесь Светка?

– Ты ей платишь, чтобы не рассказывала.

– Неправда. – Теперь лицо стало бледным. – Со мной всё в порядке.

– Я знаю. – Лена вздохнула. – Никто и не говорит, что у тебя проблемы. Говорю, что слышала.

– Я её просил... – Язык не слушался, Мишке казалось, будто он стоит голый. Нет... если Лена засмеётся...

– Я тогда выпил много, – разлепил он трясущиеся губы. – Все... в одной комнате. Короче, не получилось... – Бросил на девушку быстрый взгляд. – Ну и потом ещё раз... в общем, не могу я так. И... может снова из-за вина. А со временем только хуже стало. Ну и...

– И чтобы разговоров не было, со Светкой договорился, – закончила Лена.

– Да. – Мишка понял: смеяться над ним не будут. А если угадает, почему – узнает и причину посещения. – Она всем растрепала? Знал: этим кончится.

– Ни всем, только мне.

– Тебе? – Глаза девушки притягивали, как магнит. – Почему тебе?

– Ещё не понял? – Лена притворно вздохнула, словно объясняла очевидную истину, а он из-за своей тупости не понимал, и посмотрела на дверь в его квартиру. – Потому что мне интересно... – Улыбнулась, замечая в глазах проблеск понимания. – Всё, что касается друга моего брата.

Мишкины щёки снова стали пунцовыми.

– Не знал. – Язык вдруг, то ли распух, то ли стал длиннее и перестал слушаться. – Ты же маленькая была.

– А ты на коленки дул, – сказала Лена и увидела, как расширились его глаза. – Что?

– Ты помнишь?

– Помню. – Посмотрела долгим взглядом. – Кажется, кто-то в гости приглашал?

Глаза девушки сияли:

– Веди...

На игре.

Свет, свет, ещё раз свет. Много света и много шума. Подсвечивая бегущие на цифровом табло метровые буквы, мигают разноцветные прожекторы, ослепляя привыкшие к полумраку глаза, шипят колючие фейерверки. Перекрывая рёв толпы, звучит электронная музыка, вызывая аплодисменты, орёт в микрофон ведущий. Спирт дешёвого одеколона смешивается с потом уставших людей, а запах свежей краски – с гарью пиротехники.

ИГРА. Начинается.

Воздух дрожит от шума, переполняющих эмоций, гудит от энергии зрителей и с трудом справляющихся кондиционеров... да и не могут они справиться: воздуха уже нет. В огромном зале переделанного крытого стадиона ворочается что-то вязкое, похожее на сироп, но живое, и преследующее единственную цель: передавать, словно компьютерный шлейф, мысли одного человека другому.

Сюрреалистический Колизей, с *игроками* вместо гладиаторов.

Вглядываясь в конец игровой площадки, где за последним столом съёжился под взглядом толпы Михаил, Дмитрий терпеливо ждал, когда друг почувствует его взгляд и обернётся. Помахал товарищу рукой. Аспирин ответил не сразу, несколько секунд пристально всматривался, наконец, словно древний индеец, поднял вверх руку и грустно улыбнулся, уголки губ чуть раздались, образуя на щеках трогательные ямочки. На несколько секунд товарищ снова стал прежним, превращаясь в родного заумно-вредного Мишку. Тут же нарисовался судья, наклонился к самому уху, сардельки губ зашевелились, наверное, мужчина что-то нашёптывал. Ведите себя прилично, как договаривались и как обещали. С такого расстояния не слышно, даже если орать во всё горло. Поэтому участники пользовались микрофонами, лапкой насекомого прилипшими к правой щеке и заканчивающимися возле губ.

Играя желваками, Костров отвернулся. Пытаясь успокоиться, начал рассматривать игровой стол: круглый и дубовый. Не удержался, с удовольствием провёл ладонями по изумрудно-зелёной, как первая листва, бархатистой на ощупь тканевой обивке. Закрыв глаза, пытаясь представить себя на берегу реки, несколько раз глубоко вздохнул, чувствуя, как успокаиваются нервы и выравнивается дыхание. Хорошо... Снова вернулся мыслями в студию.

Желая размять затёкшую шею, начал потягиваться. Поднял над головой руки, но вспомнил о камерах и лишь пригладил волосы. Не стоит привлекать к себе внимание.

Вместе с ним за столом сидели три молодых человека, три таких же охламона, решивших уцепить судьбу за яйца. Чувствуя, что начинает заводиться, Костёр не смог сдержать улыбки. Нет лучшего способа скрыть страх и волнение, чем заставить себя веселиться. Вот только знают

ли противники, почему ему весело? Известно ли им, что он попал на шоу из-за неподчинения властям, и организации (вроде так звучало в заключительном обвинении) государственного переворота? И что играют они с опасным государственным преступником, изменником и предателем?

Да по любому...

Улыбка пропала.

Не самые весёлые обвинения, скорее наоборот, особенно после всего, выпавшего на его долю. Но самое удивительное... то ли из-за царящей в зале атмосферы, то ли из-за упёртого характера, Дмитрий сумел взять себя в руки и настроиться на игру. Не ради выигрыша, конечно (кого ты обманываешь?), просто по-другому не умел, раз уж сюда загреметь умудрился – дерись до последнего.

Итак... Четыре игрока (колода из тридцати шести карт) и четыре стола. Всего – шестнадцать человек, готовых лишиться конечностей. Шестнадцать мудаков, решивших бросить вызов судьбе. Разумеется, судьи. Возле Димки (прямо за спиной) – уже знакомый «Весёлый молочник». Ещё один – шоубизевый близнец – буравит взглядом с противоположной стороны.

Теперь игроки. По очереди. Слева, если верить бейджику – Сергей. Высокий (видел парня, до того, как уселся за стол) и светловолосый, с болезненно-бледным лицом и заметными язвочками угрей на коже. Впалые щёки, узкое и вытянутое лошадиное лицо, подозрительно блестящие глаза. На одного поэта похож, изображённого на стене школьного сортира. Даже одеждой: широкие светлые брюки, мягкие мокасины и мятая рубашка.

Поэт, значит.

Поэт, как окрестил его Дмитрий, встретился с Костром туманным взглядом, левое веко слегка дёрнулось, кадык, словно затвор автомата, тоже подпрыгнул вверх, и быстро отвёл глаза. Слишком быстро, словно в них таилась важная информация (секрет победы) и Костёр мог её увидеть. Ну да... а увидел Дмитрий красноту лопнувших сосудов, неприятную желтизну белков и расширенные пуговицы зрачков. Знакомая картина. Вкупе с нервно теребящими кончик уха пальцами и бусинками пота на лбу, репродукция усложнялась. Наркоманистый пейзаж. Интересно, что заставило такого прийти на игру? Прячется? Или жизнь потеряла остроту? В любом случае играть в таком состоянии – самоубийство.

Под потолком взорвалась шутиха. Гром, искры, яркие огни. На экране – красочный повтор.

Дмитрий до конца отклонился назад, чувствуя спиной приятную теплоту вельветового кресла, незаметно скосил глаза влево и посмотрел под стол, замечая нервное притопывание левой ноги Поэта. Ещё раз взгляделся в лицо бедолаги, решая про себя, что, скорее всего, с этой стороны проблем не возникнет. Посмотрел на беснующуюся толпу, читая имена на плакатах (многие зрители, размахивая перед собой, держали транспаранты в руках), и не удивился, прочитав своё имя. Криво улыбнулся: игра жила по своим законам, и его согласия никто не спрашивал. Подумал и в сомнении качнул плечами: почему бы и нет? Если кому-то хочется сделать ставку и выиграть – пожалуйста, пускай порадуетя перед смертью.

Интересно, возникла дурацкая мысль, повлияет на его игру поддержка совершенно незнакомых людей? Болельщиков грёбанных. Ну как у спортсменов, например, когда подбадривают, им это вроде как помогает; или он будет испытывать чувство вины, в случае потери лузерами последних сбережений?

И правда, дурацкая мысль.

Никакой вины он испытывать не будет. И по той же причине, по какой никто из болельщиков не станет оплакивать его руки.

Суки они все...

Дмитрий перестал хмуриться и посмотрел направо (всё равно на спинку облокотился), с грустью разглядывая до блеска начищенные чёрные кожаные ботинки, слишком прочные

на вид, чтобы быть действительно хорошими и дорогими. Подумал, как, наверное, жарко их обладателю, и понадеялся, что тот не разуется. Окинул взглядом идеально выглаженные чёрные брюки, с едва заметной внизу более тёмной полоской: похоже, совсем недавно штанины распорили и развернули, делая длиннее.

Маловат костюмчик...

Димка попытался припомнить, одевал ли сидящий справа очкастый брюнет свой шитый в прошлом десятилетии пиджак. Вспомнил: не надевал. Сначала мял холстину в руках (всё-таки жарко), потом повесил на спинку кресла. Наверняка одолжил костюм у знакомых, или достал свой, пылившийся в дальнем углу шкафа ещё с выпускного. Значит, нужда... К тому же по виду – Диман посмотрел на бейджик и прочитал «Пётр» – вылитый отличник: тяжёлые очки с толстыми линзами, прилизанные жёсткие волосы и плюмбум гладко выбритых щёк. Из кармана пиджака выглядывала дешёвая шариковая ручка с прозрачным колпачком. А в другом кармане топорщился платок. С завёрнутыми внутрь соплями.

Дмитрий не выдержал (даже самое удобное кресло не спасало от усталости), привлекая к себе внимание сразу всех игроков, с чувством потянулся. Хорошо... Но про себя усмехнулся: устались... Вот и поволнуйтесь, понервничайте. То ему плохо, и он бледный, как поганка, а то спокоен, как удав в городском зоопарке, чудом выживший на казённых харчах шланг-змеюка. Похудевший только и уставший, хотя, в отличие от террариумного гада, кормили его неплохо.

Удав – Горыныч...

Почему-то стало тошно, а в голове всплыл последний разговор с Мишкой, последний – в смысле, перед игрой. В студии особо не пооткровенничаешь, это не дома, да и там, как оказалось, за ними следили. Теперь же вообще нельзя слова лишнего сказать, и вопрос, наверное, должен звучать по-другому: не «что нельзя», а «что можно». Ответ, естественно, «ничего». Кроме одного: желания выиграть, победить, даже если в финале придётся сойтись с Аспирином. А если честно, именно из-за этого.

Настроение испортилось окончательно.

Димке снова захотелось обернуться, уставиться в запавшие серые глаза, махнуть товарищу рукой. Костров начал поворачиваться, рука двинулась вверх... остановилась. Нет, нельзя. Мишка теперь не друг, и не партнёр. Он теперь – *противник*, и вести себя надо соответственно.

Попробуй, скажи это сердцу!

Ему не прикажешь, странную мышцу можно лишь постараться на время не слушать. Что будет с сердцем, если друг лишится рук, а затем и жизни, Диман не хотел думать. Если сделать правильно – все останутся живы.

Разглядывает, предупредил внутренний голос. Давно и внимательно.

Прекращая в задумчивости изучать бахрому покрывала, Дмитрий перевёл взгляд на последнего противника, небрежно развалившегося в кресле с другой стороны стола. Молодой человек посмотрел в ответ: без страха, внимательно, так же, как смотрел всё время до этого, но и немного по-другому.

Костёр взгляделся в зелёные глаза, чувствуя: разгадка поможет выиграть. Одна деталь, пустяшный штрих... может быть, *вызов*? Ему, другим противникам, если не всему человечеству сразу?

Точно матерый, встретивший на своей территории неизвестного хищника, зверь, Костёр щурился на игрока, пытаясь найти слабое место.

Ну же...

Есть!

С трудом выдерживая ледяной взгляд, внезапно догадался, с кем придётся сразиться. Профессиональный игрок. Тот самый засланный казачок, играющий, чтобы выиграть. Вернее,

чтобы остальные – *проиграли*. Поэтому и не волнуется. За себя, свою семью и ловкие руки, знает: рук не лишится.

Поддержат, окажут посильную (смешно: любую, я бы сказал) помощь.

Интересно, возникла другая мысль, не для тебя ли или твоих нанимателей предназначались те генераторы? Наверняка... родной ты мой, сладкий...

Зеленоглазый, наконец, не выдержал и отвёл взгляд.

Недолго девочка ломалась...

Диман едва заметно улыбнулся, представляя, каким его видят окружающие: легкоатлет в конце дистанции. Измученный худой детина с широкими плечами, наждачкой небритого подбородка и пеплом поседевших, успевших отрасти волос. С запавшими от бессонных ночей, горящими, точно в лихорадке, глазами. Бегун на длинные дистанции в рваных джинсах и грязных кроссовках, и выцветшей чёрной майке с неприличной надписью на спине. Не бегун, а отморозок, к тому же и официально заявлен, как враг государства...

Костёр продолжал кривить в подобии улыбки губы. Сам он себя отморозком не считал (уже нет), но очень походил на него внешне. Поэтому и переодеваться не стал, дез-ин-фор-ма-ци-я, как сказал бы отец.

Дмитрий окинул взглядом накачанную, но при этом изящную и немного женственную фигуру Казачка, оценил выступающие из-под фирменной майки мышцы. Пригладил волосы, в голове снова стало проясняться, облизал пересохшие губы, замечая недвусмысленный интерес мужчины. Мысленно усмехнулся: «Нравится»? Глаза выхватили имя, и мысль потерялась: «Денисом зовут, как напарника на работе». Значит, *хочешь* (снова эта мысль) поиграть? Поиграем... посмотрим, Дениска, на что способен, и сможешь ли дойти до второго тура.

Часть 2

Выдержки из проекта «2012».

ПРОЕКТ «2012».

Ряд чрезвычайных мер, решающих следующие задачи:

- 1. Сохранение господствующего положения правящей элиты и крупного бизнеса.*
- 2. Ужесточение контроля над всеми слоями общества.*
- 3. Создание абсолютно зависимого населения.*

СПРАВКА.

За весь период развития цивилизации перед человечеством неоднократно возникали сложнейшие проблемы планетарного характера. Но в полной мере трудности проявились во второй половине XX века, вызванные целым комплексом причин, характерных для данного интервала времени. В результате на рубеже двух веков произошло резкое ухудшение обстановки и стала очевидной невозможность отдельно взятых государств выправить ситуацию своими силами...

Количество глобальных проблем варьируется в довольно широких пределах (от десяти до сорока и более), но если считать наиболее важные, их всего восемь:

- 1. Проблема мира и разоружения, предотвращение новой мировой войны;*
- 2. Экологическая проблема;*
- 3. Демографическая проблема;*
- 4. Энергетическая проблема;*
- 5. Сырьевая проблема;*
- 6. Продовольственная проблема;*
- 7. Проблема использования Мирового океана;*
- 8. Проблема мирного освоения космоса.*

Отдельным, если не ключевым пунктом выступает так называемое глобальное Потепление, способное как существенно ухудшить вышеперечисленное, так и сгладить, или, в лучшем случае, растянуть во времени. Дальнейшие исследования полностью подтвердили данное утверждение, и в 2010 году на закрытом совещании глав правительств G 8 было принято решение объединить существующие проблемы в одну...

Глобальное потепление неизбежно, и будет сопровождаться подъёмом уровня Мирового океана. С 1995 по 2005 год уровень Мирового океана поднялся на 4 сантиметра, вместо прогнозируемых двух. Если темпы сохранятся на прежнем уровне, к концу XXI века суммарный подъём уровня Мирового океана составит 30–50 см. В свою очередь это неизбежно приведёт к частичному затоплению многих прибрежных территорий, особенно многонаселённого побережья Азии. Следует помнить, что около 100 миллионов человек на Земле живёт на высоте меньше 88 сантиметров над уровнем моря...

Кроме повышения уровня Мирового океана глобальное потепление повлияет на силу ветров и распределение осадков на планете. В результате на земле вырастут частота и масштабы различных природных катаклизмов (штормы, ураганы, засухи, наводнения).

В настоящее время от засухи страдает 2 % всей суши, но по прогнозам учёных к 2050 году засухой будет охвачено до 10 % всех земель материков. Кроме того, изменится распределение количества осадков по сезонам. В Северной Европе и на западе США увеличится коли-

чество осадков и частота штормов, ураганы будут бушевать в два раза чаще, чем в XX веке. Климат Центральной Европы станет переменчивым, в сердце Европы зимы станут теплее, а лето дождливее. Восточную и Южную Европу, включая Средиземноморье, ждёт засуха и жара...

Во многих странах мира условия жизни значительно ухудшатся. По оценкам ООН, к середине XXI века в мире будет насчитываться до 200 миллионов климатических беженцев...

ПРОГРАММА.

В сложившихся обстоятельствах не представляется возможным сохранить популяцию человечества на прежнем уровне. В целях сохранения стабильности дальнейший рост населения необходимо прекратить...

В результате локальных войн, изменения климата и ландшафта, добыча природных ископаемых станет практически невозможна и потребует огромных финансовых и человеческих ресурсов. В результате потребуются совершенно новые способы разработок месторождений...

Благодаря новейшим технологиям уже сейчас возможно создание совершенно новых существ (используя понятную терминологию – КИБОРГОВ): человекоподобных машин, совместивших в себе достоинства живого организма, электронных систем и искусственных механизмов. Несмотря на то, что на данном этапе создание генетически модифицированных людей требуемых геометрии и способностей в силу ряда причин (низкая стоимость, избыток материала) выглядит более привлекательным, настоятельно рекомендуется отказаться от исследований в данной области и отдать предпочтение первому варианту...

Данная форма (Кибернетический организм) имеет ряд неоспоримых преимуществ:

- 1. Абсолютный контроль над жизнедеятельностью и поступками.*
- 2. Взаимозаменяемость узлов и агрегатов.*
- 3. Низкая стоимость в результате унификации. (Возможность использования одной серии с использованием различного навесного оборудования и программного обеспечения).*
- 4. Возможность интегрирования в глобальные информационные сети...*

Необходимо ограничить или полностью лишить основную часть населения доступа к новейшим технологиям, научным открытиям, высшему образованию и независимым источникам информации. Проводить планомерную политику по снижению уровня образования и понижению интеллекта. Постараться вытеснить, а затем и полностью заменить печатные средства информации мультимедийными.

Приступить к созданию на территории России изолированного единого Центра управления. Обеспечить ему беспрецедентную безопасность и независимость. Создать на территории Центра максимально комфортную среду для проживания интеллектуальной мировой элиты. Постараться, насколько возможно, сохранить научные наработки и техническую базу...

Начиная с 2012 года запустить программу сосредоточения населения вокруг промышленных центров и приступить к их последующей изоляции. Под видом сохранения жизнеспособности субъектов приступить к возведению по их периметру непреодолимого барьера, оснащённого новейшими средствами защиты и контроля...

Пресекать любые несанкционированные выходы за барьер, вплоть до физического уничтожения. Одновременно создать резервации из числа беглецов и отказавшихся сотрудничать, с целью дальнейшего превращения в рабочих-киборгов...

Формировать города-поселения по национальному и производственному принципу. Лишить местное руководство возможности самим, с помощью имеющихся ресурсов, воспроизводить жизненно необходимые узлы и агрегаты, и поставить их в зависимость от Центра...

Не дожидаясь завершения изменения климата и возможных боевых столкновений, приступить к созданию требуемых кибернетических механизмов с целью бесперебойной добычи природных ископаемых и производства основного сырья. Наладить безопасную и эффективную транспортировку. Приступить к созданию специальных подразделений с целью наведения порядка над неподконтрольными территориями. Обеспечить промышленным субъектам необходимую безопасность, информационную и технологическую поддержку...

Приступить к созданию на затопленных территориях активных параллельно-угловых теплиц...

Любыми способами (ТВ, газеты, шоу) способствовать снятию напряжения в обществе и стопроцентной занятости. Постараться исключить элемент преступности и (или) использовать его в вышеперечисленных целях...

Ограничить рождаемость медикаментозными и другими (любыми) способами, поддерживая заданную численность населения городов...

Пресекать любую попытку автономии и независимости. Проводить массовые аресты и показательные казни, одновременно поощряя лояльность и покорность...

Глава 1

Редко когда в последнее время выдавался погожий денёк. Жаркое солнце – белое слепящее светило – окружённое яркими блёстками, если прищурить глаза. Морской воды небо, с застывшей пеной редких облаков, и тёплый ветер, ласкающий кожу. Деревья, изумрудная трава... и аромат цветов, так редко пробивающийся сквозь запах гари и автомобильных выхлопов.

Среднего роста крупный мужчина достал пачку сигарет и осторожно постучал по ребру ладони, дожидаясь, когда из мятого окошка фольги появится рыжий цилиндрок фильтра. Аккуратно подцепил двумя пальцами. Привычным движением сунул сигарету в рот и сильно прикусил зубами фильтр. Так же не спеша вернул пачку в нагрудный карман бежевой рубашки и достал зажигалку. Вроде бы равнодушно покосившись на проехавший мимо автомобиль, с силой крутанул колёсико кремния и ткнулся кончиком сигареты в маленькое жёлтое пламя. С удовольствием глубоко затянувшись, на секунду задержал в лёгких едкий дым и медленно выдохнул, сразу затягиваясь ещё раз.

В воздухе повисло молочное облако.

Тихо кашлянув, мужчина опустил глаза и посмотрел себе под ноги, сравнивая почти высохшую на площади грязь с угловатыми чешуйками, слегка загибающимися кверху.

Рыбы, выброшенной на берег...

Мужчина лет сорока, фигурой и лицом похожий на жившего в двадцать первом веке артиста Михаила Пореченкова, разве подбородок сильнее выдавался вперёд, взъерошил короткий ёжик рыжеватых волос. Пожёвывая нижнюю губу, носком ботинка пнул неровный край грязевой чешуйки, задумчиво стряхнул с сигареты пепел. От удара часть чешуйки отлетела, а часть раскрошилась, покрывая дерматиновые летние туфли толстым слоем пыли. Но мужчина этого не заметил, с интересом разглядывая светло-розовую, как лепестки роз, поверхность псевдоасфальтового покрытия. Почему-то тяжело вздохнул, и снова огляделся, останавливая взгляд на большом памятнике в центре площади, возле которого прогуливался уже полчаса.

«В. И. Ленин», – прочитал он известную с детства надпись на бронзовой, когда-то отливающей золотом, а теперь почерневшей от времени табличке.

– Вождь всех времён и народов. – Произнёс вслух, глядя на здание администрации города, фасадом напирющее на улицы в сотне метров от памятника, и снова думая о более чем странном выборе места для встречи, на виду у всех, впрочем... улыбнулся, рассекая высокий лоб и синяки под глазами сеткой морщин и скидывая несколько лет: «Где, как не в самом логове врага, ты можешь считать себя в безопасности».

Не смешно...

Если честно, Вадим Костров, отец Дмитрия Кострова, так не считал, или думал, что не считает. Да, ему многое не нравилось в своей жизни и ещё больше в жизни родного города. Да, после того, как стала известна история соотечественников, и родины, занимавшей две сотни лет назад огромную территорию, а теперь превратившуюся в колонии-поселения – пропали последние иллюзии. И, да – именно это, в конечном счёте, привело к тому, кем он стал, чем занимался и чего хотел добиться.

Если бы всё было так просто...

Именно правда, пусть и не полная, отчего пугающая ещё больше, заставила принять такое сложное решение. А город? Город он на самом деле любил. Любил его дождь, грязь, и даже жирную копоть заводских труб... А как иначе? Даже зная о существовании иной, пусть и совсем другой жизни, Вадим оставался до мозга костей заключённым. И не только потому, что город являлся местом, где вырос он, его отец, и, насколько он знал, все поколения Костровых. Он просто боялся... За двести лет существования крепости на свет появилось восемь поколений

людей, никогда не покидавших резервации. Не знающих понятия «свобода», и не мыслящих себя «вне городских стен». Именно поэтому Вадим не видел особых причин считать горожан врагами. Точнее – не всех горожан, а ещё точнее, только тех, кто не находился у власти. Но в принципе, если разобраться, редко когда простой российский обыватель испытывал к власти симпатию.

Мимо проехал ещё один автомобиль: окутанный клубами пыли рубленый прямоугольник.

Интересно, – возникла у Кострова-старшего мысль. – Как выглядели машины раньше, когда люди могли свободно передвигаться по земле?

Массивный подбородок выдвинулся вперёд.

Так же. – Возник ответ. – Оборудование, где собирали эти самые автомобили, существенных изменений не претерпело.

Грустно.

Скользнув по изъеденному ржавчиной кузову взглядом, мужчина не спеша отвернулся. Со стороны могло показаться, Вадим просто прогуливается, и ему ни до чего нет дела, но на самом деле Димкин отец пришёл на назначенную встречу и замечал всё происходящее на площади. И пускай профессиональным шпионом он так и не стал, кое-какие навыки приобрёл.

Два автомобиля за пять минут до назначенного срока. Подозрительно...

Возможно, но внешне мысль никак на Кострове-старшем не отразилась. Он только достал ещё одну сигарету и снова закурил. По-прежнему спокойно и с виду абсолютно рассеянно. Так же не спеша убрал пачку и зажигалку, посмотрел по сторонам, словно решая, ждать воображаемого друга или подругу – а именно такой имидж он себе выбрал – ещё, или уже хватит, демонстративно посмотрел на часы, и решительно, но так же медленно, двинулся дальше.

До встречи оставалось три минуты.

В том, что мимо за это время проехали два автомобиля, а на лавочке между клумбами, разбитыми вокруг памятника, развалился парень, Вадим не видел ничего страшного. Странного – да, но не страшного. Такие меры предосторожности могли означать одно: его предложение приняли, и человек из правительства достал нужную информацию. И это не слежка, а элементарная подстраховка. Потому как есть чего бояться, и не руководителя доморощенного подполья (мало чем отличающегося от бандитской шайки), пускай и решившегося на отчаянный шаг, а службы внутренней безопасности.

Грустно.

Розовый цвет асфальта напоминал кровь. Первую, когда впервые порезал палец. Вторую, когда упал с забора и разодрал гвоздём руку, и... из огнестрельной раны, когда ранили жену.

Вику...

Костров-старший затаился сильнее. Обжигая горло. Пытаясь отвлечься. И не смог. Перед глазами, как тысячу раз до этого, уже прокручивались события рокового вечера. Воспоминания получались неправдоподобно яркими и оттого ещё более болезненными.

Крик сына. Страх и непонимание в глазах жены. Её кровь... на руках, прижатых к ране. И он, молодой, но подающий надежды начальник производства, скрученный в собственной квартире. И молодой капитан Сергеев с перстнем, рассёкшим Вадиму бровь, и два тупых головореза...

Яркие, слишком яркие воспоминания, словно всё случилось только вчера, а не много лет назад.

Рука непроизвольно коснулась виска, мозолистые пальцы нащупали чёрточку незаметного шрама. Рана на коже давно затянулась, а рана на сердце продолжала кровоточить.

Длинный столбик пепла от порыва ветра (а может, и дрожи) сорвался с кончика сигареты и упал на рубашку. Послеполуденное солнце, лужа цинковую крышу, зацепилось за конёк четырёхэтажки.

Началось всё со знакомства с директором школы, где предстояло учиться сыну. Учреждение находилось на балансе предприятия, и Вадиму частенько приходилось бывать в директорском кабинете. Общась на субботах и отмечая вместе семейные праздники, зелёный, полный иллюзий молодой руководитель, и умудрённый опытом пожилой педагог очень быстро прониклись взаимной симпатией. Рано лишившись отца, Вадим тянулся к старому учителю, пытаясь восполнить потерю, получая вместе с другом – наставника и пример для подражания.

Мужчина, недавно разменявший пятый десяток, успел поведать много интересного, и не только рассказать. Много лет назад он наткнулся в школьном хранилище на объёмные полиэтиленовые пакеты, хранившие в себе запрещённую на территории города литературу. О ней следовало немедленно сообщить и сразу уничтожить, но так же, как и кто-то в далёкие времена, когда всё только начиналось, новый директор школы не посмел этого сделать. Вот и получилось, что книги и газеты столетней давности, пожелтевшие и едва не разваливающиеся от прикосновения, нашли своего читателя. Тот неизвестный, спрятавший их среди учебников и пособий, позаботился о сохранности, но прочесть удавалось лишь первые страницы. Но и этого хватало с избытком. Учитель, а потом и несколько преданных друзей узнали, как обманом и силой сгоняли людей в города-тюрьмы, как лишали возможности жить с родными. Как издевались, заставляя работать, и превращали в чудовищ.

Закончились собрания одной-единственной демонстрацией протеста, после чего директор, а с ним и ещё несколько человек, бесследно исчезли, а к Кострову ночью ворвался капитан Сергеев. Но именно тогда Вадим поклялся себе продолжить борьбу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.